

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

ISSN 0321—3803 Март, 1990 г.

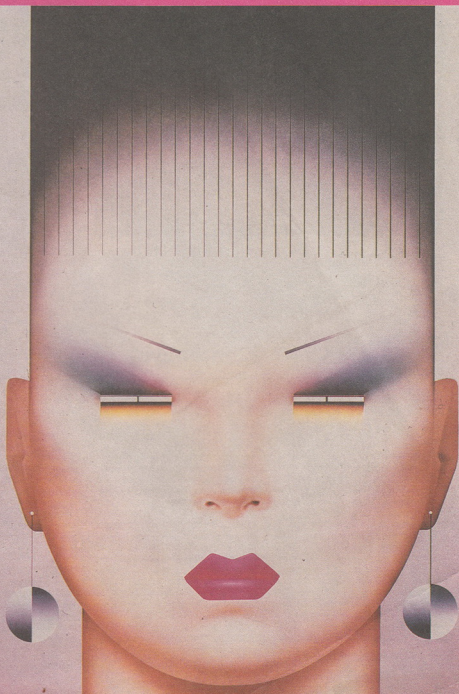
СТМ

Юность Мэтра
«Нужно восстановить
человека»

«Выйду за военого»
**Образы далекого
прошлого**
Страсти по металлу

Автономия, консенсус
и волшебные галушки
**Ярмарка, салон,
супермаркет?**
Ехал грека через реку

ГРАФИКА STANISLAW FERNANDES

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Восточный
сталинский
клуб

Автономия, консенсус и волшебные галушки

Василий Викторов

У нас новость.

Проснувшись сумрачным позднесенним утром, страна узнала: оказывается, под боком существует студенческое движение. При внешней абсурдности ситуация выглядит именно так. Нам очень хорошо известно, как у них там, в Париже: да-да, провалили правительство программу реконструкции системы образования, вышли на улицы тысячи молодых людей, очень весомо заявили, что так дело не пойдет, — и провалили. И как-то нам Сеул ближе и роднее, чем Кострома: по телику едва ли не каждый

вечер крутят ролики, сюжетная канва которых стала классической — молодые люди в марлевых намордниках или ковбойских платках до глаз пуляют чем ни попадя в полицейский кордон, кордон в ответ пуляет гранатами со слезоточивым газом. А вот молодой человек на площади листовки расшвыривает — должно быть, пражанин. А это что за улица, где толпа с транспарантами — скорее всего краковская улица или будапештская...

Так вот, пришел ноябрь и озадачил. На газетных полосах в подписях замелькали припис-

ки: студент. На телеэкране молодые лица возникли — ба, да это же наши: московские, тверские, свердловские, ярославские. И у них, оказывается, есть голос, и он — озабоченный.

Есть простой вопрос: а с чего это вдруг? Не было ни гроша — и вдруг алтын?

Алтын полновесный: одна минута форума, как выяснилось, влетает не просто в копейчку, а в шесть сотен рублей, одна минута, заметим. И не по общагам на железных кроватях с панцирной сеткой ночи коротаем, а в уважаемых гостиницах «Россия». И пожалуйста — «Щелкунчик» в Большом, давно позабывшем, как выглядит отечественная десятка, зато уж до последней морщинки выучившем умное лицо Джорджа Вашингтона на зеленых кредитках... И двери на тяжелом плавном ходу открылись: хочешь — в МВД, хочешь — в Минфин, хочешь — в Гособразование... О представительстве руководства страны на Всесоюзном студенческом форуме уже много сказано — оно беспрецедентно.

На памяти среднего поколения, пожалуй, две крупные студенческие сходки. Всесоюзный слет студентов семьдесят первого года. Знамена, овации, восторженные ораны с трибуны и внимательная, скрупулезная цитация в течение долгого-долгого времени основной речи. Всесоюзный слет бойцов ВСО в Алма-Ате в восемь-

десять четвертом. Опять торжественный зад, «группа восторгов», гораздо более сдержанные алауиш в адрес президиума, веселый ночной бедлам в одном из лучших отелей.

Из прежних сценариев сохранился один эпизод: ночной бедлам. Только замешен он не на водочных дрожжах. В ночной гостинице шла значительная часть работы, дискуссии, полемик, анализ платформ, поиск путей консолидации... Наверное, обслуга нашего суперотеля впервые столкнулась с такой буйной бессонной братией. Которая видит прелесть ночной жизни не в беспорядочной палубе шампанского, а в чем-то совсем ином. Пожалуй, мы все пережили это легкое недоумение все на своем веку повиданшей «коридорной дамы»: нетрадиционность. И неединице. Социолог лучше других прояснит ситуацию: одиннадцать процентов опрошенных делегатов отрицательно отзывались о выступлении лидера страны. Мотивы: это форма давления на делегатов; нужно было отнестись выступлению на конец форума; это превращает форум в парадное мероприятие.

Ну, парадность — это как будто из области формы... Э-э, брат, не шали, поправит нас здоровомыслящий человек, это проблема сугубо содержательная.

Тогда уж давайте еще раз заглянем в блокнот социолога — там у него есть результат экспресс-анализа. Значительно больше трети наших делегатов отзывались о характере студенческой сходки так: пустая говорильня. Пусть в духе времени, пусть энергичная, острая, срывающаяся на крик, но — говорильня.

Ой ли?

В диалоге Горбачева с залом был эпизод, который в общем сюжете (шестая статья Конституции, Карабах, частная собственность и так далее) слегка размысла и выглядел таким «проходным кадром»: друзья, давайте будем людям здорового смысла и поймем, что студенческие проблемы есть проблемы общества в целом, и разрешимы они только в общем контексте перестройки. Мысль как-то сыпалась, откати-

лась на второй план, вернее сказать, ее откатали: национальные проблемы, гласность, многопартийность, частные вузы, повышение цен на пиво и чисто одесский шарм: «Приезжайте, Михаил Сергеевич, в Одессу!»

Давайте все-таки «выкатим» смысл контекста на положенное место. И припомним феномен Висисуэля Лоханкина, вернее сказать, ту реальность, которая и вызвала к жизни замечательный этот образ: неустребованность обществом глубокого, истинного знания, прохладное, пренебрежительное и даже хамское отношение к интеллекту. Образ этого рефлектирующего, художочного очкарика, совершенно бесполезного в деле построения светлого будущего, и в самом деле выглядит колоритно. Если, скажем, прислонить его к ростерной планке ЮНЕСКО, фиксирующей коэффициент интеллектуализации молодежи, то выяснится, что наш средне-статистический интеллигент катастрофически «растет» вниз: в пятьдесят третьем году он был третьим на правом фланге, а теперь смущенно переманивается с ноги на ногу аж в пятой десятке, с завистью поглядывая в начало шеренги, где выпятили грудь великорослые американцы, да французы, да англичане. Здоровый румянец на их щеках имеет простое объяснение — там общество в среднем тратит в пять раз больше денег, чтобы обути их, накормить и обогреть, вложить в их головы разум, усадить за современную, оснащенную всем необходимым парту. И если пощупать эту парту, оценить оснащенность ее всем необходимым оборудованием, можно и вовсе загрузить: наша парта обходится обществу где-то в 2400 рублей, тогда как аналогичное учебное место в развитых капиталистических странах тянет тысяча на восемьдесят, и, конечно же, долларов. А общежития? А стояние здоровья? А питание, а то да се?

И даже гексаметром наш нынешний интеллигент в отличие от своего литературного прототипа вряд ли сможет объясниться в силу элементарного незнания классического образа и неспособности вос-

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВАКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1990, № 3, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редакция:
Генрих Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Ярослав Миклуляк
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Султинский,
Вячеслав Шостаковский,
Михаил Щипанов

Главный художник
А. Архутин
Художественный редактор
К. Кухтин

Технический редактор
Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан». Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 22.12.89. Подл. в печ. 01.02.90. А02244. Формат 70х100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. п. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 1 145 000 экз. (500 001—1 145 000 экз.). Заказ 401. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВАКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Суцешская ул., д. 21.

© «Студенческий меридиан», 1990 г.

принять гомеровский размер: уровень гуманитаризации, гуманизации образования таков, что, как говорится, увы и ах.

Это реальность, а не литература. Это тот контекст, тот

антураж, в котором всякий из нас — имеющий уже «поплавок» на лацкане или только готовящийся его заполучить, — вынужден пробовать размес-

А если нет — то это уже другой жанр, это уже область фантастики.

В фойе Дворца молодежи, наверное, многие обратили внимание на симпатичного молодого человека, к джинсовой куртке которого была пришпилена аккредитационная визитка, коротко и ясно рекомендовавшая владельца: «Алеша, хиппи». По соседству, у лестницы, хорошо шла за целый анархо-синдикалистская газета «Набат». Где-то между этими «полюсами» присутствовали и ребята из Московского союза учащейся молодежи, Украинского студенческого братства, Союза армянских студентов, свердловчане и ярославцы с собственными платформами, деятельные прибалты. Так что разброс воззрений, оценок, установок достаточно широк.

Ну кто бы спорил, что это славно? И что преобладает так вожаденное нами неединице.

Все и так замечательно, нечего перестраивать... Всем дать стипендию по 75 рублей... Открыть дорогу платному образованию... Предоставить вузу право автономии... Консенсус как принцип управления вузом...

Николай Травкин, народный депутат, человек, известный всякому, кто мало-мальски имеет обыкновение оглядываться по сторонам, желая понять, что же с нами происходит, высказал в «Московских новостях» как раз накануне форума очень точную мысль. Касалась она предмета, на первый взгляд далекого от студенческой жизни: депутат размышлял о тактике парламентской межрегиональной группы и, в частности, о работе в массах. Смысл в двух словах таков: мы все-таки пошли к рабочим и крестьянам, но не к сормовским рабочим, к японским, не к вологодским крестьянам, а к французским... И то верно: мы-то тут при чем?

А при том: к кому апеллируем?

В самом деле: к студентам Кембриджа или, скажем, Магнитогорского горно-металлургического? К тем, кто в Сорбонне, или к тем, кто в Ярославле?

Окончание на стр. 25

Нуждается ли философия в защите?

Да, нуждается. Ибо она гибнет. Я, конечно, не хочу сказать, что мыслители перевелись и что никто уже не способен выдвинуть свой взгляд на вещи, достаточно оригинальный и глубоко обоснованный. Но тенденция к этому есть, так как очень низко пала та часть культуры, которую можно назвать культурой мышления.

Давайте вспомним, что есть философия. Не что иное, как любознательность, любовь к мудрости.

С мудростью что-то происходит. Она исчезает. Ее становится меньше с каждым днем. Даже само слово это отодвигается понемногу в разряд устаревших. В ходу слово «ум», причем подразумевается, как правило, «деловая хватка» — качество само по себе неплохое, но ведь это явно недостаточно.

Попробую ввести новое понятие: «экология мудрости». Мудрость пора заносить в Красную книгу. Правда, ей там будет не очень одиноко. Рядом с нею окажутся Любовь, Добро, Милосердие, Честь и им подобные.

Кто же всему этому угрожает? Чья злая воля привела нравственность на грань уничтожения? Как ни парадоксально, мы сами. Только не наша злая воля, а наше преступное безволие, наше нежелание мыслить, и не просто мыслить, а мыслить культурно, качественно, красиво.

Дефицит мудрости породил явления, могущие серьезным образом сказаться на существовании уже нынешнего поколения. Последствия этого дефицита ужасны и непредсказуемы.

Надо учиться думать. И надо учиться сознать. Это две стороны одной медали. Под словосочетанием «учиться думать» я подразумеваю повышение культуры мышления. Как этого достичь? Нет ничего легче! Священные книги, сочинения древних греков и латинян, фи-

лософские откровения средневековья, классическая философия Германии, Франции, Англии, России, Индии, Китая помогут нам в этом. Нужно только сосредоточиться и изучать. Нужно понять, как мыслили великие. Нужно впитать и переработать в себе их мысли, их методы и приемы.

Конечно, всем не надо становиться философами, но повышать свою культуру необходимо каждому. Я еще хочу подчеркнуть, что культура — это не только музыка, живопись и литература, философия не менее важная часть культуры, если не основополагающая. Научимся думать и тогда, быть может, будем воспринимать жизнь по-другому, вдумчиво, а не потребительски, и, быть может, удастся стереть со слов «массовая культура» налет пошлости.

Что касается «учиться сознать», то под этим я подразумеваю думать постоянно. Думать о том, что мы делаем, что едим, какую музыку слушаем, с кем общаемся. Освещать все это светом сознания. Как много вещей в жизни мы делаем автоматически! К чему-то привыкли, чему-то нас обучили. Но ведь жизнь меняется постоянно, каждый следующий миг несет нечто новое, а мы, не замечая этого, превращаем сами себя в заводные игрушки. И от того, в чьи руки эти игрушки попадут, зависит их существование. Нам самим уже сейчас приходится расплачиваться за то, что мы избежали постоянной напряженной работы мозга, отказались от сознательного выбора поступков и судьбы, доверили все это неизвестно кому. В таком автоматизме корень всех общечеловеческих трагедий, ибо это есть мещанство, которое начинается там, где кончается мысль.

Давайте же учиться думать и сознать, давайте возьмем ответственность за свою судьбу в свои руки, ведь это единственный путь к свободе, не в той

внешней, ложной — «делаю, что хочу», а в истинной, внутренней, когда никакие внешние условия не могут свободного человека сделать несвободным, когда человек един с окружающим миром и любой поступок его не противоречит ничему вокруг, а является естественным продолжением космического бытия.

Олег Самольнов, Ленинград

Свобода зренья

Современные художники напоминают золотоискателей Запада — выигрывает не тот, кто первый нашел золотой прииск искусства, выигрывает тот, чья собака упрямка первой добьется до средств массовой информации. Выигрывает тот, кто первый запишет чужой прииск на себя.

Сегодня для художников и поэтов есть три свободы:

Свобода голоса.

Свобода текста.

Свобода зренья.

Самая грандиозная из них — свобода зренья, хотя на первый взгляд может показаться, что эта свобода наиболее доступная и единственно возможная. Очень не хочется деять свободы на главные и второстепенные. Тем более что совсем недавно над всеми этими свободами висел мощный туман неведения. Но вот тусклый туман рассеялся, и первой появилась свобода голоса, которая должна в конце концов открыть дорогу к свободе текста.

Но прежде всего нам придется научиться свободно видеть. Потом мы сможем свобод-

но говорить. И, как итог, свободно писать. Без свободы зренья не может быть никаких иных свобод. И если свобода голоса — это общественная свобода, то свобода зренья — это свобода духа.

Как результат отсутствия свободы зренья, сегодня поэзию подменяет прозастика. Чтение с голоса прикрывает бездуховность. Метафизические шифры могут прикинуться открытием. Предметность стала достоинством стихосложения. Но поэзия прежде всего — тайна. Она необъяснима, неведома, невидима. Более того, это не литературный жанр — это открытие. Поэтому подменять поэзию рифмованными и нерифмованными пересказами событий и перечислением предметов всех времен и народов просто хитрое бессилие.

Владимир Царев

Пять лет — впусую?!

У меня такое чувство, что в институте мы не только не приобретаем каких-либо новых знаний, но и забываем старые, полученные еще на школьной скамье. То, с чем без труда справлялись в классе шестом, сейчас для нас серьезная проблема.

Еще бы! Если не думать самостоятельно, то, естественно, отупеешь. А думать — то студенту как раз и не приходится.

Не стоит говорить о лекциях или семинарах. Тут преподаватель на блюдечке с голубой каемочкой преподносит все необходимое — успешной записывать. Сами же и решают задачи, лишь объясняя нам, как это делают.

Полученные знания мы, по идее, должны реализовать на практике. Но это же сплошная «липа»... Все наши курсовые и лабораторные сводятся к тому, чтобы в готовые формулы подставить собственные данные. Считать это хоть и утомительно — только все равно головке работы никакой.

Или компьютер... Как нынче говорится, перспективная техника, детище XX века. Знаем, знаем — работали. Снова на семинаре дают пример программы, а мы по этому образцу аналогичную и составляем.

Казалось бы, все проблемы компенсирует подготовка к сессии. Святое дело — выучить пройденное. Правда, в голове все равно мало что осадет. У нас же к каждому экзамену вопросы выдают заранее, поэтому сотню формул и правил вы зубрить за ночь — не проблема, а успех обеспечен.

Не знаю, как других, но меня мучает страх за свое будущее. Сейчас есть возможность хорошо продать свои знания и навыки — это и совместные предприятия, и производственные кооперативы. Было бы только что продавать! Но такие специалисты, какими выпустил нас наша alma mater, уже не нужны. А что будет через пять-десять лет?! Нам же самим придется добиваться «места под солнцем» — а какие мы конкуренты?

Диплом-то почти в кармане... А что дальше?!

Ольга Самарина, Москва

Где нужны энергичные люди?

Я работаю учителем начальных классов. Истекает третий год моего статуса: молодой специалист. Задумываюсь, как строить свою жизнь дальше.

Хочу уехать туда, где нужны энергичные люди. Хочу учиться новому, искать, догонять, спорить, соревноваться. Это пока моя основная цель. Дайте мне, пожалуйста, адреса, где нужна

я и моя работа. Скажите, где нужны энергичные люди?

*Ольга Назарова,
Челябинская область*

От редакции. Мы считаем, что лучше нас на письмо Ольги ответите вы, наши читатели.

По благу... в библиотеку

Мы, студенты педагогического института имени В. И. Ленина, делимся на две части: на тех, кто имеет доступ в крупные научные библиотеки, не думайте, что их много; и на тех, кто такого доступа не имеет. Я завидую первым — у них есть знакомые в библиотеке. Просто так, без блага, меня, третьекурсницу, не запишут ни в Ленинку, ни в ГПНТБ, ни в десятки других столь же серьезных.

Спрашивается, почему? Почему кто-то имеет право читать книги из фондов «недоступных» библиотек, а мы, которым «принадлежит будущее», не имеем? Почему эти книги могут читать научные работники, а студент III курса — не может и даже не может заказать их по межбиблиотечному абонементу в убогую публичку? Это же абсурд, что на научную информацию наложены какие-то возрастные или образовательные ограничения!

Видимо, научную работу студентов считают несерьезной — им, дескать, хватит и фондов открытых библиотек (то есть районных и городских). Но если с самого начала мы будем относиться к своей работе как к несерьезной, если станем спокойно закрывать глаза на весь объем информации по какому-либо предмету — мы же никогда не начнем делать что-то важное, нужное, а будем заниматься полунаукой.

Но и это еще не все наши беды. У нас даже нет места, где «делать уроки» — читать обязательный минимум литературы.

Скажете, а как же фундаментальная институтская библиотека?... Да, здесь в открытом доступе стоят многие нужные книги, но — увы! — в них лишь страницы вступительные и заключительные, а все хоть сколько-нибудь значительное давно уже вырвано. Программные художественных текстов все равно на всех не хватает (особый дефицит — на первых двух курсах, когда требуются произведения, редко издающиеся). К тому же, судя по годам издания, фонды не пополнялись со времен высших женских курсов. И ходят, распространяются слухи, что в подвале книгохранилища погребено де от воды множество ценных книг...

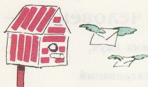
А как вам такая проблема: библиотечно-библиографическое образование студентов? Казалось бы, чего проще, как потратить всего несколько часов на первом курсе и объяснить нам, как пользоваться библиотекой (и не только институтской, а вообще — библиотечной); как работать со справочной литературой, книжной и журнальной летописью, как осуществлять поиск необходимых книг, но увы... До всего доходим сами, как говорится, методом проб и ошибок.

То, о чем пишу, это ведь даже не проблема библиотеки, а знания. Пока перед студентами закрыты главные источники информации — не будет ни грамотного учителя, ни серьезного научного работника. Не получится квалифицированный специалист, если он станет учиться лишь по лекциям да вузовским учебникам.

Мария Казбек, Москва

Остановитесь, задумайтесь

Обращаюсь к молодым людям. Помните, что первый и самый главный враг душевной близости — погоня за благами, именуемая вещиизмом. Встретив

преданную и чистую любовь, молодой человек, жаждущий денег и карьеры, думает: «Это пока не для брака. Семья, дети — потом, когда буду иметь нужный мне достаток (машину, квартиру, видео...)».

Бросаясь за выгодными заработками, опасаясь связать себя до времени узами семьи, он не замечает, что теряет нечто совершенно бесценное и невозвратимое. Потом, добившись благ земных, он вдруг осознает, что ошибся, что мимо прошла и уже не вернется возможная когда-то настоящая любовь. Оглянувшись вокруг, он видит, что не тем и не так жил, что многое, приобретенное им, — прах, а начать все сначала — нет ни времени, ни сил.

В жизни так важно вовремя остановиться и вспомнить, что есть более ценные вещи, которыми жив человек.

*Надежда С., 18 лет,
г. Новосибирск*

ДОСЫЛ В НОМЕР

В обзоре писем «Пока инициатива снизу» («Ст. М.», № 12, 1989 г.) я был поражен заявлением Петра Паиева о том, что, «как известно, курсанты военных училищ в работе Всесоюзного студенческого форума участия не принимали». Кому известно? Ну как же не принимали? Курсанты более 40 училищ не только принимали участие в работе форума, но и конструктивно влияли на решения его дискуссионных центров, ставили острые вопросы перед высшим командованием ВС СССР, вносили конкретные предложения.

*А. Мелашенко,
старший лейтенант, г. Харьков*

Да, дорогие читатели, нас по-прежнему волнует ваше мнение о вышедших номерах. И так будет всегда. Нам интересно сотрудничать с вами: вы нам — обстоятельные, аргументированные письма с подробным анализом материалов и конструктивными предложениями, мы вам (будем стараться!) — более интересный журнал. Идет?

Вот сейчас вы держите в руках № 3. Два предыдущих прочитали раньше. Заметили, что журнал в новом году тоже обновился? И не только по «одежке». Выкройте время и поговорите (письменно) с редакцией. Выскажите свои суждения по трем номерам. Что в них поддерживаете, что критикуете, что нужно сделать иначе, на какие темы необходимо обратить внимание, каким авторам и произведениям стоит отдать страницы нашего издания?

Не ограничивайтесь перечислением в своих советах. Доказывайте. Убедайте.

Самые лучшие письма, выдержки из них мы опубликуем.

Самые небезразличные читатели за свои разборы получают в подарок интересные книги.

Последний срок отправки писем с размышлениями по трем номерам — 15 апреля.

«Нужно восстановить человека», —

считает кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономических исследований
ДВО АН СССР М. И. Леденев

— Михаил Иванович, у меня, да и не только у меня, ощущение сегодня такое, что мы «дошли до ручки», ощущение полного развала во всем: в экономике, морали, власти — во всей народной жизни. Какова, на ваш взгляд, если вы более или менее согласны с моей оценкой, причина такого положения, в чем наша главная беда или беды?

— Беда у нас, в сущности, одна. Отчуждение. Отчуждение от собственности. Причем, говоря о собственности, я имею в виду не только и не столько вещественное ее выражение. Ведь собственность — широкое понятие, оно в своем развитии проходит очень длинный путь. И вот, повторяю, мы оказались отчуждены, и прежде всего от собственного Я. Мы не можем полностью реализовать себя, нигде и ни в чем — ни в творчестве, ни в политике, ни в идеологии, ни в собственной морали, — нас давит общество и так называемый коллектив.

Люди, разумеется, никогда не были свободны в выборе социально-экономических условий своего бытия. Однако никогда прежде эти условия не унифицировались, не однообразились так, как теперь. Даже воспользоваться тем скудным выбором, который имеется, чаще не в нашей власти: все нам «дает» государство — продовольствие, жилье, образование, взгляды...

Возникает вопрос: почему? Прежде всего — из-за несостоятельности нашей идеологии. Прошу вас обратить вни-

мание на следующее принципиальное положение. Возьмем Ленина, 26-й том, страница 73. Посмотрим то, что мы с вами выучили, что называется, наизусть. Вчитаемся: «...неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества». Вспомним: марксисты очень возражали, Энгельс неоднократно оправдывался, что их

необоснованно упрекают в экономическом детерминизме и т. д. А Ленин четко говорит: «всецело и исключительно» — хватило бы только этих слов — «из экономического закона». Ничего больше нет. Читаем дальше: «Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма». Вот он — технократический подход! Где же здесь развитие человека, самого человека?!

— Если можно, вклиньтесь. А ведь многие наши современники, ведущие экономисты, чьи имена постоянно на слуху, смотрят с тех же технократи-

ГРАФИКА ВЛАДИМИРА ИВАНОВА, г. ЯРОСЛАВЛЬ

ческих позиций. Мол, есть законы экономики, и они, как закон тяготения...

— Об этом я скажу чуть позже. Читаю дальше: «Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат». Позволяет: интеллектуальный двигатель? Класс, ограбленный в смысле знаний и света, — как он может быть интеллектуальным двигателем? Как-то в «Комсомолке» выступил рабочий, народный депутат, который требовал прекратить лстыть, заигрывать с рабочим классом. Но это все еще остается частью политики административной системы. Впрочем, даже не это главное.

«Обобществление производства», пишет Ленин, «не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к экспроприации экспроприаторов». Итак, обобществление производства, или — в переводе с птичьего языка экономистов на человеческий — усиление взаимосвязей, взаимозависимости. То есть разделение труда и кооперация. Ленин отсюда делает вывод, что это неизбежно приведет к обобществлению собственности, но на каком основании? Обобществление труда и производства — одно дело. А обобществление собственности — дело совершенно другое. Вот перескок! Вот чудовищная ошибка! Вот что мы вызубривали, не выкинув, не задумавшись. И вместе с обобществлением труда и производства стали насильственно обобществлять собственность.

Подумайте: Хаммер живет и функционирует в условиях колоссального разделения труда, кооперирования — но он не перестал быть собственником. Наоборот, это ему дает широчайшую возможность быть собственником. Бесконечным собственником. Добавляя свой труд, пользоваться трудом всех и вся.

Вот где кроется ошибка в нашей теории, идеологии, первопричина того, что на протяжении 70 лет свершалось бесконечное насилие. Насилие над человеческой природой.

— Наше общество — в лице управленческого аппарата —

видит в человеке прежде всего работника, рабочие руки. Его ценность меряется шкалой экономических показателей: не случайны все средства массовой информации до последнего времени были забиты передовиками и стахановцами. Это не изжито и сейчас. Наблюдая дебаты народных депутатов СССР на съездах и сессиях Верховного Совета, я пришел к убеждению, что экономический подход ко всем жизненным проблемам не только сохранился, но все более укрепляется.

— А знаете, где истоки такого подхода к человеку? Давайте рассмотрим такую экономическую категорию, как труд. Мне представляется, что он складывается по крайней мере из трех структурных составляющих. Труд, который, отчуждаясь от человека, превращается в товар, — это раз. Два — труд на себя. Это труд вашей души, желание быть добрым, честным, порядочным и т. д. Третья составляющая понятия труда — труд для себя: каждый день вы должны умываться, одеваться — обслуживать себя. Этот труд также не превращается в товар, однако он есть.

Маркс же берет только одну часть — «труд-товар» — и выводит из нее развитие всей жизни. Чего же жать гармонии и красоты в окружающем нас мире?.. А что нужно сделать, чтобы все составляющие труда соединились в одно целое? Чтобы не растягивало вас на части. Для этого вы должны стать собственником. Всего-навсего собственником условий производства — вы, лично вы, а не коллектив или кто-то.

— То есть отношение к собственности является ключевым моментом?

— Да. Так было всегда. Движение к собственности — это и есть выражение своего Я. Не удержусь, прочитаю вам отрывок из Энгельгарата («Его читала вся читающая Россия» — Ленин). «Все крестьяне сознают, что жить большими семьями выгоднее. Что раздел является причиной обеднения, а между тем все-таки делятся. Есть же, значит, этому какая-нибудь причина. Очевидно, что в семейной крестьянской жизни есть что-то такое, чего не может перенести все переносящий мужик. Не в мужике ли оно?

Вот у мешан, у купцов делящей гораздо меньше. Там вся семья работает сообща: один брат дома торгует, другой по уезду ездит, третий в кабаке сидит, и все стремятся к одному — сорвать, надуть, объегорить. Не оттого ли мужик делится, не оттого ли стремится к отдельной, самостоятельной жизни, что он более человек, более позт, более идеалист? Вот так: «он более человек», поэтому и должен утверждаться как личность, идя при всем том даже на бедность. Есть, значит, границы экономическому?

Собственность. Сегодня мы говорим о ней как о необычайно сложной категории, разработку которой к тому же не знаем, какой науке поручить. Но так ли это на самом деле? Мне думается, что мы просто страшимся выводов, которые неизбежно грядут, страшимся той работы по общественному переустройству, которую неизбежно придется совершать, страшимся реакции людей, положение которых существенно изменится.

В главном уже сейчас ясно, что недооценка философского, жизненного значения труда, неразработанность этой стороны труда привели к огрублению понимания собственности, а точнее, к ее отрицанию, к сокращению свободы творчества, жизнедеятельности до сферы потребления.

Надо признать, что собственность, как саморефлексия личности, проявляющаяся в бесконечном разнообразии спонтанных форм, особенно в творческой деятельности — это своего рода ядерная энергия, рождающая труд, создающая человека — не была оценена и освоена теоретическим социализмом. История человечества есть история освобождения личности, история развития собственности от имуществва до достоинства. А когда некоторые экономисты говорят: будто можно организовать хозрасчет без собственности, мне становится стыдно за мою науку.

— Михаил Иванович, идет шестой год перестройки, а мы все жалуемся, что жить труднее и труднее. Когда же будет легче?

— Помните, у Гоголя в «Мертвых душах» Русь-тройку — «долог путь». Не надо лезть надежду, что завтра бу-

дет лучше. Завтра будет хуже. В своем скатывании вниз мы не прошли еще критической точки.

— А где она, критическая точка?

— У каждого есть своя черта: у вас — своя, у меня своя. В зависимости от условий, уровня культуры и т. д. Американец, если бы он окунулся в нашу жизнь, конечно бы, ужаснулся. А мы говорим: это еще ничего — и бьемся за убогую квартиру. То есть указать эту критическую точку, общую для всех, трудно, но — мое убеждение! — она еще не пройдена.

Вот подумайте: как и чем мы сегодня живем? Мы существуем за счет истощения человеческой природы. Как медведь за счет своего жира во время зимовки — так мы живем своими душами.

Вот вы, журналист, написали книгу — вы ведь и себя написали, нового. Результатом труда должны становиться две вещи — продукт и человек. Когда человек занят свободным трудом, соизмерит, сколько усилий требуется для возникновения товара, сколько на себя и для себя, — все получается прекрасно, там в остатке человека больше. Больше, чем до начала процесса. Если же его поставили на конвейер — там человека получится меньше. Безусловно, люди очень разные. Для некоторых работа на конвейере, наемный труд — выход, поскольку они не могут, говоря словами Энгельгардта, жить своим загодом. Но тем, кто к этому тянется, необходимо предоставить такую возможность.

— Сейчас много говорится об арендном подряде. Как вы относитесь к такой форме хозяйствования?

— Аренда — отвлечение для малограмотных людей, делание вида, что правительство и наука правительственная видят какой-то путь. Ведь что такое аренда? Тот же наемный труд, только нанимаются еще и средства производства — два хомута на себя приходится надевать. А я, арендодатель, с вас сдираю арендную плату. Какую? А какую мне вздумается — рынка-то нет. Выдумую, из головы, да так, чтобы гайки потуже закрутить, чтобы мои

завистливые глаза не высоко-пти из орбит. Китайцы говорят: красные глаза...

Что вы сегодня доброго слышали о кооператорах? Только и разговоров, сколько они зарабатывают. Прав Святослав Федоров — рабская психология.

Как-то в «Аргументах и фактах» прошла такая информация: в США 18 миллионов частных предприятий. Давайте задумаемся в эту цифру. Семья — это в среднем 4 человека. Значит, грубо говоря, в Америке около 100 миллионов собственников, хозяев, не говоря уже о держателях акций и прочих. То есть не то, что на одной стороне два капиталиста, а на другой — сотни миллионов пролетариев. Не так? Не так. Нас обманывали десятилетиями. Обманывают и сейчас. Институты Примакова, Арбатова — дали нам объективную информацию естественного развития? Кроме кусочечных знаний и недоговорок, ничего мы от них не получили.

— Опыт Запада — это, конечно, хорошо. Но все-таки мы очень отличаемся — всегда отличались, — и нельзя копировать, например, путь, которым идет Америка. А что делать нам? Сегодня? Сейчас?

— Вы правы, купить благосостояние нельзя. Сейчас нередко приходится слышать: мол, давайте закупим передовые технологии, компьютеры на Западе и решим все наши проблемы. А я поставлю вопрос так: ведь компьютер совсем недавно родился. Они же к нему пришли своими ногами. А мы хотим его просто взять и обмануть всех и вся. Мы ищем, как бы поменьше труда затратить, — опять рабская психология. Америка ведь не с компьютера начинала. А с чего? С честного, добросовестного труда. С труда по преимуществу на себя. А мы все прикидываем, как бы выкрутиться, обогорить всех.

Повторяю: благосостояние не купишь. Что же делать? Положение не безвыходно. Самая страшная наша потеря — потеря человека. «Продукт» вытеснил его, а вытеснив, и сам стал уменьшаться. Мы живем за счет уничтожения — окружающей природы и

собственной. Расщепление государственной собственности, персонафикация собственности — этому нет альтернативы. Необходимо восстанавливать человека. Реабилитация собственности в правах позволяет «очеловечить» экономику и — одновременно — получить материальную основу для развития самой духовности. Без «моего», без «личного» нам не создать условий для свободного развития всех и каждого. Все, что сегодня можно отдать в собственность человеку, — нужно немедленно отдать. Наше растерявшееся правительство не знает, как залатать 120-миллиардную дефицитную дырку в бюджете. Нужно действовать решительно — продать средства производства, квартиры — а вырученные деньги немедленно сжечь. Раздать землю всем, кто захочет ее взять. Позволить неограниченно заводить подсобные хозяйства...

— Михаил Иванович, часто приводят в пример нпз. Мол, вот в короткий срок насытили рынок продуктами и т. д. А я думаю: ведь тогда еще люди умели работать, тяга и вкус к этому были, рядом колосальный разрыв...

— Вот и надо восстанавливать хозяина, собственника. У человека должны быть в жизни подпорки, надо помочь ему реализоваться, чтобы могла формироваться личность. Действительность пока не дает такой возможности: мы уже не представляем нашей жизни — иначе как идти куда-то на работу, лицензировать на собрания в так называемом коллективе. Коллектив, общение — все это прекрасно, когда встречаются личности, когда мы общаемся, не царапая друг другу души. А у нас два-три подонка у власти превращают людей в лицензионные сборище. А все более или менее нормальные люди отгораживаются, замыкаются в себе — лишь бы не калечили их существо. Шариковы и швандеры лезут к нам в души, и от них очень трудно избавиться.

Вот сейчас кричат на всех улах: вся власть Советам! Это же не до конца продуманный лозунг! Нельзя всю власть отдавать Советам. Никому нельзя. Ваша должна быть власть, а «у них» — кусочки. Любая

Собственность. Сегодня мы говорим о ней как о необычайно сложной категории, разработку которой к тому же не знаем, какой науке поручить. Но так ли это на самом деле?

власть возвращает. Монтень: «Абсолютная власть разрастается абсолютом». Ничего себе: отдать местному держиморде власть надо мной. Да он меня сотрет в порошок гораздо быстрее, чем столичный бюрократ. Это все «их» игры — вся власть Советам! — «их», желающих быть «рисовальщиками» нашей жизни. Их — это бюрократического аппарата — партийно-политического и партийно-советского. И играют они в них, потому что боятся остаться без власти и попросту стать ненужными.

— Михаил Иванович, я знаю, что у вас есть своя концепция развития Дальнего Востока, БАМа...

— Перестройка только на региональном уровне — бег на месте. Можно спорить о концепции БАМа, но ведь она лишь часть общей стратегии развития производительных сил Дальнего Востока. А та, в свою очередь, — элемент развития народного хозяйства, которое само по себе является частью развития социализма. Сегодня нужно найти мощное средство для предстоящих преобразований. Я убежден, что это — собственность. Человека нужно сделать собственником условий своего воспроизводства. Только при таком подходе проявится сила десятков миллионов трудящихся как сила, создающая социализм. Никакая перестройка невозможна без осознания людьми своих интересов...

К чему следует стремиться, осваивая, обживая, развивая такие районы, как Сибирь, Дальний Восток? К финансовой отдаче, самоокупаемости территории? Поразмываясь. Люди обычно спешат усовершенствовать средства, а надо бы усовершенствовать саму цель. Возьмем жизнь — имеет она цену или нет? Вопрос риторический: ценя она не имеет,

выше жизни нет ничего. И нет выше цели, чем организовать жизнь, достойную человека.

— А как же покорение и подчинение суровой дальневосточной природы, к чему мы столько лет стремились?

— Освоение территории — это не содранный с лица земли и проданный за границу лес, это не выкопанное золото, это не выловленная рыба и испохабленный берег — это место, подогнанное для жизни человека. В бесконечности. Место, где воспроизводится человеческая жизнь. Предлагаю такую формулу: территория не может признаваться освоенной, если не имеет достаточных условий для формирования постоянного населения, квалифицированного работника, по-настоящему всесторонне развитого человека.

Беда Дальнего Востока в том, что регион ориентирован на добывающую промышленность, а организация производства архаична и не соответствует запросам человека. К тому же ведомственность формирует временническое сознание. Причем дальневосточный временщик многолик. Это не только человек с «чемоданом», урвавший куш на очередной «стройке века» и отбывший за Урал. Не только откровенный «бич» — сегодня он рабочий у геологов, завтра матрос на сейнере. Это нередко и коренной житель, любящий край, не собирающийся бежать отсюда, но работающий на производствах, которые губят нашу хрупкую природу.

Обида берет «за державу», когда видишь, что в тех самых отраслях, базирующихся на природных ресурсах, можно создать производственные условия, достойные человека.

Всеякое развитие, напомним, это саморазвитие. Устойчивое развитие — внутреннее, а не прописанное извне. Может

ли региональное хозяйство нормально развиваться, как на пилюлях, на беспреданных дотациях государства? Нет! Может здесь производство развиваться эффективно, обеспечивая воспроизводство населения на собственной основе? Да! Но мы бедны при нашем богатстве.

С учетом особенностей Дальнего Востока деятельность здесь следует направить на расширение воспроизводство природных ресурсов и самого человека. БАМ, например, нужно покрыть сетью мелких производств и предприятий, «мелкие» эти хозяйства могут охватывать территорию в тысячи гектаров, но вести их будут два-три человека. Здесь и охотничий промысел, и сбор дикоросов, лекарственных трав, посадка и аккуратное изъятие леса, и многое другое. Можно организовать уникальные хозяйства, и человек здесь, безусловно, будет иметь возможность воспроизвести себя самого, поскольку ему придется быть немного биологом, зоологом, охотником, механизатором, понимать кое-что в химии и т. д. и т. п. Можно создать здесь прекрасного, мощного человека, личность? Уверен, можно. И отдача будет колоссальная...

— Вы делаете упор на собственника, личность, а какова роль государства?

— Давайте я вам задам вопрос: обострение национальных проблем и противоречий — какие оно имеет внешние предпосылки, только внешние, внутренние не берем?

— Во всех странах мира аналогичные процессы самосознания идут, но почему, не задумывался.

— Был такой английский ученый — Годвин, лет 200 назад жил. Так он говорил: большое государство во всех отношениях проигрывает маленькому за исключением одного — безопасности. И вот немножко потеплело в мире — уже некоторые захотели отпочковаться... Почему Русь превратилась в такое гигантское образование, вобрала в себя многие нации и народности? Насильно? Попробуйте это сделать, заставить. Вьетнам заставляли? Афганистан заставляли? Народ нельзя заставить, если он не хо-

Ярмарка, салон, супермаркет?

Михаил Щитанов

чет. Почему же в Россию входили? Да потому что она постоянно вела войну со степью — чудовищной, страшной силой, противостоять которой мог только сильный. Вы меня спрашиваете: какова роль государства? А я вас спрашиваю: а каков человек? Если это Герцен — тогда не надо никакого государства. Почему Европа шагнула так далеко вперед? Потому что установка была на личность. Нет выходов дешевых, легких — купил компьютер и разбогател.

— Еще можно купить много финской колбасы...

— Да, «накормить народ». Стоит ли удивляться малости результатов перестройки, нетвердости ее шагов, если мы еще не знаем, не решили, что же мы хотим, кроме, разумеется, непреложного — лучше питаться, одеваться и т. д., в чем всегда нуждались. Мы еще не создали модель перестройки в голове и поэтому не стали действующими лицами. А время идет, и душным становится воздух от надвигающейся грозы, которая техногенными, социальными и национальными взлохматками стала напоминать о себе каждодневно. Да и можно ли ждать лучшего, когда все меньше и меньше остается в сознании людей устоев, которые были недостижимы для переменчивых идей и проходящих теорий, и уже налицо опасность окончательного разрыва исторических связей, потери памяти. Все больше и больше разрушаются подпорки, которыми веками крепилась жизнь, обеспечивая ей смысл такой деятельности, которая уносила человека в вечность, в бессмертие. Надо изменить это положение...

Беседу вел Илья Толстой

От редакции. Публикуя этот материал, редакция не претендует на некоторые слишком категоричные и, на наш взгляд, небеспорные оценки и выводы ученого-экономиста. Но разве не в открытой полемике, настоящем идейном споре, возможности высказать и выслушать разные точки зрения — обретение верных ориентиров на пути к истине?

Не пытаетесь втолковать молодому французскому новеньким дипломом в кармане, что значит распределиться после окончания института на работу. Для выпускников университета Париж-1 или Эколь нормаль начало самостоятельной активной жизни — это затяжной прыжок с парашютом в полную неизвестность. В среднем, как свидетельствует всзнающая статистика, такое подвешенное состояние длится девять классических месяцев, хотя далеко не всем удается в равной мере успешно разрешиться от бремени проблем трудоустройства. Семь процентов выпускников французских вузов не могут найти своего места под солнцем по году и более.

Впрочем, наиболее распространенный путь к постоянной зарплате — стажировка, причем чаще всего без оплаты. По этому на первом этапе молодые специалисты ищут во Франции не вакантную должность, а место стажера. Мало кто может миновать такое «фирменное» чистилище. Часто стажироваться начинают еще студентами и продолжают смотрны на фирмах уже после получения диплома, меняя три-четыре адреса потенциальных мест работы. Придерживаются стажеры и неписанных правил этикета. В частности, не поощряются чересчур прыткие стажеры, готовые практиковаться в любых, даже не связанных между собой областях. Кроме того, на выбор места стажировки влияет и способность индивидуума к выживанию в экстремальных бытовых условиях. Так, например, в журналистике все без исключения стажировки однозначно бесплатные, поэтому люди пи-

шущие, мечтающие о славе Женевиэвы Табуи, вынуждены волей-неволей начинать свою карьеру с многомесячного поста.

Даже при удачном прохождении смотрин дебютанту инженеру или преподавателю отнюдь не гарантировано блестящее будущее. Чаще всего административные советы предприятий отделяются от докучливых стажеров благожелательными рекомендательными письмами. Подобная практика постоянно расширяет клиентуру психологов: далеко не у всех хватает духа сразу же стучаться в дверь следующей фирмы.

Впрочем, и благоприятный исход стажировки не означает, что вас сразу зачислят в штат. В большинстве случаев пригласившему стажера предлагается «контракт на ограниченный срок», выражаясь по-нашему, его берут только на договор. Справедливости ради стоит отметить, что на таких временных сотрудников в полном объеме распространяются все социальные права, включая премию. Договор о временной работе может перезаключаться не более трех раз и рассчитан максимум на два года. По истечении этого срока, если молодой сотрудник не переходит в постоянный штат, то, помимо благодарности фирмы, он получает выходящее пособие, составляющее пять процентов от всех полагающихся ему по контракту заработков.

О размахе практики временных контрактов свидетельствует тот факт, что сейчас во Франции на условиях договора с ограниченным сроком действия нанимаются два из каждых

трех молодых специалистов.

Итак, стажировка — необходимая ступенька в служебной лестнице подавляющего числа молодых специалистов во Франции. Остается только выяснить, каким образом стажер и предприятие находят друг друга? Уж не по блату ли? Не по звонку ли влиятельных покровителей? Кстати, одно из значений понятия «блат» по-французски — «пистон», поэтому у них там «получивший пистон» ощущает себя скорее в своей тарелке, чем в луже. Но это шутка, а если на французские реалии взглянуть беспристрастно, то протекционизм без труда обнаружится и в обществе свободной конкуренции, особенно на национализированных предприятиях. Но все-таки главный источник информации к размышлению молодых специалистов — это не звонки и не конфиденциальный шепот, а публикации прессы, специализированных рекламных и посреднических агентств.

Особенно преуспевает на ниве рекламы стажерства ведущий студенческий журнал «Этюдьян». Все неоспоримые признаки преуспевания этого парижского ежемесячника видны не-

вооруженным глазом. Трехэтажный особняк редакции с обширным подвалом-хранилищем, насыщение рабочих помещений компьютерами и редакторскими электронными терминалами — во многом объясняются заинтересованностью французского патроната — объединения капитанов промышленности — в публикации на страницах «Этюдьяна» щедро оплачиваемых объявлений с предложениями стажировок и временных договоров. Промышленники уверены — их денежки не пропадут, поскольку, несмотря на небольшой по нашим меркам тираж, «Этюдьян» собирает читательскую аудиторию в восемьсот-девятьсот тысяч студентов и учащихся старших классов.

Кроме того, в редакции «Этюдьяна» родилась идея «студенческих салонов», которые злые языки прозвали супермаркетами. Суть этого проекта, осуществляемого с 1985 года, состоит в том, что в крупнейших городах Франции в просторных выставочных павильонах представители различных фирм и университетов назначают на фоне собственных рекламных экспозиций randevu

своим потенциальным сотрудникам.

Под крышами «студенческих салонов» ясно ошугим пульс завтрашней деловой активности. Неудивительно, что в 1989 году их посетили 415 тысяч молодых людей, а в нынешнем ожидают, что их число превысит уже 600 тысяч. Не каждая рок-звезда может собрать такую аудиторию.

Студенты приходят сюда не для того, чтобы набить ранцы красочными проспектами или затеряться в праздничной суете, хотя хватает там и рок-групп, и демонстраций мод, и импровизированных представлений. Главное — узнать конъюнктуру, сравнить свой «стажерский рейтинг» с возможностями других конкурентов-ровесников.

Обычно на каждом из салонов предлагается порядка двух тысяч мест стажеров на различных фирмах и предприятиях. Добиться выделения такой «салонной квоты» от делового мира непросто.

В «деловом отсеке» салона соискатель стажировки имеет возможность не только напрямую связаться с интересующим его предприятием или, напри-

мер, муниципальной службой, но и получить квалифицированную консультацию по оформлению необходимых документов: краткой анкеты, письма с просьбой о зачислении стажером и т. д. Колеблящимся тут же предлагают пройти платное тестирование на компьютере, чтобы выбрать поприще наверняка, по науке. Не лишней оказывается для молодых дарований и встреча с психологом. Ведь далеко не всем знакомо искусство того, как в краткой беседе показать «товар лицом», одолеть волнение и косноязычие, четко мотивировать в письме желание попытаться карьерного счастья именно на данном предприятии.

Ну вот, наконец, выбор сделан, выгодное впечатление на заинтересованных лиц произведено, и документы соискателя стажерского места торжественно опускаются в специальный красный ящик. Теперь остается ждать вызова на фирму для дальнейших переговоров. Тяжело в ученье, но и после не легче.

В целом значение «студенческих салонов» вышло за рамки простого трудоустройства выпускников и профориентации старшеклассников. Ежегодные встречи молодежь — патриот — университеты превратились в своеобразные индикаторы экономического здоровья различных регионов, поскольку именно потребности в квалифицированных специалистах и занятиях достаточно четко отражает уровень деловой активности, а также чувство исторического оптимизма бизнесменов.

Сейчас пока трудно однозначно определить, насколько опыт французских «студенческих салонов» может быть применим в наших условиях. Однако уже ясно, что развитие самостоятельности и внедрение хотя бы элементов рыночного хозяйства поставят советские предприятия перед необходимостью более тщательного и продуманного подбора кадров. Со своей стороны, и студенты-дипломники будут нуждаться в знании конъюнктуры в первоначальном смысле этого термина. Кто в таком случае выступит посредником у нас? Только ли кооперативы? Да и стоит ли вообще изобретать по такому поводу велосипед?

Итальянская звезда Моника Витти могла бы велед за Марком Твенном повторить, что слухи о ее смерти оказались несколько преувеличенными. Первоначально, но непроверенное известие о самоубийстве популярнейшей актрисы опубликовала солидная французская газета «Монд». Однако даже когда Витти лично и публично опровергла дезинформацию о своей трагической кончине, в около-художественных кругах, памяти, вероятно, что нет дыма без огня, продолжали утверждать, что любимца публики все-таки собиралась добровольно уйти из жизни. По словам самой актрисы, она впервые поняла, сколь велика ответственность прессы и как люди верят всему напечатанному. Для того чтобы окончательно поставить все точки над «я», «воскресшая» Моника Витти согласилась участвовать в спектакле «Первая полоса», сатирической пьесе о журналистах и нравах в журналистике.

Хорошая реклама может, как выясняется, не только двигать торговлю, но и заставить моду течь вспять, то есть с Востока на Запад. Перелетев через границы и приземлившись на красочной вкладке итальянского еженедельника «Панорама», часы «Ракета» произвели настоящий взрыв на Апеннинском полуострове и неожиданно привадили забот московским продавщицам. Часы из обновляющейся России были по достоинству

оценены итальянцами, несмотря даже на то, что, по мнению лингвистов из «Панорамы», называются они не «Ракета», а «Пакета», перепутали латинский алфавит с кириллицей. Во всяком случае, очевидцы утверждали, что в московских магазинах металась иностранщица-брюнетка, пытаясь объяснить, какая именно надпись должна быть на циферблате позарез нужных им часов. Впрочем, законы капитализма известны своей суровостью. Не дожидаясь, пока советские часовые заводы завалят европейский рынок новомодной продукцией, западные фирмы быстро сами наладили массовое производство хронометров с разнообразной «перестрочной» символикой. Вот уж действительно, время — деньги.

А КАК У ВАС?

«Сержант поднимет...»

Явились они рано. В восемь часов, в сопровождении администратора:

— Проверка паспортного режима, предъявите документы! — говорили двое в гражданской форме и терпеливо ждали, когда студенты — жители ДАСа (Дом аспиранта и ста-

жера, общежитие МГУ), едва продрал глаза и с трудом вспомнив, где же он есть, этот паспорт, выполнят такое справедливое требование.

То ли по старой привычке не ставить под сомнения действия тех, кто нас бережет, доставшееся нам по наследству, то ли

от большого желания не вступать в бесполезные споры и выяснения прав, то ли движимые желанием поскорее отделаться от докучливой процедуры и лечь досыпать, — так или иначе сначала никто не возмутился. Возмутились потом. Обсуждали, осуждали. «Да по какому такому праву?», «Да как они посмели?» — негодованию «проверявшихся», казалось, не будет конца. Конечно, все понимали, что махать кулаками после драки — дело сомнительное, но и отказать себе в таком маленьком удовольствии не могли.

Не удержался от соблазна и я.

Панна Елизаровна Чуклаева, заместитель начальника управления общежитиями МГУ, мой наивный вопрос парировала с порога:

— Да я вообще ничего говорить не буду! Проверку устроили не мы, администрация, а Севастопольское РУВД, на территории которого мы находимся. Так что со всеми вопросами — к товарищу Семисалову Сергею Ивановичу. Он за это отвечает, у него и спросите.

— Конечно, конечно, — поспешила успокоить Панну Елизаровну я и с горем пополам объяснил, что мне интересно и ее мнение.

— Я считаю, что проверка правильная и она нужна, — смягчившись, решила поделиться своими соображениями Панна Елизаровна. — Вы ведь не хуже моего знаете, сколько посторонних людей ночует или даже постоянно живет в ДАСе. А знаете, сколько краж? Вот недавно обворовали студента-иностранца, забрали почти все его вещи. Что было на нем — то и осталось. Конечно, это сделал скорее всего кто-то «из своих», надо ведь знать, у кого есть чего красть, а у кого нечего... Или вот девочку сегодня обнаружили. Приехала в Москву из Казани, стояла вечером у ДАСа в надежде, что ее кто-нибудь «приютит». И нашелся-таки «добрый человек», приютил на ночь. Ей, видите ли, негде было остановиться — ни родственников, ни знакомых в Москве нет, — вот она и решила проблему ночлега таким простым способом: заточила у первого встречного. Да мало ли еще чего вывзяли. Вы бы все-таки в РУВД лучше сходили...

К сожалению, товарищ Семисалов, заместитель начальника Севастопольского РУВД, к которому посоветовала обратиться Панна Елизаровна, оказался несоловохотлив.

— Сергей Иванович, я бы хотел подробнее узнать о проверке паспортного режима в ДАСе.

— Что ж вы сразу не пришли? Я ждал вас раньше... Я считаю, что мы были абсолютно правы, такие проверки нужны. Они просто необходимы. Кстати, паспортный режим был проверен во всех общежитиях вузов Москвы. Вы сами-то в ДАСе живёте?

— Жил какое-то время, сейчас снимаю комнату.

— А почему же?

— Удобнее. Скажите, кого в тот день доставили в отделение и почему?

— Это вы узнаете в 91-м отделении милиции, сотрудники которого занимались проверкой. Или в студенческом оперотряде общежития. Вы, кстати, состоите в нем?

— Нет.

— Что ж вы так?

— Сергей Иванович, планируете ли вы и впредь проводить подобные проверки паспортного режима?

— Это наше дело. А сами-то вы на каком курсе?... А фамилия ваша как, простите?..

— Те из студентов, с которыми я говорил, особенно девушки, возмущены не совсем тактичным поведением работников милиции. Девушки просили дать им возможность одеться...

— Кто это вам сказал такое? Я не думаю, что так и было. Ведь милиционеры — тоже живые люди, и, если они видят, что девушка не одета, они поступают должным образом. Так вы, значит, снимаете комнату?

— Да.

— Родители небось денежки присылают. А вообще студенты в ДАСе, несмотря на то, что учатся в МГУ, по своему культурному развитию и по поведению — не выше уровня среднего ПТУ.

«Во всех удачах благодаря обстоятельству, во всех неудачах себя». Этому правилу я стараюсь следовать. «Сам виноват», — решил я и расписался в полном неумении поговорить по душам с работником милиции. Червячок сомнения — а может,

все-таки С. И. Семисалов просто не захотел говорить, вот ничего и не сказал — умер окончательно.

Но неужели ДАС не один такой? Неужто и вправду везде проверяли? Быть такого не может!

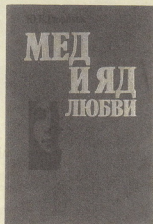
Оказывается, очень даже может. Еще и не такое. Например, в общежитии № 7 МГПИ имени В. И. Ленина, куда я пришел, паспорта спрашивали четыре раза. «Настоящие облаты устраивали, — с гордостью поведал мне комендант. — И правильно!» Много ли посторонних выявили, не знаю, но думаю, что именно там — не очень.

Туда даже днем проникнуть весьма мудрено. По крайней мере, я прошел не без труда, используя разнообразнейшие документы. И то после того, как бабушка на вахте добросовестным образом сличила фото с оригиналом и, подозрительно хулился, спросила: «Какой номер?» (комнаты, куда я иду). Представляю, какой изобретательностью должен обладать «посторонний», случись у него желание пробраться в общежитие ближе к вечеру. Ну а возможность проникнуть туда ночью вообще выше моего понимания.

Не рискну взять на себя смелость вершить и выносить приговор. Не суди, да не судим будешь. Нужно ли будить с утра пораньше и требовать паспорта у кого ни попадая в надежде на то, что там не окажется нужно штатника и тогда можно будет с чувством выполненного долга доставить нарушителя режима в отделение, — я не знаю. Зачем студентам «забота», которой они не хотят, — про то мне не ведомо. Не есть ли вторжение в комнату против воли ее хозяина (пусть временного) нарушение конституционных или просто общечеловеческих норм?

Наверное, нужно все-таки что-то делать для поддержания порядка, но кто мне скажет — что? Проверять паспорта — едва ли лучший способ.

... И было бы утро в ДАСе как утро. И просыпались бы спокойной, кто к первой паре, кто ко второй. И говорить целый день было бы не о чем, жизнь была бы скучна и сера, как обычно...

Рюриков Ю. Б. Мед и яд любви. М., Мол. гвардия, 1990, 446 с.

Любовь во все времена приносила и радость и боль. И хотя тема эта вечная, но каждое поколение ожидает нечто новое. Эта книга о вечном и новом в любви, о том, что именно отличает любовь от влюбленности и кто из нас способен или не способен любить.

Говоря о новом, автор в первую очередь имеет в виду то, что сейчас происходят небывалые кризисы любви и семьи, болезненные перемены в современной психологии, в культуре личных отношений. Но и показывает пути выхода из кризисных ситуаций.

Узнаете вы и о законах семейной совместности, и о классификациях темперамента и характера. Но всего не расскажешь, лучше читайте сами.

От форума — к съезду...

*Наш собеседник — секретарь ЦК ВЛКСМ
Станислав Смирнов*

— Станислав, можно ли говорить о том, что ситуация в студенческой среде после Всесоюзного форума изменилась, что в вузах активизировалась учебная и общественная жизнь?

— Нет, к сожалению, так говорить нельзя. Я думаю, что форум коренным образом на ситуацию не повлиял. И личные впечатления, и социологические исследования показывают: значительная часть студенчества пассивна, не участвует в общественных процессах. Но вместе с тем форум дал возможность представителям студенчества выразить и осмыслить проблемы высшей школы.

Материал, наработанный подготовительным комитетом ВСФ и проанализированный на форуме, оценка процессов, происходящих в стране и в высшей школе, помогли увидеть глубинные причины трудностей и обозначить реальные пути выхода из тупика. Таким образом, цель форума и была достигнута.

Это качественно новая ступень в осознании хотя бы частью студенчества себя как социальной группы. Форум дал нынешнему поколению вузовской молодежи возможность прямого диалога с руководством страны.

В то же время нельзя забывать глаза на то, что делегаты форума были с разным запасом знаний, политического опыта. Часто проявлялась элементарная неосведомленность. Это сказалось в постановке вопросов, которые на практике уже были решены.

— В сегодняшних молодежных структурах присутствует и новизна, и путаница. На форуме это было даже названо хаосом...

— Я бы сказал — хаос рож-

дения, творческий хаос, если делать акцент на этом слове.

Поскольку до недавнего времени других молодежных организаций в стране не существовало, самой историей комсомола был призван представлять все молодежные проблемы. В этом, пожалуй, и сила, и слабость комсомола. Если же говорить о нравственном предназначении комсомола, то надо всегда помнить о том, что он существует во имя молодежи, для нее и активно отстаивает ее интересы. Но поскольку комсомол еще недавно был единственной молодежной структурой, то это связывало его как организацию.

Здесь были неизбежны не только обретения, но и потери.

Именно поэтому комсомол сегодня действует зачастую в ущерб себе, но во имя будущего, помогая становлению даже и возможным альтернативным объединениям. Опять же исторически это и неизбежно, и оправданно. Ведь они будут молодежными, будут направлены на юношей и девушек, интересы которых представляет комсомол.

Конечно, хотелось бы, чтобы все хорошо, что есть и будет появляться в молодежной среде, шло от комсомола, но это едва ли реалистичная постановка вопроса. А нам нужен именно реализм. Вот почему мы будем и впредь помогать другим организациям. В конечном счете это будет способствовать осуществлению молодежной политики во всей своей совокупности.

Но здесь есть и другой аспект. Плохо, если мы за этой помощью забываем принципиальные наши позиции.

— Видимо, отсюда и актуальность спора в комсомоль-

ской среде, что же комсомол в реальности — политическая молодежная организация или, к примеру, бюро по трудоустройству, клубы научно-технического творчества...

— Я думаю, что нам действительно очень важно определиться: что такое общественно-политическая организация молодежи? И предвижу этот вопрос как один из центральных на XXI съезде ВЛКСМ.

Если мы будем стоять на строгих теоретических позициях, то вряд ли найдем оправдание экономической деятельности комсомола. Но опять же в силу того исторического пути, который пройден, деятельность НТТМ и ВСО в рамках ВЛКСМ выглядят убедительной и естественной.

Да, сегодня у комсомольской организации много государственных, административно-хозяйственных функций, но если представить, что ВЛКСМ вдруг от них освободится, то кто же их будет осуществлять? Кому их можно передать? Кто в стране готов их взять на себя? Такой организации нет, не существует.

Если мы их вдруг отдадим, кто пострадает? Молодежь, которая хоть и поругивает комсомол, но много получает в экономическом, социальном и культурно-политическом плане от его деятельности.

МЖК, НТТМ, молодежные кооперативы, политклубы — вот те формы работы, которыми ВЛКСМ может гордиться.

А подготовка законопроектов по отраслям, касающихся молодежи?

— Это дело профессионалов, которые должны работать с молодежью...

— Но у нас подобной службы нет. Все это осуществляет в своей повседневной деятельности ВЛКСМ.

Комсомол — по своей природе живой, динамичный организм.

Да, чисто внешне комсомол в новой ситуации воспринимается порой невыигрышно. Но если копнуть глубже, то откроется иная картина. Комсомол теперь слов и обещаний на ветер не бросает, все мы устали от словоговорения, зато у него есть — есть! — реальная, деловая основа, которая объединя-

вает и позволяет смотреть вперед с оптимизмом.

Вся неразбериха пройдет. И то, что сейчас выглядит как негатив, позже может оцениваться с положительным знаком. Такое уже в истории было.

Быть политиком — значит, понимая сиюминутность тех или иных ситуаций, четко в них ориентироваться, все же мыслить перспективно, исторически.

— Мне только неясно, как должны сложиться отношения в молодежной среде, чтобы преодолеть антагонизм...

— Естественно. Нам и всему обществу нужно избавляться от поверхностного взгляда, от дилетантского подхода к явлениям общественной жизни.

Дилетанство присутствует в оценке и людей, и процессов, которые происходят. Человека зачастую оценивают по внешнему облику, по каким-то случайным данным. Условно говоря, если что-то делает комсомолец — то плохо, если просто молодой человек — замечательно! Это явная предвзятость.

— То есть нужно попытаться помочь молодежи уйти от поверхностного, оценочного подхода: нравится — не нравится. Надо помочь молодым разобраться в истинных ценностях.

— Здесь, наверное, путь один — постоянная, кропотливая разъяснительная работа, открытый разговор и умение выслушать нелицеприятное мнение... Даже и окопесичу, даже если люди не признают и упорствуют в своем нежелании признать все то ценное, что сделал комсомол.

— Нельзя ли кратко обозначить изначальные задачи комсомола как организации?

— Это прежде всего способность именно в таком виде, в рамках организации, осуществлять социализацию молодежи, то есть вхождение в общество. Я имею в виду не просто познавательную функцию — освоение законов общества, форм его существования, развития и взаимоотношений социальных групп. Важно дойти со своим оригинальным политическим обликом, основанным и на гуманистических ценностях, и на четко выраженных коммунистических идеалах.

Не случайно М. С. Горба-

чев так удачно напомнил на II Съезде народных депутатов СССР призыв В. И. Ленина осваивать те культурные богатства, наследие человечества, без знания которых каждому невозможно ни обладание культурой, ни подлинное духовное раскрытие личности.

И, видимо, на сегодняшнем историческом этапе овладение культурой в широком смысле слова, а также политической культурой, становится основной задачей союза молодежи. И уже исходя из этого, на базе накопленного и освоенного, следует приступать к осуществлению тех высоких идеалов, которые утверждает как свою конечную цель наша партия.

Общество не может состоять из эгоистов. Люди должны друг с другом не просто соприкасаться, а созидательно взаимодействовать. Чему тоже надо учить. Причем этому нельзя научить только через экономику. Воспринимаю как неточный тезис: все, что экономически целесообразно, то нравственно. Это узко понятая конкретность.

Наши идеалы шире, гуманней, теплей. Причем в рамках даже одной сильной молодежной организации могут удовлетворяться как утилитарные, направленные на достижение собственных потребностей стремления того или иного молодого человека, так и общечеловеческие интересы в их высшем выражении.

К сожалению, мы не всегда умеем показать те преимущества, которые дает комсомол молодому человеку, а вот негатив сразу заметен.

— Что же, это нормально. А как воспринимать самороспуск некоторых комсомольских организаций?

— С болью, но в целом спокойно. Нежизнеспособные организации должны гибнуть. Те процессы, которые ведут отдельные организации к развалу, они ведь в себе несут и возрожденческие зачатки. Восстановление большинства распавшихся ячеек неизбежно. И это не прогноз, это подтверждается практикой. Только после того, как организация ликвидирована, до многих доходит смысл ее деятельности и те преимущества, которые она давала своим членам.

— Бюсю, в самом комсомоле уже не осуществить демократизацию. Я вижу возможность для демократизации в существовании партнерских для комсомола молодежных организаций. Таким образом произойдет и освобождение от жесткого политического догмата. Тем более что он все равно не имеет популярности в молодежной среде, да и сторонников этого курса что-то не видно.

Лучше сделать более широкую основу и таким образом более привлекательную.

— Но мы же во всей своей деятельности идем навстречу желаниям молодежи. Смотри: основой политклубов является комсомол и комсомольцы. В то же время мы работаем с ними как с самостоятельными партнерами.

Думаю, что придем к сотрудничеству в рамках КМО СССР и с молодежными группами религиозного толка, если они разделяют общие гуманистические ценности. А ведь одна только христианская культура создала величайшие художественные ценности, имеющие никак не меньший смысл и для атеистов.

— И еще один вопрос: о XXI съезде ВЛКСМ. Что от него ждать?

— На своем съезде мы должны ответить на несколько очень важных вопросов. Место комсомола в молодежной структуре и что такое молодежная политика в нашей стране? Как в дальнейшем должен развиваться комсомол, чтобы успешно решать задачи коммунистического воспитания молодежи. Взаимоотношения комсомола и партии.

Неопределенность по этим позициям делает облик комсомола несколько размытым. Порой складывается впечатление, что мы хотим быть сразу во всех возможных вариантах существования молодежной организации. Всем понравиться. Такого быть не может. Да это и не надо. Всеохватность, пожалуй, устаревший принцип, сегодня он не нужен.

Беседу вел Юрий Алексеев

РЕЗОНАНС

«Выйду за военного»

Честно говоря, письмо курсантов, в котором их интересовало истинное отношение к ним девушек, мы включили в подборку — № 6, 1989 г. — случайно. На проблему оно не тянуло — глобальную, всеобъемлющую, ну, любопытно: погоня, форма или что-то другое привлекает к ребятам слабый пол... Но вот число откликов на просьбу «Рассудите нас» — а их удалось за пять сотен — заставило нас призадуматься.

Письма, как всегда, пришли разные: от девушек чувствительных и не очень, от скептиков и романтиков, от уверенных и не совсем... «Как только прочитала заметку, повеяло дешевой (Е. Барцева, Челябинская обл.)». «Думаю, никто рас судить ваш спор не сможет (О. Горева, г. Монино)». «И та и другая часть вашей группы права по-своему (Н. Береснева, г. Тюмень)». «По моему мнению, вы все правы, потому что одинаковых людей нет

(Л. Зражевская, г. Днепропетровск)». «Нужны кому-то ваши погоня. Сравните себя с десантниками — у них рабочая форма лучше вашей парадной (А. Озерникова, г. Тула)». Вот уже какой поворот. Читаем дальше.

«Чем старше становишься, тем больше ценишь именно душевные качества, профессия не занимает главного места, но и последнего тоже, так как от этого часто зависит материальная сторона и финансовое положение семьи. Увы. Пословица «С

милым и в шалаше — рай» не удовлетворяет современных женщин. Мне кажется, курсанты военных училищ в последнее время потеряли популярность среди прекрасной половины, впрочем, как потеряли авторитет все мужчины в наших глазах. А причина этому — их несостоятельность, неумение обращаться с женщиной, трусость, какая-то беспомощность, а отсюда и неверие в их дружбу и любовь». Эти нерадостные строки Ларисы из Омска. Не будем торопиться разубеждать ее, хотя вынесла она «приговор» всем мужчинам. Писем еще много. Берем следующие.

«Это раньше всех привлекали люди с погонями на плечах. Так повелось, что в армии служили лучшие люди России: честные, благородные, высокообразованные, интеллигентные, готовые отдать жизнь за свою Отчизну. Помните у Дольского: «Господа офицеры, голубые князья...»? Теперь, к сожалению, редко встретишь таких в нашей армии. Там теперь в большинство — люди серые, ограниченные... В армии пьянство, нет дисциплины... Чаше столкнешься с солдафонами при погонях, привычками исполнять приказы, нежели думаю-

щими самостоятельно (Н. Мавлютова, г. Калининвичи)». Неужели так уж все мрачно?

«Пьянки, разврат, «девочки» — вот такая жизнь у наших курсантов. Тут не до учебы. Забыли, когда учебник в руки брали. Некоторые опускаются в такую жизнь сразу, другие ломаются позже, но это — неизбежно (Е. Яковлева, г. Астрахань)». Свят-свят. Да что же это такое? Подряд все девушки — разочарованные в наших военных. Нет, надо взять письмо из другой стопки. Но, кажется, это не выдержало сердце парня — В. Курсков из Харькова, — посмотрим, с чем он к нам. «Моя бывшая подруга-студентка считала, что курсанты — какая-то определенная каста, отдельный тип человека. Девушки! Не отделяйте нас от общества — мы такие же люди, просто в военной форме». Ну что, впрочем здоровым сие В. Курскова вклинивается в наш спор: у военных тоже могут быть как добродетели, так и пороки.

«Я хочу выйти замуж только за военного», — пишет Ольга Лях из Ленинграда. Вот видите — уже другой взгляд, иное отношение. «Сравнив два места в городе: дискотеку в местном клубе и дискотеку в военном училище. Если в первом все ходят мимо тебя немые и нечесанные, с длинными волосами и серьгами в ушах, в мятых потертых брюках, с тоннами цепей, то во втором — парни подтянутые, аккуратные, да что там говорить — не хамы». То есть принцип «по одежке», никуда не денешься, срывает...

«Офицеры — это воплощение интеллигентности, порядочности. Именно это и привлекает. Они стройные, подтянуты... А погоны — только лишь — ничего не значат (Ира и Наташа, г. Запорожье)». Вот уже пошли и положительные характеристики... Стоп. А тут другое: «Я пришла к выводу (Марина, Ленинград), что чисто выбритые курсанты — удобная танцующая мебель». Как это? Понятно разве?

«Знакомый парень говорит, что курсанты — санитары города. Поясню: увозят разгульных девиц, получая распределение на службу. Подруга считает, что в вашей среде — одни хамы, циники и зазнайки, болеющие «звездной» болезнью. Каково

мое мнение? Погоны меня не прельщают. Что мне эти погоны? Возможность мотаться по стране, по пыльным гарнизонам, одной растить детей, видя мужа несколько часов в сутки? Что же нравится? Наверное, какая-то мужественность: все-таки настоящая мужская профессия — военный». Спасибо Ларисе Матушиной из Новосибирска — это она поделилась с нами сразу несколькими мнениями.

«Дело в том, что женщине, девушке — любой представительнице когда-то прекрасного пола, а ныне самого выносаемого, — хочется быть... слабой». Виктория Литовченко из Киева надеется, что рядом с офицером можно позволить себе роскошь быть слабой.

«Учусь в педагогическом, — Надя С., г. Йошкар-Ола. — По натуре я человек очень мягкий, лиричный. И соответствую в мужчине ценю силу, мужество, стойкость. По-моему, военным это свойственно». «Денис Смигов и другие курсанты, девушки считают вас суперменами, уставшими от насилия над человеком и способными понять глубину их чувств, а также защитить от жестокости этого мира (Наташа Бондарева, г. Красноярск)». «Мне невыносимо тошно смотреть на молодых людей, идущих вразвалку, жующих резинку, плающих по сторонам либо переминяющих во рту сигарету. Военные — другие (Татьяна, г. Горький)». Процент надежд, как видите, увеличивается.

«Военный — человек, сильный физически и духовно, добрый и справедливый, образованный, выполняющий благородную миссию защиты Отечества. Находиться рядом с таким — уже счастье». Слышите, парни, как говорит о вас Е. Хищенко из Новосибирска?!

«Я всегда верила военным больше, чем гражданским. Не знаю, почему. Мне кажется, что они не способны на подлость. Не скрою — военная форма мне очень нравится. И очень хотелось бы, чтобы носили ее достойные люди, настоящие надежные мужчины (Наташа Рожнова, г. Барнаул)». «На военных я никогда не посмотрю положительно, потому что считаю их карьеристами, — Аурика Ротарь, г.

Львов. — Это люди, которые не могут проявить себя в чем-то другом (прирожденных офицеров — единицы), все они — цвета хаки. Не обижайтесь, если вы — парни классные. Сужу по своим одноклассникам: в военные училища шли ребята посредственны с хорошим здоровьем. Своими погонами вы можете привлечь только тех девушек, на которых гражданские насмотрелись... Ведь не секрет, какие облады устраиваются на ваших выпусках некоторыми дамами и их мамашами... Считаю военных сознательно идущими в подчинение другим. Это всю жизнь надо выполнять чьи-то приказы и самому отдавать их!.. Причины тут и в «профессионализме» нашей армии, и в «добровольной» службе в СА, и в том, что не каждому молодому специалисту после окончания вуза будут выплачивать 200 руб, а то и больше...» Ладо. Перетасуем «колду» писем еще. И вот.

«Расчет? Вы это имели в виду, говоря о том, что мол, привлекают погоны? Только, вот интересно, на что же рассчитывать? На пожизненную домохозяйку? На полную самостоятельность в ведении домашних дел и воспитании детей? На вечную усталость мужа? На бесконечные переезды? Это какое безумие — взвалить на плечи всю эту ношу! И ради чего — погон? Другое дело, если любите...» Ну, как тут не согласиться с Е. Барцевой из Челябинской области, что «если любите», то совсем «другое дело».

Наверное, курсанты не ожидали таких пространств ответов. Но мы понимаем девушек: по-арифметически здесь не получается, не определяешь, вот эти «да» — на одной стороне, а другие «да» — на противоположной. И вопросов-то сколько получили в свой адрес будущие офицеры. Придется на них отвечать. Тем более что есть и такие просьбы, как вот у Ирины Медведовой из Ленинграда: «Хочется узнать ваше мнение о девушках».

Вернемся к началу. В письме-то особых проблем вроде не было, но вот спор вокруг него обнажил их немало. Если прочитали наш обзор, вы их отметили.

Обзор подготовила Вера Борисова

Олег Волков

Образы далекого прошлого

В связи с предполагаемым изданием энциклопедии российских деревень хочу упомянуть о выпускаемой в Париже монографии «Сорок Сороков» в четырех томах. Из них два уже изданы, остальные должны появиться в ближайшем будущем. Издание посвящено описанию всех московских православных церквей, монастырей и часовен. Книги богато иллюстрированы. Полагаю, то, что по силам совершить русской эмиграции, можем сделать и мы: составить подобную монографию русских деревень — как исчезнувших, так и существующих до сих пор. Нет надобности объяснять здесь патриотическое значение создания свода сведений о нашем крестьянстве, которые бы и далекие потомкам рассказывали правду об их предках: избывая Русь исчезает бесследно, и потому особенно важно сохранить на века письменные о ней свидетельства.

Мне, прожившему длинную жизнь — я ровесник века, — особенно наглядно открывается, как скоротечна человеческая память, когда нет письменных свидетельств и каменных сооружений. Мне случается изредка навещать деревенские места, где прошло мое детство: на месте усадьбы со службами и цветниками, прудами и мельницей — лесная непролазная чаща, а в соседней деревне, насчитывавшей прежде шестьдесят дворов, осталось с десяток-полтора изб, частично населенных дачниками.

Насколько прочнее и надежнее чувствует себя человек, если знает своих отцов и дедов, тем более коли сохранилась память о прошлом его родных мест, о населявших их людях с их добрыми делами и заслугами. Нельзя допустить, чтобы не знали потомки ничего о бесчисленных Сосенках и Вишенях, Дедковых и Никольских, малых и больших селах, хуторах, деревеньках, заимках, принявших на

ФОТО ВЯЧЕСЛАВА КАРЕВА

себя губительный смерч вводимых железной беспощадной рукой новых порядков, разорявших и грабивших их под аккомпанемент щедрых посулов и обещаний. Все мы знаем, что за этим последовало.

Одно время можно было надеяться, что с разорением деревни периода военного коммунизма будет покончено: спасаясь от неминуемого краха, большевики были вынуждены объявить нэп. Вспоминаю, как поразительно быстро крестьянство, поверившее в те поры обещаниям власти (бросившей лозунг «Обогащайтесь!»), воспряло, стало залечивать нанесенные разверстками, нафиска-

циями и карательными десантами его хозяйству раны. За считанные месяцы страна ожила, перестала голодать и холодать: деревня воскресла. И понадобилась целая серия неграмотных, жестоких мероприятий, чтобы не только погасить этот забреживший расцвет сельского хозяйства, но и окончательно разорить мужика. Его объявили кулаком — врагом народа.

Раскулачивание если не навсегда, то на долгую чреду лет лишило землю рачительного хозяина. Прошло с тех пор полстолетия, а мы живем на привозном зерне, и звучит сказкой время, когда Россия считалась

житницей Европы! Возрождение нашего земледелия несомненно с установившимся «однопартийным плурализмом», что парализовал предприимчивость людей и их веру в способность наших «монополистов на власть» плодотворно руководить хозяйством.

Отметим приводимые в оправдание ссылки на войну и прочие глобальные бедствия... Съездите в Европу, взгляните на лежащие в руинах города! И сравните: там давно забыли о военном разорении, неизвестно понятие «дефицит» и в универмагах и лавках есть решительно все... кроме очередей!

И мы вправе заключить, что за здорово живешь правовое государство не построишь. Нужны для этого не утопические схемы с роботами вместо живых людей, а приложимые к реальности, экономически грамотные основные положения. Все формы диктатуры и произвола противопоставлены.

Согласимся с очевидностью: признаем, что при достаточно жестком прогрессивном налоге, парламентском строе и цивилизованных гуманных порядках частная собственность обеспечивает справедливую, равноправную, достойную и безопасную жизнь, контроль за соблюдением законов, выборами и правосудием. Пора институт частной собственности реабилитировать, преодолеть внушенную настоящей многолетней пропагандой предубеждение против собственности-хозяйина. В свободном обществе не может быть эксплуатации — то удела диктатур! Именно они породили ГУЛАГи и бредили трудармиями, которыми им хотелось командовать, перекрашивая людей на свой лад.

В середине двадцатых годов я постоянно ездил в родные места на охоту.

По деревням стучали топоры — крестьяне рубили новые бани, расширяли дворы и избы; солому на крышах стали заменять дранка и железо. Всюду поткрывались кооперативные лавки; соседи покупали собыча племенного бычка, заводили по сепаратору на несколько семей. Хозяева предприимчивее покидали общину и селились на хуторах... Наступил невиданный трудовой подъем, проявились истинные качества

нашего земледельца, его сметка, беззаветная преданность своему призванию. А спустя несколько лет — примерно с 1928 года, по волестью и уздам власти недружащей рукой разгребывали кулаков по плану — сколько какая деревня должна поставить душ. Их с семьями грузили в товарные вагоны, иногда позволив захватить кое-какой скарп и одежду или отправляя безо всякого запаса...

Поскитавшись по Северу, я могу сказать, что он выощен костями тружеников-крестьян. Помню, как в Архангельске можно было рано поутру увидеть на мостовых и трамвайных рельсах мертвых смельчан — не всегда успевали за ночь убрать трупы. Бесприютные толпы бывших кормильцев страны с укутанными в тряпье детьми и стариками слонялись по улицам, толпились на набережной возле комендатур в надежде получить талон на хлеб и соленую рыбу — все серые, смолкшие, погасшие. Всему этому мартирологу крестьянства России мы и обязаны воздвигнуть памятники на столетия!

Энциклопедия деревень послужит источником подлинных сведений об их прошлом и поможет поставить наконец сельское хозяйство на рельсы, проложенные наукой, опытом и преемственностью традиций, — оно должно быть навсегда ограждено от невежественных экспериментаторов, обративших крестьянина в подопытного кролика.

Нельзя пренебречь и воспитательной стороной познания подлинной истории наших родных деревень. Пусть современная молодежь получит представление об удельном весе нашей деревни в национальной культуре. Я теперь как сказку вспоминаю ясные погожие летние вечера с возвращающимися с лугов косачами, девушками и бабанами. Они шли по дороге, проложенной вдоль реки, и далеко по ней, отдаваясь эхом в опушке заречного леса, разносилась песнь — то протяжная и грустная, то лихая, какие искони создавала русская деревня, донося до нас образы далекого прошлого, жизнь с ее радостями и огорчениями. Чуткая тишина вечера точно растворяла

эти звуки, впитывала родные напевы. И было в них что-то свое, невыразимо щемящее, родное, русское, смыкавшее нас с Русью минувших веков.

Наш двадцатый век безжалостно распоттал этот поэтический мир деревни, и наш долг — сделать все, чтобы спасти обломки и через нас передать потомкам представление о преках и их жизни в далекие века. Наш двадцатый слишком многое разрушил и погубил. Это нас обзывает не только проникнуться своей виной перед русской историей, но и постараться внушить подрастающим поколениям особо бережное, особо сыновнее отношение к тому, что уцелело от нашей великой деревенской русской культуры!

Речь О. Волкова на учредительной конференции общества «Энциклопедия российских деревень» 30 апреля 1989 года.

ДОСЫЛ В НОМЕР

Оруэлл? Чаадаев? — Не нужны...

Невероятно, но факт: больше месяца в киоске на фидлаке АГУ продается книга Дж. Оруэлла «1984» и эссе разных лет» (М., 1989).

Книга, из-за которой сломано столько копий, не волнует студенчество!

Примите меры!

Эд. Ильин, Ленинград

От редакции. Уважаемый тов. Ильин! Вы нас, увы, не удивили. В Доме книги, что на Калининском проспекте в Москве, несколько дней продавался том П. Чаадаева «Статьи и письма» (М., 1989).

Книга, над которой ломали голову несколько поколений студентов, лежала свободно!

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Страсти по металлу

Ольга Боброва

«Дипломную работу» привезли на грузовике как раз в день защиты. Всем курсом сначала стругали ее с кузова, потом тащили через двор. Сбежалось все училище смотреть на новые ворота. А посмотреть там было нечего. Створки напоминали узорчатое, с затейливыми рисунками и завитками полотно. Оно, казалось, выписано острозаточенным карандашом — такая тонкая, изящная, легкая работа. Легкая...

Фирстов и Юдочкин несколько недель подряд не вылезали из кузни. А куда деваться! Время поджало. К тому же в училище на эту затею косо смотрели.

— И как только вам в голову такое пришло — ворота ковать, — говорил директор учи-

лица. — Ну, я понимаю: интерес разработать, макет соорудить — а тут ворота! Да где я вам на такую машину железа найду! Да и кузницы у нас нет...

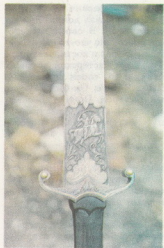
— Да что там ворота! — заспорил Коля Фирстов. — Туляки вон какую решетку для Летнего сада сделали!

— Так то когда было!..

Словом, сделать нужно было что-нибудь «этакое». У шефов железо выклянчили, в кузне речного порта выпросили закуток, ну и засели в закутке...

— Ой и вымотались!.. — вспоминает Коля. — Металл, его ведь понять надо; сколько пота и терпения требовал за самую маленькую тайну.

Тогда Николай впервые подумал про металл: а ведь он — живой... Имеет свой характер,

свой язык, который с наскоку не поймешь.

А понять очень хотелось — потому с дипломом Рязанского художественного училища оказался Коля неожиданно для многих в музее-заповеднике Поленово. Почему именно там? Директор Ф. А. Поленов разрешил обустроить кузню и делать там все необходимое для усадьбы.

Эти места с детства знакомы: здесь, в деревне Бёхово, дед,

Николай Павлович Чеков, каждое лето снимал домик. Был он художником. В своей мастерской постоянно что-то пилил, резал по дереву и кости, чеканил... В той же мастерской услышал Коля и о своем прадеде — Павле Чекове. Он был золотых дел мастером. Причем довольно известным в Туле. Имел небольшую мастерскую, где без особого труда ремонтировал часы различных фирм — «Буре», «Омега»... Ну а на «досуге», куража ради, мог, например, взять и выковать из золотого николаевского червонца миниатюрный паровозик.

К деду в мастерскую частенько заходили старые мастера с заводов. Вспоминали старину, забытые ремесла, рассказывали были и небывлицы. Дед, кстати, записывал все услышанное в тетради — они по сей день целы.

Непрененно на тех посиделках доставалось молодому. «Они все ремесла тульские по ветру развеют, у них не руки, а грабли — ничего делать не могут».

Дед по этому поводу совсем ничего не говорил. Насильно Колю в мастерскую не ткнул, но и не прогонял. На всякий пустячный вопрос отвечал, про каждый инструмент рассказы-

вал и показывал, как с ним обращаться. Да и вообще с внуком был на равных. С ним никогда не было скучно: идеи сменяли друг друга, историй всяких знал уйма, чувства юмора было не занимать. За веселый нрав прозвали деда «Тычка». Вообще-то «тычки» — это лепешки пресные, которые в старые времена продавались у проходной оружейного завода...

В Поленове молодого специалиста поселили вначале в комнате дома отдыха. Потом на поч-

те и, наконец, в нежилом корпусе того же дома отдыха. Было жутко холодно, потому что обогревал комнату только «козел», а батарея не работала.

— Да все это, — равнодушно говорил Коля, — ерунда. А главное, что через несколько месяцев я сделаю маленькую кухню.

Работа простая: гвозди, подковы, скобы... Смастерили для зимних прогулок туристов металлические сани. Железо «добывал» сам, искал где придется: собирал на свалках, на берегу

Оки, даже откапывал болванки на музейной территории.

Когда началась реставрация церкви в Бёхове, всю железную фурнитуру для нее взялся делать Коля. Прочитал уйму книг, просмотрел горы фотографий, чертежей, иллюстраций, прежде чем взялся за молот. Тогда же освоил профессию каменщика: клал стены, печки...

Начали реставрировать адмиралтейство в самом Поленове. А для него нужно выковать решетки, замки, засовы... Восстанавливали мостки, которые тоже решили отделать металлическими перилами и фигурными решетками. Работал с утра до ночи, не помню, что ел, сколько спал...

Частенько в Поленово навдывались друзья по училищу: были свежи еще воспоминания их студенческой жизни. А вот

Вите Ганцеву там настолько понравилось, что Коля перетащил его к себе. Стали работать и жить вместе: то крышу в церкви перекрыли, то стены из камня сложили. В свободное время ходили на пейзажи, собирали старые уздечки, подковы, оружие... Скоро их комната напоминала музей народного быта. Тут же стояла огромная глыба, которую Витка притащил откуда-то издалека. Он свято верил, что это остаток древней кладки крепости.

Заслышав, что в усадьбе есть настоящая кузница, многие гости и экскурсанты частенько заглядывали сюда: где же в наше время живого кузнеца увидишь?..

Потом вместе они построили новую кузницу в бывшем холодильнике. Она была уже гораздо больше прежней. Тут-то и зародилась...

дидась не то мечта, не то сумасбродство... Словом, такое, о чем не признаешься не только друзьям, а даже самому себе.

Вообще-то в сказки он уже давно не верит. Но как ни крути, а доля правды в них все-таки есть. Ну кто из нас не слышал были и легенды о булатных мечах да клинках? Так был ли он, булат, на самом деле?

Был. Его родина — Индия. Он очень высоко ценился и продавался в виде небольших круглых лепешек, разрезанных пополам. Эти половинки назывались «бутками». Из одного бутика мастер мог сделать один меч или кинжал. Те клинки по своим свойствам были удивительны. Будучи твердыми и прочными, они одновременно обладали большой упругостью. Клинки легко перерубали железные гвозди и в то же время свободно гнулись в дугу.

Вот чем теперь была голова занята... Знал он, конечно: многие бились над секретом булата, но без толку. Знал и то, что булат веками делали здесь, в Туле. Мастера здешние звали его по-своему: «красным» железом — красивым, значит. А оно и действительно красиво, если сработано по всем законам классики. На высших сортах булата можно разобрать крупные сложные рисунки, причем группы фигур повторяются через равные интервалы.

Все знал — а начать никак не мог. Легко сказать — булат... Неизвестно, сколько времени собирался бы с духом, если бы не узнал, что в Суздале есть человек, который способен помочь: Вячеслав Иванович Басов — старший реставратор Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

— Боялся, конечно, что прогонит. Можно только представить, сколько к нему таких приезжает...

Но встретила Басов по-доброму, правда, всерьез, кажется, не приняла: надолго ли хватит запала? Сможет ли он сто, тысячу раз задуть горы после бесконечных неудач и разочарований?..

Так оно и получилось. Шли недели, месяцы, а результатов — никаких. Много раз бросал дело, днями не появлялся в кузне. Год прошел, прежде чем у него что-то получилось похуже — совершенно случайно.

Снова поехал в Суздаля.

Басов был удивлен его появлению, но еще больше — его случайным удачам. Уж кто-кто, а Вячеслав Иванович знал, как могут достаться подобные эксперименты: мальчишка оказался силен...

Чем черт не шутит — решил Коля поехать на Всесоюзный фестиваль по художественной ковке в подмосковный город Балашиху. Повеяло на конкурс замком для калитки и фотографии цепей и решеток, сделанных для усадьбы. Обязательным же заданием для сельских кузнецов было выковать подкову. Для Коли это не представляло особого труда. Профессионалы его сразу же заметили, так что на следующем фестивале был он как будто уже «своим» человеком, и за офицерскую шапку (делал ее два месяца) получил специальный приз... И опять взялся за дома да скобы...

Закрыл его кузню — как «ненужную в хозяйстве». Что делать? Устроился кузнецом в ближайшем совхозе «Поленово», дома дела, скобы, кувалды, оттягивал вручную клевцы для борон. И там же, в совхозной кузнице, через два года получил все-таки долгожданный сплав. Повторял ковку десятки раз, думал — случайность. Но нет, это была уже закономерность. И его ятаган из булатной стали был признан лучшей работой на Российском конкурсе. Уже вне всякой конкурсной программы сварил дамасскую сталь. И ее качество было признано высоким.

Слух о Коле далеко пошел...

Кузнец из Польши Анджей Дайковский к себе в гости пригласил. Когда в Гданьске узнали, что парень из Союза будет ковать булатную сталь, в кузницу Дайковского началось настоящее паломничество. Собрались почти все члены «Общества любителей белой брони», съехались знатоки металла из других воеводств. После работы выносили Колю из кузницы на руках... А кузница Анджея стала своего рода достопримечательностью — здесь впервые в Польше варили дамасскую сталь, ковали булат.

Все было хорошо, но что-то загрустило Колю: «Не по себе стало, когда побывал на вечерах, на выставках «Общества любителей белой брони», которое

объединяет всех ценителей оружия, знатоковковки и самих кузнецов Гданьска. А у нас что? Мастера-то есть, но все сами по себе. А могли бы у себя в Туле и Кремль украсить, и свой город. За каких-нибудь два года смогли бы вернуть Кремлю весь его утерянный металл. Мы готовы в любой момент поработать в городе, нам это интересно. Но вот в городе, властям его все это ни к чему».

Пошли они с другом Колей Анциферовым к начальству просить разрешение на выставку работ молодых мастеров, хотели показать хозяину солидного кабинета образцы. Тот схватился за телефон, услышав про сабли,

шапки: «Я ничего не видел, вы ничего не приносили, развернете — позволю в милицию...»

Ну, что касается выставок, то их работами все-таки заинтересовались: в Польше, в Норвегии. Предлагают устроить показ у себя. А показать-то есть что. Тут и сабли, и мечи, сделанные по старинным образцам... А еще — охотничьи ножи, кинжалы, кремневые ружья, которые мастерски отделал гравировкой Коля Анциферов. Так что посмотреть всю эту красоту, конечно, можно. А что? Поехал в Гданьск или в Осло — и смотри на здоровье...

Автономия, консенсус и волшебные галушки

Проблем куча, кто спорит... Но вот насколько буйство красок и оттенков согласуется с законом жанра, с контекстом? И все-таки стоит вспомнить, что смысл нашей разлуки-пацантре пока во многом диктуют и не красный, и не черный цвета, и не множество полутонов между ними, а все-таки оттенок пустоты: многомиллиардная «дыра» в госбюджете.

В кулуарах форума в ответ на множество вопросов: а что? а почему? а зачем? — вполне, кажется, окрепла формула: «китайский синдром»...

Геннадий Алексеевич Ягодин сетовал на ситуацию позднего взросления: Ньютон подставил геннальное темя под яблоко в 22 года, Эйнштейн уже в 25 лет был Эйнштейном, а мы со скрипом, с одышечными хрипами и с записными к сорока годам добредаем до кандидатской, куда уж тут говорить о быстром профессиональном росте...

Куда как быстрее пройдена дистанция социального взросления.

По самым скромным подсчетам, едва ли не половина студентов тяготеет к неформальным общественным организациям, причем в основном «политизированным». Прошла волна формирования независимых студенческих структур — Киев, Ленинград, Урал, Прибалтика, Молдавия... Забастовки, бойкоты, пикеты, вальсы до голодовок. Поводы — экологическая ситуация, осенние сельхозработы, «военка». И участие во «взрослых» забастовках студентов теперь никому не приходит в голову называть «детскими играми».

Одно время кинеметры жаловались: у нас нет, кажется, ни одного человека в стране, который бы не полагал, что он блестяще разбирается в киноискусстве и не считал бы себя вправе указывать режиссеру — как снимать, сценаристу — как писать, актеру — как играть. Сегодня центр тяжести подоб-

ного творческого участия из сферы изобразительных искусств надежно переместился в сферы политики, и это естественно: сценарий жизни пишется миллионами людей, а конструирование мизансцен давно не прерогатива высоких президиумов.

Наверное, не в терминах дело: китайский синдром, корейский...

Ньютоново яблоко все так же над нами.

Есть кому подставить темя?..

Уж если речь зашла о синдромах, то есть предложение к министру Ягодину: выступить по «Свободе» или по «Голосу Америки».

В кулуарах форума мы наткнулись на парня, который тыкал пальцем в скерок: о, самоуправление! Шрифт, способ верстки что-то до боли знакомые... Ба, да это же «студмеридиановская» полоса двухлетней давности — текст постановления по самоуправлению.

Нас все никак не отпускает синдром самиздата — есть своя прелесть в приближенности к чему-то подпольному...

...Встреча делегатов в Гособразовании. Игра в одни ворота.

Свободное посещение? Так разрешено... Свобода индивидуального плана занятий? Так Гособразование право формирования плана отдало вузу. Экзамен устарел? Так откажитесь, разрешено: выставлять оценки по текущей работе в семестре, сдавать досрочно... Военная кафедра? Сейчас в стадии завершения такое положение: не хочешь — не посещай, отслужившись после вуза; хочешь — получай вместе с дипломом лейтенантские погоны. Жесткое администрирование? Но есть же приказ: все решения администрации необходимо согласовывать с общественными организациями. И так далее и тому подобное... И в результате пришли к упоминанию гогаевского сюжета: человек галушки ест. Но просто чрезвычайно ему не по душе. А хорошо бы, чтобы она сама в рот скакала. А перед тем сама в сметане купалась...

Аналогия тем печальнее, что имеет вполне прозаическую статистическую подкладку. Подавляющее большинство студентов за самостоятельность, самоуправление. Но вот хоть что-то

в органах этого самоуправления делать, хоть как-то участвовать изъявляют желание едва ли пятнадцать процентов.

Галушки мы любим. И хорошо бы, чтобы они сами пригнали в рот.

Впрочем, дело не только в этом. Отличие профессионала от дилетанта состоит в одной простой вещи: первый обладает информацией, а второй изобретает велосипед.

Мы пока дилетанты, да и к тому же отягощенные комплексом самиздата.

Так что будем слушать «голоаса»: а ну как министр образования там прозвучит? Тогда узнаем и тогда поверим.

Пока готовился форум, в ходу была игривая формула: студенческий парламент. А что, подходит: и образно, и со смыслом.

Ученье бы при этом не просто меру красоты, но и вещь сугубо прозаическую: элементарные нормы парламентской практики.

Взрослый парламент давно преодолел заблуждение, которое состоит в представлении, будто процедура — это вопрос формы. А студенческий?

...Что за народ в редакционной комиссии? — был такой зачин одного из пленарных заседаний. Лиха беда начало... Начало есть, и все утонуло в скрупулезном дознании: а почему столько людей? а сколько там студентов? а вычистим из списка Заварзина, командира ВСО...

Тик-так, тик-так — бубнит хронометр, два с половиной часа бубнит. И абстрактная приказка «время — деньги» обретает вполне реальное содержание: 90 тысяч рубчиков вынь да положь.

Блестяще все-таки придумано: открыто объявить, во что нам обходится минута говорильни.

Люди мы небогатые, но готовы раскошеиться — лишь бы разговор выводил к смыслу.

Итоговые документы принялись в пожарном порядке, когда добрая часть зала вымоталась, устала, исыкала, и многие махнули на смысла рукой.

Видимо, этой болезнью (назовем ее, что ли, болезнью «парламентского шума») нужно однажды переболеть. Придется. Стройность процедуры немину-

емо диктует стройность содержания.

Знакомый поделился впечатлениями: я буквалью со смеху подохо — у них там на форуме есть даже своя межрегиональная группа, дети играют в политику...

Кто-то в пресс-центре невзначай ляпнул: заговорщики. В шутку было сказано, однако отозвалось озлоблением: в репликах, полемике, да и вообще в напряженной атмосфере форума почувствовался привкус развала, неуправляемости, раскола.

Я заглянул к ним в «Россию», к «заговорщикам».

«А-а, бушует, значит, студенческое море? — встретил прессу Олег Поселянов. — Это я к тому, что в газете про форум пишут: бушует студенческое море. А почему — об этом не пишут».

Олег учится в Тольяттинском политехе, он не делегат, он из «группы поддержки».

Группа поддержки — пожалуй, самой мобильной, деятельной, толковой и деловой она была у свердловчан — это люди, прибывшие в Москву за свои кровные деньги. У них птичьи права, нет официальной аккредитации, они не устроены, их гоняют коридорные, спят они на полу.

Объять необъятное невозможно, то есть везде побывать, все услышать и уж тем более переварить лавину информации. Группа поддержки многое берет на себя: быстрый анализ ситуации, помощь в выработке оперативного решения.

Это вполне профессионально, очень разумно и эффективно. В номере — постоянное движение. Люди приходят, обмениваются новостями, называют куда-то, прикладывают тактику действий — все очень спокойно, без крика и истерики: если тут и собрались «заговорщики», то, во всяком случае, не злонамеренные.

— Принцип простой, — разъясняет Сергей Стаценко, он социолог, входит в свердловскую группу поддержки. — Никто у нас никому не навязывает своего мнения. Смотреть, слушать, искать единомышленников, нащупывать точки соприкосновения в наших позициях — вот так и действует межрегиональная

группа. Люди отовсюду — москвичи, ярославцы, владимирцы, челябинцы, запорожцы... Что касается свердловчан, то на нашем знамени девиз: радикальность своей программы и самое широкое поле для компромисса.

— А в чем причина возникновения группы?

— К сожалению, на местах форум малопопулярен. Множество студентов вообще о нем понятия не имеют. Отсутствие информации на местах. Практически не было возможности дома анализировать рабочие документы форума. Вальсть предвыборной кампании... Это в общих чертах «ситуация накануне». А когда приехали сюда... Группа начала складываться, собственно, в первую же ночь. Почему? Статус подготовительного комитета. Кто определил для его членов статус делегата? Кто голосовал за этих людей, кто их избирал? Понимаешь, уже изначально было впечатление, что нам навязывают готовую структуру сверху. И в результате все может вылиться в жесткую вертикальную структуру студенческих органов. Кроме того, ошибочно растаскивание проблематики форума на восемь мелких секций, где полемика сведется к «колбасным вопросам», к мелочам. Мы предлагали три больших блока: самостоятельность вуза, социально-бытовые проблемы студенчества как социальной группы, формы студенческого движения.

Много о чем шла речь у нас... О праве форума на законодательную инициативу в Верховном Совете, о подобии Закона о госпредприятии для вуза, платном образовании в условиях развития рыночной экономики, автономии, управления вузом на принципах консенсуса, индексации с поправкой на инфляцию, выдаче кредитов студентам «под образование», сохранении статуса делегата как полпреда «студенческой советской власти»...

Это было интересно. Об этом можно было бы спорить, но время, время — где его взять?

Не знаю, в какой мере к форуму, со всеми его сложностями, острыми коллизиями, применена формула «детские игры». Если это и игры, то

вовне серьезные. Если и дети — то вполне взрослые.

Опять вернемся к аналогиям, к нашим галушкам. Ах, если бы гоголевский образ втискивался в нашу жизнь!.. Ну снабди всех и каждого пакетом необходимых инструкций, ну дай всю оперативную информацию о положении дел, и вся беда ола.

Если бы, если бы...

Дружный хохот в пресс-центре вызвала устная челобитная: Михаил Сергеевич, распорядитесь, чтобы нам еще на один день оставили зал Дворца молодежи, — без вашего указания эта проблема не решится.

А ведь не смешно.

Припоминается примерно такой диалог одного из делегатов с министром народного образования. «Вот вы говорите, индивидуальные планы, свобода выбора... У нас ничего такого нет». — «Но ведь разрешено!» — «А у нас про это никто знать не хочет». — «Но есть же решение Гособразования». — «А нашей администрации это мало о чем говорит...» — «Но что же я могу поделать?» — «Так помогите хоть как-то!» — «Хорошо. Напишите на имя министра письмо: прошу указать моему ректору то-то и то-то... Я поставлю визу и перешлю вам...»

Вот придет барин? И он, конечно же, рассудит. И заальчик во Дворце молодежи можно выбить только словом Генерального секретаря? И в общежитие человека поселить только указанием министра? И отменить idiotское распоряжение завхоза — только резолюцией Комитета народного контроля СССР?

И это, к сожалению, тоже тот контекст, та реальность, в которой приходится существовать. И страшная косность, рутина на местах, и вековечная наша вера, что до бога высоко, а до царя далеко, — это тоже те рамки реальности, в которых развивается наш сюжет.

А что до волшебных галушек, то ведь не вечно же им самопроизвольно скакать нам в рот. Куда как проще и естественнее питаться нормальным образом. И ведь в принципе знаем, как это делается. Вот дымящаяся тарелка, вот вилка, вот ложка со сметаной. И очень вкусно. Кто пробовал — тот знает.

Владимир Шахиджанян

Ехал грека через реку

Да, конечно, разобраться в голосовом аппарате сложно. Да, конечно, заниматься своими голосовыми особенностями скучно. (Заметьте, что я время от времени сознательно повторяю начало фраз — это один из приемов устного выступления, ибо повторение помогает лучше восприятию произносимого текста.) Но тем не менее заниматься этим нужно. Наибольший эффект в развитии голоса вы получите, если проявите инициативу. Даже в маленьких поселках при Домах культуры работают кружки художественного чтения. Обратитесь к руководителю такого кружка с просьбой помочь вам поставить голос. Обратитесь к ларингологу и получите консультацию по развитию вашего голоса. Можно обратиться в местный театр, в театральное училище, к руководителям музыкальных коллективов.

Очень важно, как вы обратитесь к тому или иному специалисту. На чем вы построите свою аргументацию: почему вам надо помочь. Сможете ли вы расположить к себе человека, к которому вы обращаетесь. Сможете ли вы его убедить в необходимости вам помочь. И, наконец, сможете ли вы воспользоваться этой помощью. Как часто мы обращаемся за помощью к другим людям! Они проявляют готовность — и действительно оказывают эту помощь. А мы после одного-двух занятий проявляем необязательность, неточность... Да, упражнение № 27 требует проявления от каждого ученика многих качеств: воли, обязательности, точности, умения располагать к себе людей, требует, если угодно, предприимчивости. Но если вы упражнение выполните, то это 10 процентов успеха!

Упражнение № 28

Развитию техники речи, четко-

му произношению слов и фраз помогают скороговорки. «Еще реже приходится слышать на сцене хорошую скороговорку, выдержанную в темпе, четкую по ритму, ясную по дикции, по произношению и по передаче мысли, — говорил К. С. Станиславский, обращаясь к молодым артистам. — Она у нас выходит не четкой, а смазанной, тяжелой, путаной. Это не скороговорка, а болтание, выплевывание или просыпание слов. Скороговорку надо вырабатывать через очень медленную, преувеличенно четкую речь. От долгого и многократного повторения одних и тех же слов речевой аппарат налаживается настолько, что причуется выполнять ту же работу в самом быстром темпе. Это требует постоянных упражнений, и вам необходимо их делать, так как сценическая речь не может обойтись без скороговорки».

Наверное, многие помнят рассказ о греке, который ехал через реку.

«Ехал грека через реку, видит грека — в реке рак. Сунул грека руку в реку, рак за руку греку — цап!»

Важно научиться эту скороговорку произносить четко, быстро, с разной интонацией (интонация удивления, размышления, восхищения и т. д.), произносить шепотом, но с четкой артикуляцией согласных при сильном выдохе на гласных и при разомкнутых связках. То есть гласные нужно произносить как бы в рупор, и все звуки артикулировать, а не произносить надрынным звуком, который лишь травмирует горло.

Попробуйте раз в три дня по 10—15 минут заниматься скороговорками:

«Коси, коса, пока роса, роса долой — и мы домой».

«Ткет ткач ткани на платки Тане».

«Дробью по перепелам да по тетеревам».

«Водовоз вез воду из-под водопровода».

«Стоит поп на копне, колпак

на попе, копна под попом, поп под колпаком».

«Купи кипу пик».

«Осип охрип, Архип осип».

«На дворе трава, на траве дрова, не руби дрова на траве двора».

Какую бы скороговорку вы ни учили — скажем, «Купи кипу пик», — она на первых порах может вызвать у вас затруднение. С первого раза даже такая простая скороговорка — «Купи кипу пик» — не получится.

В скороговорке необходимо преодолеть все трудные звуко-сочетания. Важно произносить сложное слово по слогам, пусть и в медленном темпе, но произносить без каких-либо затруднений, осечек, оговорок. Проговаривайте каждую скороговорку сначала беззвучно, но артикулируя, затем переходите на шепот и лишь потом — вслух, сначала в медленном темпе, а там и в быстром, но помните о четкости произношения. Это упражнение записывайте на магнитофон.

Еще одно письмо. «Я очень рада, что в вашем журнале появилась рубрика «Учимся говорить публично». Считаю, что я обязана овладеть искусством слова, потому что моя будущая профессия — учитель. Занимаюсь. Но с молчанием тру — упражнение № 4, — окружающие не дают молчать. С уважением, студентка Ставропольского государственного педагогического института Бархатенко Наталья».

Жаль, что наши рекомендации подвергаются сомнению и не выполняются. Я не могу поверить в ситуацию, когда кто-то из вас решил помолчать и не может выполнить своего желания. Нужно всем окружающим сказать (или написать): «Мне нельзя говорить». Это же элементарно! Если кто-то поступает так же, как Наталья Бархатенко, то я должен еще раз предупредить (о чем, кстати говоря, я сообщал в предыдущем номере): чтобы достичь успеха, а не тратить времени зря, необ-

ходимо к нашим занятиям отно- ситься ответственно и старать- ся выполнять все упражнения и рекомендации.

Упражнение № 29

Часто по первым фразам, про- изнесенным с кафедры, трибу- ны, легко определить: умеет че- ловек говорить или нет, владеет ли он аудиторией.

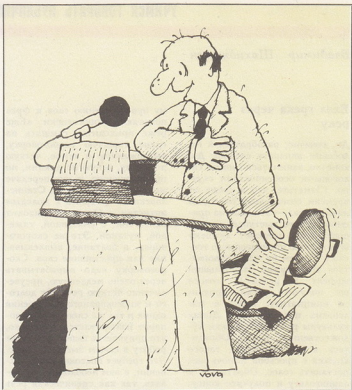
От произнесенных первых фраз многое зависит. Пер- вые фразы всегда нужно гото- вить заранее.

Начало речи должно привлечь к вам внимание. Фразы могут быть загадочными, странными, ироничными. Можно построить их на юморе (если есть к это- му повод). Слушатели, будем об этом помнить, любят, когда оратор чуть иронично относится к себе, но с уважением — к публике, когда выступающий не выпячивает себя, в спорных вопро- сах использует фразы «я ду- маю», «мне кажется», «может быть, я ошибаюсь» — впрочем, об этом — общей тональнос- ти — нужно говорить отдельно. Поэтому пока ограничусь этим небольшим отступлением.

Представляться можно после первой же фразы, а можно и до нее, но и данные о себе желательно произнести с таким расчетом, чтобы заинтересовать слушателей.

А чем, собственно, вы можете быть слушателям интересны? Тем, что не хотели брать сло- ва, да вот решились (многие так и начинают: «Я выступать, соб- ственно, не собирался, да и на- до ли?»)? Тем, что вам нечего сказать (опять же бывает у мно- гих: «Здесь, конечно, все, что я хотел сказать, уже высказали, но...»)? Или тем, что вы не со- бирались сообщить новой ин- формации («Собственно, то, о чем я собираюсь говорить, всем известно...»)? Или ваша первая фраза — мольба о снисхожде- нии («Я не оратор, говорить не умею, воануюсь, мне говорить трудно...»)? А может быть, ва- ша фраза — это разминка для того, что вы хотите сказать, и вы себя настраиваете («Если вы позволите, я хотел бы вам ска- зать... Я должен вам сообщить... Я хочу добавить...»)?

Какими же должны быть пер- вые фразы? Да, энергичными, емкими, несущими информа- цию, эмоциональными по про- изнесению, оригинальными по

смыслу, точными по психологи- ческому расчету. Первые фра- зы — это мостик между высту- пающими и слушателями.

Представим себе, что идет об- суждение до боли знакомой всем студентам темы: общежи- тие или, скажем, порядок в ин- ституте. Каким может быть на- чало вашей речи? Предлагаю несколько вариантов.

Всем известно, что общежи- тие должно быть домом для сту- дента.

Каждый раз на собраниях мы говорим о наших общежи- тиях...

Это хорошо, что мы собра- лись обсудить проблему обще- жития...

Я живу в общежитии и хочу вам сказать, что сам удивляюсь, как я еще жив...

Да, товарищи, пора в обще- житии навести порядок...

Товарищи! Действительно, необходимо придумать и что-то сделать с нашими общежития- ми...

Я привел образцы, как НЕ на- до начинать свое выступление. Это же все банально, скучно, общеизвестно, старо. А как НА- ДО? Какой может быть первая

фраза? Пожалуйста, придумай- те. Пусть будет не одна фраза, а несколько. С чего и как вы на- чнете выступать?

Пожалуйста, пришлите в ре- дакцию свое начало выступле- ния по проблемам общежития или учебного процесса в вашем институте.

Как сделать, чтобы о нашей школе «Учимся говорить пуб- лично» узнало как можно боль- ше студентов? В многотираж- ной газете Мордовского универ- ситета опубликовали сообще- ние о нашей школе, рассказ о наших занятиях. И я обращаюсь ко всем ученикам: пожалуйста, подойдите в редакцию многоти- ражной газеты вашего институ- та, попросите опубликовать со- общение о нашей школе. Может быть, вы сами и подготовите эту заметку. Кому-то придется уговоривать редактора эту за- метку поместить, а кто-то сдела- ет это легко. Каков бы ни был результат — я буду признате- лен всем за оказанное содейс- твие и помощь. И если в вашей газете такую заметку опубли- куют — не поленились, пришлите экземпляр в редакцию «Сту- денческого меридиана».

Виктор Астафьев

Прожив уже немалые сроки на нашей прекрасной и многострадальной земле, я все-таки пришел к выводу, что любовь в жизни человека бывает только одна, все остальные есть лишь отражение истинного, уже засвеченного чувства. С этого, именно с этого негатива печатаются все остальные карточки.

Случается утверждение, что вторая, третья и все последующие любви сильнее и ярче первой. Но это значит, что человек ошибся и за первую любовь принял увлечение, временное чувство, может, и страстное, горячее. Несчастен, ограблен, обран жизнью человек, не познавший первой любви. Не встретивший ее, мне представляется тем, кто никогда не слышал настоящей музыки, не соприкасался близко с природой, то есть обделенный жизнью, с бедным, кудям восприятием окружающего мира — понятиями любви, дружбы, сострадания, рождающего чувство нежности или того, что старомодно зовется «тонкостью души».

Поколения, выросшие «на асфальте», так падкие на шумовые эффекты и трескотню барабанов, принимаемые за музыку, а половое влечение за любовь, ни в чем не виноваты. Они дети той среды, которая их создала — кирпичная или бетонная коробка, называемая жильем, природа, увиденная по телевизору...

Поколения, «подарившие» нынешней молодежи механическому, бездушную жизнь, не имеют права на упреки и тем более на удивление: «Откуда они взялись?» Оттуда, все отсюда же, от нас с вами, это мы, занятые напряженным, часто беспомощным трудом, борьбой с бедностью, с вечными врагами отечества нашего, войнами, междоусобицами, братоубийством, постепенно переселившиеся в престижное место, называемое «городом» (а современный город и современные окраины старых русских городов — это самые бездушные, самые глухие, самые страшные

места на земле, непригодные даже для отдыха, размножения, но только для самых необходимых отравлений, которые всегда были свойственны лишь одомашненной скотине). И вот мы ждали, что здесь сами собой вырастут и как-то образуются эстетически развитые, духовно зрелые, благодарные пути.

За жестокий просчет придется жестоко расплачиваться — бездушие, неуважение к старшим, к истории общества, к достижениям культуры, полное равнодушие к своей собственной жизни, звичность не чувств, а похоти, агрессивности, хамство, лень, иждивенчество, желание не пройти по жизни, прокатиться по ней, пользоваться близкими, всеми доступными благами, — результат жидеятельности человека на исходе тысячелетия.

Но были же, были времена, когда люди могли пожертвовать своей жизнью ради счастья ближнего своего, спасения не только отечества, но и чести, достоинства человеческого, могли, наконец, умереть от любви и из-за любви.

Когда-то давно еще, более тридцати лет назад, я прочел Великую книгу о Великой Любви «Манон Леско» Аббата Прево, и засосало, засосало у меня под ложечку. А есть ли сейчас, среди нас, благородный Кавалер Де Грие, способный не только любить, но прощать возлюбленную, умереть, наконец, на ее могиле?

Где-то что-то мелькало в моей памяти, тревожило ее и ни много ни мало тревожило четырнадцать лет, пока я наконец решился создать в воображении, произвести на бумаге, отыскать в современной жизни такую любовь, от которой не только умирают, но которую современная действительность еще и губит, убивая. Несовместные вещи — человек с чистой, нежной душой, жертвенной любовью, не ко времени они пришли — герой повести или опоздал родиться, или опередил время, отсюда и это расхо-

жее, нами мимоходом, опять же механически осознанное, трагическое явление, названное — «роковая любовь».

В жизни писателя есть одна-единственная книга, которая, как первая любовь, и радует и мучает его, наполяя сердце постоянной тревогой, потребностью в самоусовершенствовании, мировосприятию своего, значит, и того, что ты создал, громко скажем, «кровью сердца».

После написания повести «Пастух и пастушка» в 1962 году я с трудом, с большими потерями и кастрациями напечатал ее в 1964-м в журнале «Наш современник». Ныне я сделал еще одну, пятую редакцию повести — это уже после публикаций (сколько было редакций в рукописи во время работы над ней, я не помню). Делая новую, надеюсь, последнюю редакцию, старался поддать в себе внутреннего цензора, переосмыслить еще раз все в повести происходящее, восстановить те куски и пропуски, где по живому резази редактора, выполняя указания цензуры, которая никогда и ничего сама не резала, только давала «добрые» советы и идейные рекомендации редакциям, без того в ту пору сверхбдительным, сверхосторожным, утешающим автором сочувственным аргументом «главное-то ведь осталось».

Надеюсь, в этой редакции повести, или, как я ее называл еще в замысле, «Современная пастораль», — и ох сколько потерпелся из-за этого! — читатели мои найдут не только «главное», но и почувствуют, что автор приблизился к тому, чтобы наконец-то реализовать свой замысел и навсегда отлучиться, родив «свое дитя» в том виде, в каком ему мечтаюсь его родить.

А до совершенства «дитя», как и до совершенства собственного «родительского», наверное, все еще далеко, ведь оно, как горизонт, отодвигается по мере приближения к нему.

15 декабря 1989 года

Тастух и пастушка

Современная пастораль

Любовь моя, в том мире давнем,
Где бездны, кущи, купола, —
Я птицей был, цветком и камнем.
И перлом — всем, чем ты была!
Теофиль Готье

И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженому, косы не знавшему. В сандалии ее сыпались семена трав, колючки цеплялись за пальто старомодного покроя, отделанного сереньким мехом на рукавах.

Оступаясь, соскальзывая, будто по наледи, она поднималась на железнодорожную линию, зачистила по шпалам, шаг ее был суетливый, сбивающийся.

Насколько хватало взгляда — степь, немая, предзимо взвисяшая рыжеватой шерсткой. Солончаки накрапом пятнали степную даль, добавляя немоты в ее безгласное пространство, да у самого неба тенью проступал хребет Урала тоже немой, тоже недвижно-усталый. Людей не было. Птиц не слышно. Скот отогнали к предгорьям. Поезда проходили редко.

Ничто не тревожило пустынной тишины.

В глазах ее стояли слезы, и оттого все плахло перед нею, качалось, как в море, и где начиналось небо, где кончалось море — она не различала. Хвостатыми водорослями шевелились рельсы. Волнами накатывали шпалы. Дышать ей становилось все труднее, будто поднималась она по бесконечной шаткой лестнице.

У километровой столба она вытерла глаза рукой. Полосатый столбик, скорее вострый коп, порябил-порябил и утвердился перед нею. Она спустилась с линии и на сигнальном кургане, сделанном пожарными или в древнюю пору кочевниками, отыскала могилу.

Может, была когда-то на пирамидке звездочка, но отопрела. Могилу затянуло травяно-проволочником и польню. Татарник взнимался рядом с пирамидкой-колодом, не решаясь подняться выше. Немело цеплялся он заусенцами за изветренный столбик, ребристое тело его было измучено и остисто.

Она опустила на колени перед могилой.

— Как долго я тебя искала!

Ветер шевелил польню на могиле, вытеревлявал пух из шишечек карлика-татарника. Сыпучие семена чернобыла и сыпучая сухая трава лежали в бурях щелях старчески потрескавшейся земли. Пепельным тлеом отливала предзимняя степь, угрюмо нависла над нею древний хребет, глубоко вдавшийся грудью в равнину, так глубоко, так грузно, что выдавлялась из глубин земли горькая соль и белья солончаков, отблескивая холодно, плоско, наполняя мертвенным льдыстым

светом и горизонт, и небо, спявшееся с ним.

Но это там, дальше было все мертво, все остыло, а здесь шевелилась пугливая жизнь, скорбно шелестели немощные травы, похрустывал костлявый татарник, сыпалась сохлая земля, какая-то живность, полёвка-мышка, что ли, суетилась в трещинах земли меж сохлых травок, отыскивая прокорм.

Она развязала платок, прижалась лицом к могиле.

— Почему ты лежишь один посреди России?
И больше ничего не спрашивала.

Думала.

Вспоминала.

Часть первая

Бой

«Есть упоение в бою!» —
какие красивые и устарелые
слова!..

*Из разговора, услышанного
на войне.*

Орудийный гул опрокинул, смял ночную тишину. Пресекая тучи снега, с треском полосуюя тьму, мелькали вспышки орудий, под ногами качалась, дрожала, шевелилась разтревоженная земля вместе со снегом, с людьми, приникшими к ней грудью.

В тревоге и смятении проходила ночь.

Советские войска добивали почти уже задушенную группировку немецких войск, командование которой отказалось принять ультиматум о безоговорочной капитуляции и сейчас вот вечером, в ночи сделало последнюю сверхотчаянную попытку вырваться из окружения.

Взвод Бориса Костяева вместе с другими взводами, ротами, батальонами, полками с вечера ждал удара противника на прорыв. Машины, танки, кавалерия весь день метались по фронту. В темноте уже выкатились на взгорок «катушки», поизорвали телефонную связь. Солдаты, хватаясь за карабины, зверски ругались с эрзовцами — так называли на фронте минометчиков с реактивных установок — «катуш». На зачехленных установках толсто лежал снег. Сами машины как бы присели на лапах перед прыжком. Изредка вспыхивали над передовой ракетой, и тогда видно делалось стволы пушчонок, торчащих из снега, длинные спички пэтээров. Немцы от картошки, бесхозяйственно высыпанной на снег, выделяли солдатские головы в касках и шапках, там и сям церковными свечками светились солдатские костерки, но вдруг среди полей поднималось круглое пламя, взнимал-

ся черной дым — не то подорвался кто на mine, не то загорелся безвозов либо склад, не то просто пелсудни горючим в костерок танкисты или шофера, взбодря силу огня и торопясь доварить в ведре похлебку.

В полночь во взвод Костяева приволоклась тыловая команда, принесла супу и по сто боевых граммов.

В траншеях началось оживление.

Тыловая команда, напуганная глухой метельной тишиной, древним светом джигх костров — казалась, враг, вот он ползет-подбирается, — торопила с едой, чтобы поскорее заполнить термосы и умотать отсюда. Храбро сулились тыловики к утру еще принести еды и, если выгорит, водочки. Бойцы отпускали тыловиков с передовой не спеша, разжигали в них панику байками о том, как тут много противника кругом и как он, нечистый дух, любит и умеет ударять врасплох.

Эрсовцам еды и выпивки не доставили, у них тыловики пешком ходить разучились, да еще по убуду. Пехота оказалась по такой погоде пробойней. Благодушные пехотинцы дали похлевать супу, отделили курева эрсовцам. «Только по нам не палять!» — ставили условие.

Гуа боя возникал то справа, то слева, то близко, то далеко. А на этом участке тихо, тревожно. Безмерное терпение кончалось, у молодых солдат выявлялось желание ринуться в крошечную темноту, разрешить неведомое томление пальбой, боем, истратить накопившуюся злость. Бойцы постарше, натерпевшиеся от войны, стойче переносили холод, секущую метель, неизвестность, надеялись, пронесет и на этот раз. Но в предутренний уже час, в километре, может, в двух, правее взвода Костяева послышалась большая стрельба. Сзади, из снега, ударили полурасотки-гаубицы, снаряды, шамка и шипя, полетели над пехотинцами, заставляя утягивать головы в воротники оснеженных, мерзлых шинелей.

Стрельба стала разрастаться, густеть, накапываться. Произительней завали мины, немаянно скрежетнуди эрсы, озарились окопы грозными всполохами. Впереди, чуть левее, часто, запыленно тьякала батарея полковых пушек, рассыпая искры, выбрасывая горящей вехоткой скомканное пламя.

Борис вынул пистолет из кобуры, поспешил по окопу, то и дело проваливаясь в снежную кашу. Траншею хотя и чистили лопатами всю ночь и набросали высокий бруствер из снега, но все равно хода сообщений забило местами вровень со срезами, да и не различить было эти срезы.

— О-о-о-од! Приготовиться! — крикнул Борис, точнее, пытался кричать. Губы у него состыли, и команда получалась невнятная. Помкомвзвода старшина Мохнаков поймал Бориса за полу шинели, уронил рядом с собой, и в это время эрсы выхаркнули вместе с пламенем головатые стрелы снарядов, озарив и парализовав на минуту земную жизнь, кипящее в снегах людское месиво; рассекло и прошло струями трассирующих пуль мерклый ночной покров; мерзало застучал пулемет, у которого расчетом воєвали Карышев и Малышев; ореховой скорлупой посыпали автоматы; отрывисто захлопали винтовки и карабины.

Из круговерти снега, из пламени взрывов, из под клубящихся дымов, из комьев земли, из охаю-

щего, ревущего, с треском рвущего земную и небесную высь, где, казалось, не было и не могло уже быть ничего живого, возникла и покатиалась на траншею темная масса из людей. С кашлем, с криком, с визгом хлынула на траншею эта масса, провалилась, забурилась, заплескалась, смывая разъяренным отчаянием гибели, волнами все суище вокруг.

Оголодалые, деморализованные окружением и стужею немцы лезли вперед безумно, слепо. Их быстро прикончили штыками и лопатами. Но за первой волной накатали другая, третья. Все перемешалось в ночи: рев, стрельба, матюки, крик раненых, дрожь земли, с визгом оскаты пушек, которые били теперь и по своим, и по немцам, не разбирая — кто где. Да и разобрать уже ничего было нельзя.

Борис и старшина держались вместе. Старшина — левша, в сильной левой руке он держал лопатку, в правой — трофейный пистолет. Он не палял куда поало, не суегился. Он и в снегу, в темноте видел, где ему надо быть. Он падал, зарывался в сугроб, потом вскакивал, поднимал на себе воз снега, делал короткий бросок, рубил лопатой, стрелял, отбрасывая что-то с пути.

— Не психуй! Пропадешь! — кричал он Борису.

Дивясь его собранности, этому жестокому и верному расчету, Борис и сам стал видеть бой отчетливей, понимать, что взвод его жив, дерется, но каждый боец дерется поодиночке, и нужно знать солдатам, что он с ними.

— Ребя-а-а-ата-а-а! Бе-ей! — кричал он, взрыдая, брызгаясь бешеной вспенившейся слюной.

На крик его густо сыпали немцы, чтобы заткнуть ему глотку. Но на пути ко взводному все время оказывался Мохнаков и оборонял его, оборонял себя, взвод. Пистолет у старшины выбили, или обойма кончилась. Он выхватил у раненого немца автомат, расстрелял патроны и остался с одной лопаткой. Оттоптал место возле траншеи, Мохнаков бросил через себя одного, другого того же немца, но третий с визгом по-собачьи вцепился в него, и они клубком покатились в траншею, где копошились раненые, бросая друг на друга, воя от боли и востри.

Ракеты, много ракет взымало в небо. И в коротком, полосуем свете отрывками, проблесками возникали лоскутья боя, в адовом столпотворении то сблизжались, то проваливались во тьму, зияющую за огнем, ощеренные лица. Снеговая пороша в свете делалась черной, пахла порохом, секала лицо до крови, забивала дыханье.

Огромный человек, шевеля громадной тенью и развевающимся за спиной факелом, двигался, нет, летел на огненных крыльях к окопу, круша все на своем пути железным ломом. Сыпались люди с разваленными черепами, торной тропой по снегу стелилось, пыло за карающей силой мясо, кровь, копыт.

— Бе-ей его! Бе-ей! — Борис пятался по траншее, стрелял из пистолета и не мог попасть, уперся спиной в стену, перебирал ногами словно бы во сне и не понимал, почему не может убежать, почему не повинуются ему ноги.

Страшен был тот, горящий, с ломом. Тень его металась, то увеличиваясь, то исчезая, сам он, как выходец из преисподней, то разгорался, то темнел, проваливался в геенну огненную. Он дико выд,

Итак, очередная наша загадка. Кто автор работы, помещенной на этой полосе? Как она называется? За правильный ответ и наиболее

полный рассказ о художнике и его картине вас ждет, как и прежде, подарок — редкая книга. Последний срок отправки — 15 апреля с. г.

В № 1 журнала за этот год была опубликована репродукция картины французского художника Анри Руссо «Битва между тигром и буйволом».

оскалывая зубы, и чудились на нем густые волосы, лом уже был не ломом, а выданным с корнем дубьем. Руки длинные, с котьями...

Холодом, мраком, лешачьей древностью веяло от этого чудовища. Похлоающий факел, будто отсвет тех огненных бурь, из которых возникло чудовище, поднялось с четверенек, дошло до наших времен с неизменившимися обломом пещерного жителя, овеществляла это видение...

«Идем в крови и пламени...» — вспомнились вдруг слова из песни Мохнакова, и сам он тут как тут объявился.

Рванул из траншеи, побрел, черная валенками снег, сошелся с тем, что горел уже весь, рухнул к его ногам.

— Старшина-а-а-а! Мохнако-о-ов! — Борис пытался забить новую обойму в рукоятку пистолета и выпрыгнуть из траншеи. Но сзади кто-то держал, тянул его за шинель.

— Карау-у-ул! — тонко вел на последнем издыхании Шкалик, ординарец Бориса, самый молодой во взводе боец. Он не отпустил от себя командира, пытался стащить его в снежную норку. Борис отбросил Шкалика и ждал, поднив пистолет, когда вспыхнет ракета. Рука его отвердела, не качалась, и все в нем вдруг заостенело, сцепилось в твердый комок — теперь он попадет, твердо знал — попадет.

Ракета. Другая. Пучком выплеснулись ракеты. Борис увидел старшину. Тот топтал что-то горячее. Клубок огня катился из-под ног Мохнакова, ошметки разлетались по сторонам. Погасло. Старшина грузно свалился в траншею.

— Живой! Ты живой! — Борис хватал старшину, оцупывая.

— Все! Все! Рехнулся фриц! С катушек сошел!... — втыкая лопатку в снег, вытирая ее о землю, задыхливо выкрикивал старшина. — Простыни на нем вспыхнули... Стрельба!

Черная пороша вертелась над головой, ахали гранаты, сыпалась стрельба, грохотали орудия. Казалось, вся война была сейчас здесь, в этом месте; кипела в растоптанной яме траншеи, исходя удушавым дымом, ревом, визгом осколков, звериным рычанием людей.

И вдруг на мгновение все опало, остановилось. Усилился вой метели...

— Танки! — разногласно завопила траншея.

Из темноты несло удушливой гарью. Танки безглазыми чудовищами возникли из ночи. Скрежетами гусеницами на морозе и тут же буксовали, немея в глубоком снегу. Снег пугурился, плавился под танками и на танках.

Им не было ходу назад, и все, что попадало на пути, они крушили, перемалывали. Пушки, две уже только, развернувшись, хлестали им вдогон. С вкрадчивым курыканьем, от которого заходило сердце, обрушился на танк залп тяжелых эрсов, электросварочной вспышкой ослепив поле боя, качнув окол, оплавляя все, что было в нем: снег, землю, броню, живых и мертвых. И свои, и чужеземные солдаты попадали влежку, жались друг к другу, заталкивали головы в снег, срывая ногти, по-собачьи рыли руками мерзлую землю, старались затиснуться поглубже, быть поменьше, утягивали под себя ноги — и все без звука, молчком, лишь загнанный хрип слышался повсюду.

Гул нарастал.

Возле тяжелого танка ткнулся, хохнул огнем сна-

ряд гаубицы. Танк содрогнулся, звякнув железом, забегал влево-вправо, качнув орудием, уронил на бабдашик дульного тормоза в снег и, буравя перед собой живой, перекатывающийся ворох, ринулся на траншею. От него, уже не управляемого, в панике рассыпались и чужие солдаты, и русские бойцы. Танк возник, зашевелился безгласной тушей над траншеей, траки язглили, повернулись с визгом, бросив в старшину, на Бориса комя грязного снега, обдав их горячим дымом выхлопной трубы. Завалившись одной гусеницей в траншею, буксуя, танк рванулся вдоль нее.

Надсажено, на пределе завыл мотор, гусеницы рубили, перемалывали мерзлую землю и все в нее вкопанное.

— Да что же это такое? Да что же это такое? — Борис, ломая пальцы, вцарапывался в твердую щель. Старшина тряс его, выдергивал, будто суслика, из норы, но лейтенант вырывался, лез занозно в землю.

— Гранату! Где гранаты?

Борис перестал биться, лезть куда-то, вспомнил: под шинелью на поясе у него висели две противотанковые гранаты. Он всем раздал с вечера по две и себе взяла, да вот забыл про них, а старшина или утерял свои, или использовал уже. Стянув зубами рукавицу, лейтенант сунул руку под шинель — граната на поясе висела уже одна. Он выхватил ее, начал взводить чеку. Мохнаков шарил по рукаву Бориса, пытался отнять гранату, но взводный отталкивал старшину, полз на коленях, помогая себе локтями, вслед за танком, который пахал траншею, метр за метром прогрызая землю, нацупывая опору для второй гранаты.

— Постой! Постой, курвал! Сейчас! Я тебя... сейчас! — Взводный бросал себя за танком, но ноги, ровно бы вывернутые в суставах, не держали его, он падал, запинаясь о раздавленных людей, и снова полз на коленях, толкался локтями. Он утерял рукавицу, наелся земли, но держал гранату, словно рюмку, налитую всклень, боясь расплескать ее, вслаивая, плакал оттого, что не может настичь танк.

Танк ухнул в глубокую воронку, задержался в сурдоггах. Борис приподнялся, встал на одно колено и, ровно в чик угляя, метнул под сизый выхлоп машины гранату. Жакнуло, обдало лейтенанта снегом и пламенем, ударило комками земли в лицо, забило рот, катануло по траншее, точно зайчонка.

Танк дернулся, осел, смолк. Со звоном упала гусеница, распустилась солдатской обмоткой. По броне, на которой с шипением таял снег, густо зачиркало пулями, еще кто-то фуганул в танк гранату.

Остервенело лупили по танку оживие бронбойки, высекая синие всплески пламени из брони, досадуя, что танк не загорелся. Возник немец без каски, черноголовый, в разорванном мундире, с привязанной за шею простыней. С живота строча по танку из автомата, он что-то кричал, подпрыгивал. Патроны в рожке автомата кончились, немец отбросил его и, обдирая кожу, стал колотить голямы кулаками по цементированной броне. Тут его и подсекло пулей. Ударившись о броню, немец сполз под гусеницу, подергался в снегу и успокоено затих. Простыня, надетая вместо маскалота, метнулась раз-другой на ветру и закрыла безумное лицо солдата.

Бой откатился куда-то во тьму, в ночь. Гаубицы переместили огонь; тяжелые эрсы, содрогаясь, визжа и вой, полаяли пламенем уже другие окопы и поля, а те «катюши», что стояли с вечера возле траншей, горели, завязли в снегу. Оставшиеся в живых эрсовцы смешались с пехотой, бились и погибали возле своих отстрелявшихся машин.

Впереди все тьякала полковая пушчонка, уже одна. Смятая, растерзанная траншея пехотинцев ведала редкий оружейный огонь, да булькала батальонный миномет трубою, и вскоре еще две трубы начали бросать мины. Обрадованно запоздало затрещал ручной пулемет, а станковый молчал, и бронебойщики выдохлись. Из окопов то тут, то там выскакивали темные фигуры, от низко свесших плоских касок казавшиеся безголовыми, с криком, плачем бросались во тьму, следом за своими, словно малые дети гнались за мамкою.

По ним редко стреляли, и никто их не догонял.

Запыхивали в отдалении скирды соломы. Фейерверком выплескивалось в небо разноцветье ракет. И чьи-то жизни дало, уродовало в отдалении. А здесь, на позиции взвода Костяева все стихало. Убитых заносило снегом. На догорающих машинах эрсовцев трещали и рвались патроны, гранаты; горячие гильзы высыпались из коптящих машин, дымилась, шипела в снегу. Подбитый танк оставившей тушей темнел над траншеей, к нему тянулись, ползали раненые, чтобы укрыться от ветра и пуль. Незнакомая девушка с подвешенной на груди санитарной сумкой делала перевязки. Шапку она обронила и рукавицы тоже, дула на колючеющие руки. Снегом запорошило коротко остриженные волосы девушки.

Надо было проверять взвод, готовиться к отражению новой атаки, если она возникнет, налаживать связь.

Старшина успел уже закурить. Он присел на корточки — его любимая расслабленная поза в минуту забвения и отдыха, смежил глаза, тянул цигарку, изредка без интереса поглядывал на тушу танка, темную, неподвижную и снова прикрывал глаза, задремывал.

— Дай мне! — протянул руку Борис.

Старшина окурка взводному не дал, достал сначала рукавицы взводного из-за пазухи, потом уж кистет, бумагу, не глядя сунул, и, когда взводный неумело скрутил сырую цигарку, прикирив, закашлялся, старшина бодро воскликнул:

— Ладно-ты его! — и кивнул на танк.

Борис недоверчиво смотрел на усмирленную машину: такую громадину! — такой маленький гранатой! Такой маленький человек! Слышал взводный еще плохо. И во рту у него была земля, на зубах хрустело, грязью забило горло. Он кашлял и отплевывался. В голову ударило, в глазах возникли радужные круги.

— Раненых... — Борис почистил в ухе. — Раненых собирать! Замерзнут.

— Давай! — отобрал у него цигарку Мохнаков, бросил ее в снег и прыгнул за воротник шинели взводного ближе к себе. — Идти надо, — донеслось до Бориса, и он снова стал чистить в ухе, пальцем выковыривая землю.

— Что-то... Тут что-то...

— Хорошо, цел остался! Кто же так гранаты бросает!

Спина Мохнакова, погони его были обляпаны грязным снегом. Ворот полушубка, наполовину с мясом оторванный, хлопался на ветру. Все качалось перед Борисом, и этот хлопающий воротник старшины, будто доскою, бил по голове, не больно, но оглушительно. Борис на ходу черпал рукою снег, ел его, тоже гарью и порохом засоренный, живот не остужало, наоборот, больше жгло.

Над открытым люком подбитого танка воронкой завивчивало снег. Танк остывал. Познанивало, трескаясь, железо, больно стреляло в уши. Старшина увидел девушку-санитарку без шапки, снял свою и небрежно насунул ей на голову. Девушка даже не взглянула на Мохнакова, лишь на секунду приостановила работу и погребла руки, сунув их под полушубок к груди.

Карышев и Малышев, бойцы взвода Бориса Костяева, подтаскивали к танку, в заветрие, раненых.

— Живы! — обрадовался Борис.

— И вы живы! — тоже радостно отозвался Карышев и потянул воздух носичком так, что тесемка развязанной шапки влетела в ноздрю.

— А пулемет наш разбilo, — не то доложил, не то повiniлся Малышев.

Мохнаков влез на танк, столкнул в люк пересвиногося, еще вялого офицера в черном мундире, распоротом очередями, и тот заремел, будто в бочке. На всякий случай старшина дал в нутро танка очередь из автомата, который успел где-то раздобыть, посветил фонариком и, прыгнув в снег, сообщил:

— Офицеры нагушили! Пошла угроба! Ишь как ловко: мужика-солдата вперед, на мясо, господа — под броню... — Он склонился к санитарке: — Как с пакетами?

Та отмахнулась от него. Взводный и старшина откопали провод, двинулись по нему, но скоро из снега вытаскили оборывш и добрались до ячейки связиста наугад. Связист раздавило в ячейке гусеницей. Тут же задавлен немецкий унтер-офицер. В щепки растерт ящикчик телефона. Старшина подобрал шапку связиста, выбил из нее снег о колено и натянул на голову. Шапка оказалась мала, она старым коршуним гнездом громоздилась на верхушке головы старшины.

В уцелевшей руке связист зажал алюминиевый штырек. Штырьки такие употреблялись немцами для закрепления палаток, нашими телефонистами — как заземлители. Немцам выдавали кривые связистские ножи, заземлители, кусачки и прочий набор. Наши все это заменяли руками, зубами и мужицкой смекалкой. Штырьком связист долбил утера, когда тот прыгнул на него сверху, тут их обих и размикало гусеницей.

Четыре танка остались на позициях взвода, вокруг них валялись полузанесенные снегом трупы. Торчали из свежих суматов руки, ноги, винтовки, термосы, противогазные коробки, разбитые пулеметы, и все еще густо чадили сгоревшие «катюши».

— Связь! — громко и хрипло выкрикнул полуглазый лейтенант и вытер нос рукавицей, заледенелой на пальце.

Старшина и без него знал, что надо делать. Он скликал тех, кто остался во взводе, отрядил одного бойца к командиру роты, если не слышит роготом, велел бежать к комбату.

Из подбитого танка добыли бензина, плескали

его на снег, жгли, бросая в костер приклады разбитых винтовок и автоматов, трофейное барахло. Санструкторша отогрела руки, прибралась. Старшина принес ей меховые офицерские рукавицы, дал закурить. Перекурив и перемовившись о чем-то с девушкой, он полез в танк, пошарил там, освещая его фонариком, и завопил, как из могилы:

— Е-е-эсть!

Побулькивая алюминиевой флягой, старшина вылез из танка, и все глаза устремились на него.

— По глотку раненым! — обрезал Мохнаков. — И... немощно доктору, — подмигнула на санструкторше, но она никак не ответила на его щедрость и весь снапс распределила по раненым, которые лежали на плащ-палатках за танком. Кричал обгорелый водитель «катюши». Крик его стискивал душу, но бойцы делали вид, будто ничего не слышат.

Раненый в ногу сержант попросил убрать немца, который оказался под ним, — студено от мертвого. Выкатили на верх траншеи окоченелого фашиста. Кричащий его рот был забит снегом. Растоптали на стороны, повытаскивали из траншеи и другие трупы, соорудили из них бруствер — защиту от ветра и снега, над ранеными натянули козырек из плащ-палаток, прикрепив углы к дулам винтовок. В работе немного согрелись. Хлопались железно плащ-палатки под ветром, стучали зубами раненые; и, то затихая в бессилии, то вознося отчаянный крик до неизвестно куда девшегося неба, мучился водитель. «Ну что ты, что ты, браток?» — не зная, чем ему помочь, утешали водителя солдаты.

Одного за другим посылали бойцов в батальон, никто из них не возвращался. Девушка отозвала Бориса в сторону. Пряча нос в склепшемся от мороза воротнике телогрейки, она стучала валенком о валенок и смотрела на потрешенные рукавицы лейтенанта. Помедлив, он снял рукавицы и, наклонившись к одному из раненых, натянул их на охотно подставленные руки.

— Раненые замерзнут, — сказала девушка и прикрывала распухшими веками глаза. Лицо ее, губы тоже распухли, багровые щеки ровно бы присыпаны отрубями — потрескалась кожа от ветра, холода и грязи.

Уже невнятно, будто засыпая с соской во рту, всхлипывая обожженный водитель.

Борис засунул руки в рукава, виновато потупил глаза.

— Где ваш санструктор? — не открывая глаз, спросила девушка.

— Убило. Еще вчера.

Водитель смолк. Девушка нехотя расклеила веки. Под ними сложились, затемняя взгляд, недвижные слезы. Борис догадался, что девушка эта из дивизиона эрсовцев, со сторевших машин. Она, напрягшись, ждала — не закричит ли водитель, и слезы из глаз ее откатились туда, откуда возникли.

— Я должна идти. — Девушка пожелалась и постояла еще секунду-другую, вслушиваясь. — Нужно идти, — взбадривая себя, прибавила она и стала карабкаться на бруствер траншеи.

— Бойца!.. Я вам дам бойца.

— Не надо, — донеслось уже издали. — Мало народу. Вдур что.

Спустя минуту Борис выстрался из траншеи. Срывая с глаз рукавом нальшее мокро, пытался различить девушку во тьме, но никого и нигде уже не было видно.

Косыми полосами шел снег. Хлопья сделались белей, липучей. Борис решил, что метель скоро кончится: густо повалило — ветру не пробиться. Он возвратился к танку, постоял, опершись на гусеницу спиной.

— Карышев, Малышев, собирайте все в костер! — угромо распорядился лейтенант и тише добавил: — Раздевайте убитых, чтобы накрыть, — показал он взглядом на раненых, — и рукавицы мне где-нибудь найдите. Старшина! Боевое охранение как?

— Выставим.

— К артиллеристам бы сходить. Может, у них связь работает?

Старшина нехотя поднялся, затянул туже полушубок и поволокался к пушчонкам, что так стойко сражались ночью. Вернулся скоро.

— Одна пушка осталась и четыре человека. Тоже раненые. Снарядов нет. — Мохнаков охлопал снег с воротника полушубка и только сейчас удивленно заметил, что он оторван. — Прикажете артиллеристов сюда? — прихватывая ворот булавкой, спросил он.

Борис кивнул. И те же Малышев и Карышев, коротым износу не было, двинулись за старшиной.

Раненых артиллеристов перетаскили в траншею. Они обрадовались огню и людям, но командир орудия не ушел с боевой позиции, попросил принести ему снарядов от разбитых пушек.

Так, без связи, на слухе и нюхе, продергались до утра. Как привидения, как нежити, появлялись из тьмы раздерганными группами заблудившиеся немцы, но, завидев русских, подбитые танки, чадающие машины, укатывались куда-то, пропадали навечно в сонно укутывающей все вокруг снеговой мути.

Утром, уже часов около восьми, перестали ухать сзади гаубицы. Смолки орудия слева и справа. И впереди унялась пушчонка, звонко ударив последний раз. Командир орудия или расстрелял поднесенные от других орудий ему снаряды, или умер у своей пушки. Внизу, в пойме речки или в оврагах, догадался Борис, не унимаясь, бухали два миномета, с вечера было их там много; стучали крупнокалиберные пулеметы; далеко куда-то по незведомым целям начинали бить громкогласно и весомо орудия большой мощности. Пехота уважительно примолкла, да и огневые точки переднего края одна за другой начали смущенно свертывать стрельбу; рывкнув на всю округу отлаженным залпом, редкостные орудия (знатки уверяли, что в дуло их может запросто влезть человек!), тратящие больше горючего в пути, чем пороху и снарядов в боях, высокомерно замолчали, но издали долго еще докатывались толчки земли, звякали солдатские котелки на полах от содержания. Но вот совсем перестало встряхивать воздух и снег. Дрожь под ногами и в ногах унялась. Снег оседал, лепился уже без шарханья, валял обрадованно, сплотно, будто висел над землей, копился, дожидаясь, когда стихнет внизу, уймется огненная стихия.

Тихо стало. Так тихо, что солдаты начали выпрастываться из снега, сдвигать шапки с уха, оглядываться недоверчиво.

— Все?! — спросил кто-то.

«Все!» — хотел закричать Борис, но долетела далекая дробь пулеметов, чуть слышные раскаты взрывов пробурчали летним громом.

— Вот вам и все! — буркнул взводный. — Быть на месте! Проверить оружие!

— А-а-а-аев!.. А-а-а-аев!

Голос прибился.

— Ан-ан... Ая-я-аяев...

— Вроде вас кличут? — наострил тонкое и уловчивое ухо бывший командир колхозной пожарной, ныне рядовой стрелок Пафнурьев и заорал, не дожидаясь разрешения: — О-го-го-о-о-о-о! — грелся Пафнурьев криком.

И только он кончил орать и прыгать, как из снега возник солдат с карабином, упал возле танка, занесенного снегом уже до борта. Упал на остывшего водителя, поцупал, отодвинулся, вытер с лица мокро.

— У-уф! Ищу, ищу, ищущу! Чего ж не откликается-то?

— Ты бы хоть доложился... — заворчал Борис и вытаскивал руки из карманов.

— А я думал, вы меня знаете! Связной ротного, — отряхивая рукавицей, удивился посылный.

— С этого бы и начинал.

— Немцев расхлопали, а вы тут сидите и ничего не знаете! — забывая неловкость, допущенную им, затараторил солдат.

— Кончай травить! — осадил его старшина Мохнаков. — Докладывай, с чем пришел, угощай трофейной, коли разлился.

— Значит, вас, товарищ лейтенант, вызывают. Ротным вас, видать, назначат. Ротного убило у соседей.

— А мы, значит, тут? — сжал синие губы Мохнаков.

— А вы, значит, тут, — не удостоя его взглядом связной и протянул кисет: — Во! Наш саморуб-модворот! Лучше греет...

— Пошел ты со своим саморубом! Меня от него... Ты девку в поле нигде не встречал?

— Не-е. А че, сбегала?

— Сбегала, сбегала. Замерзла небось девка. — Мохнаков скользя по Борису уккоризненным взглядом. — Отпустили одну...

Натягивая узкие мазутные рукавицы, должно быть, с покойного водителя, плотно подпоясываясь, Борис сдавленно проговорил:

— Как доберусь до батальона, первым делом пришло за ранеными. — И, стыдясь скрытой радости оттого, что он уходит отсюда, Борис громче добавил, приподняв плащ-палатку, которой были накрыты раненые: — Держитесь, братцы! Скоро вас увезут.

— Ради бога, похлопочи, товарищ лейтенант. Холодно, мочи нет.

Борис и Шкалик брели по снегу без пути и дороги, полагаясь на нюх связного. Нюх у него оказался никудышным. Они сбился с пути, и, когда пришли в расположение роты, там никого уже не было, кроме сердитого связиста с расцарапанным носом. Он сидел, укрывшись плащ-палаткой, точно бадуин в пустыне, и громко крыл боевыми словами войну, Гитлера, но пуще всех своего напарника, который уснул на промежуточной точке, — телефонист посадил батарейки в аппарате, пытаясь разбудить его зуммером.

— Во! Еще лунатики объявились! — с тор-

жеством и злостью заорал связист, не отнимая пальца от осы ноющего зуммера. — Лейтенант Костяев, кто ль? — И, получив утвердительный ответ, нажал клапан трубки: — Я сматываюсь! Доложи ротному. Код? Пошел ты со своим кодом. Я около до смерти... — Продолжая лаяться, связист отключал аппарат и все повторял: — Ну, я ему дам! Ну, я ему дам! — Вынув из-под зада котелок, на котором он сидел, охнул, поковылял по снегу отсиженными ногами. — За мной! — махнул он. Резво треща катушкой, связист сматывал провод и озверело шел вперед, на промежуточную, чтобы насладиться мстью: если напарник не замерз, пнуть его как следует.

* * *

Командир роты разместились за речкой, на окраине хутора, в бане. Баня изложена по-черному, с каменной — совсем уж редкость на Украине. Родом из семиреченских казаков, однокашник Бориса по полковой школе, комроты Филькин, фамилия которого была притчей во языцех и не соответствовала его боевому характеру, приветливо, даже чересчур приветливо встретил взводного.

— Здесь русский дух! — весело гаркнул он. — Здесь баней пахнет! Помоемся, Боря, попаримся!.. — Был он сильно возбужден боевыми успехами, может, хватил уже маленько горячительного, любил он это дело.

— Во война, Боря! Не война, а хреновина одна. Немцев сдаюсь — тучи. Прямо тучи. А у нас? — прищелкнул он пальцем. — Вторая рота почти без потерь: человек пятнадцать, да и те бдуют небось либо дружат у хохлуш, окайные. Ротного нет, а за славянами глаз да глаз нужен...

— А нас напарили! Половина взвода смята. Раненых надо вывозить.

— Да-а? А я думал, вас миновало. В стороне были... Но отбился же, — хлопнул Филькин по плечу Бориса и приложился к глиняному жбану с горлышком. У него перебило дух. Он покрутил восторженно головой. — Во напикот! Стенолаз! Тебе не дам, хоть ты и замерз. Раненых выносить будем. Обоз не знаю где. Я им морды набью! А ты, Боря, на время пойдешь вместо... Знаю, знаю, что обожаешь свой взвод. Скромный, знаю. Но надо. Вот гляди сюда! — Филькин раскрыл планшетку и начал тыкать в карту пальцем. С замороженного брюшка пальца сходила кожа, и кончик его был красенский и круглый, что редиска. — Значит, так: хутор нашими занят, но за хутором, в оврагах и на поле, между хуторами и селом, — большое скопление противника. Предстоит добывать. Без техники немец, почти без боеприпасов, полуодохлый, а черт его знает! Отчаялся. Значит, пусть Мохнаков снимает взвод, сам край выбирать место для воинства. Я подтяну туда все, что осталось от моей роты. Действуй! Береги солдат, Боря! До Берлина еще далеко!..

— Раненых убери! Врача пошли. Самогонку отдай, — показал Борис на жбан с горлышком.

— Ладно, ладно, — отмахнулся комроты. — Возьму раненых, возьму. — И начал звонить куда-то по телефону. Борис решительно забрал посудину с самогонкой и, неловко прижимая ее к груди, вышел из бани.

Отыскав Шкалика, он передал ему посудину и приказал быстро идти за взводом.

— Возле раненых оставьте кого-нибудь, костер жгите, — наказывал он. — Да не заблудись.

Шакал заснул в мешок посудину, надел винтовку за спину, взмахнул рукавицей у виска и нехотя побрел через огороды.

Занималось утро, может, сделалось светлее оттого, что утихла метель. Хутор занесен снегом по самые трубы. Возле домов стояли с открытыми люками немецкие танки, бронетранспортеры. Иные дымилась еще. Болотной лягушкой расшперилась на дороге распушенная легковая машина, из нее расплывалось багрово-грязное пятно. Снег был черен от копоти. Всюду воронки, комья земли, раскиданные взрывами. Даже на крыши набросана земля. Плетни везде свалены; немногие хаты и сараи сворочены танками, побиты снарядами. Воронье черными дохлыми возникало и кружило над оврагами, молчаливое, сосредоточенное.

Воинская команда в заношенном обмундировании, напевая, будто на сплавле, stalkивала машины с дороги, расчищала путь технике. Горел костерок возле хаты, возле него грелись пожилые солдаты из тыловой трофейной команды. И пленные тут же у огня сидели, не смея тянуть руки к теплу. На дороге, ведущей к хутору, темной ломаной лентой стояли танки, машины, возле них прыгали, толкались экипажи. Хвост колонны терялся в еще не осевшей снежной мути.

Взвод прибыл в хутор быстро. Солдаты потянулись к огонькам, к хатам. Отвечая на немой вопрос Бориса, старшина живо доложил:

— Девка-то, санинструкторша-то, трофейные повозки где-то надыбала, раненых всех увезла. Эрасовцы — не пехота — народ союзный.

— Ладно. Хорошо. Ели?

— Чё? Снег?

— Ладно. Хорошо. Скоро тымы подтянутся.

Согрешившие в быстром марше солдаты уже смекали тресчат еду. Варили картошку в касках, хрумкали трофейные галеты, иные и разговелись маленько. Загадывали в баню, приножились. Но пришел Филькин и прогнал всех, Борису дал нагоняй ни за что ни про что. Впрочем, тут же выяснилось, отчего он вдруг озверел.

— За баней был? — спросил он.

— Нет.

— Сходи.

За давно не топленной, но все же угарно пахнувшей баней, при виде которой сразу зачесалось тело, возле картофельной ямы, покрытой шалашиком из будыля, лежали убитые старик и старуха. Они спешили из дому к яме, где, по всем видам, спасались уже не раз сперва от немецких, затем от советских обстрелов и просиживали подолгу, потому что старуха прихватила с собой мочальную сумку с едой и клубком тосто напряденной пестрой шерсти. Залп вчерашней артподготовки прижал их за баней — тут их и убило.

Они лежали, прикрывая друг друга. Старуха спрятала лицо под мышку старику. И мертвых было их осколками, посеколо одежонку, выдрало серую вату из латаных телогреек, в которые оба они были одеты. Артподготовка длилась часа полтора, и Борис, еще издали глядя на

густое кипение взрывов, подумал: «Не дай бог попасть под этокое столпотворение...»

Из мочальной сумки выкатился клубок, вытащив резинку начатого носка со спицами из ржавой проволоки. Носки из пестрой шерсти на старухе, и эти она начала, должно быть, для старика. Обута старуха в калоши, подвязанные веревочками, старик — в неровно обрезанные опорки от немецких сапог. Борис подумал: старик обрезал их потому, что вьзъемы у немецких сапог низки, и сапоги не налезали на его большие ноги. Но потом догадался: старик, срезая лоскутья с голенищ, чинил низы сапог и постепенно добрался до вьзема.

— Не могу... Не могу видеть убитых стариков и детей, — тихо уронил подошедший Филькин. — Солдату вроде бы как положено, а перед детьми и стариками...

Угрюмо смотрели военные на старика и старуху, наверное, живших по-всякому: и в ругани, и в житейских дрязгах, но обнявшихся преданно в смертный час.

Бойцы от хуторян узнавали, что старики эти приехали сюда с Поволжья в голодный год. Они пасли колхозный табун. Пастух и пастушка.

— В сумке лепехи из мерзлых картошек, — объявил связной комроты, отнявши сумку из мертвых рук старухи, и начал наматывать нитки на клубок. Смотал, остановился, не зная, куда девать сумку.

Филькин длнно вздохнул, поискал глазами лопату и стал копать могилу. Борис тоже взял лопату. Но подошли бойцы, больше всего не любящие копать землю, возненавидевшие за войну эту работу, отобрали лопаты у командиров.

Цель вырыли быстро. Попробовали разнять руки пастуха и пастушки, да не могли и решили — так тому и быть. Положили их головами на восход, закрыли горестные, потухшие лица: старухино — ее же полушалком с реденькими висюльками кисточек, старика — ссохшейся, как слива, кожаной шапчонкой. Связной бросил сумку с едой в щель и принялся кидать лопатой землю.

Зарыли безвестных стариков, прихлопали лопатами бугорок, кто-то из солдат сказал, что могила весной просидет — земля-то мерзлая, со снегом, и тогда сельяне, может быть, перехоронят старика со старухой. Пожилой долговязый боец Ланцов прочел над могилой складную, тихую молитву: «Боже правый духов, и всякия плоти, смерть поправый и диавола упразднивший, и живот миру твоему даровавший, сам господи упокой душу усопшего раба твоего... рабов твоих», — поправился Ланцов.

Солдаты притихли, все кругом притихло, отчего-то поobleднел, подобрался старшина Мохнаков. Случайно в огород забредший славянин с длинной винтовкой на плече начал было любопытствовать: «А чё тут?» Но старшина так на него зашипел и такой черный кулак поднес ему, что тот сразу смोक и скоро уляпнулся за ограду.

Продолжение следует

Лариса Федосова

* * *

Нас одолевают те печали,
О которых серый дождь
бубнил...
О которых грустно мы молчали
Всю дорогу догую, без сил.
Нас одолевают те обиды,
Что таятся в сердце глубоко,
Что в тумане сумрачном
разлиты —
Не дают нам видеть далеко.
...Но бывают дни, как
искупление
Всей тоски, всей жгучей
немоты!
В них и боль,
и страсть,
и преступление
Той — доселе пригнанной
черты...

* * *

Не теряю голову, не мучусь.
Помню, а увидеться не рвусь...
Горькая монашеская участь —
Глаз твоих и губ твоих боюсь.
Прежним непокорным
сожаленьем
Не томлюсь,
научена терпеть.
Позовешь — отсторонюсь
в сомнении,
Будто не хотела умереть,
Будто не гнало лихое чувство
Сквозь толпу
на рельсы...
в омут зла...
О, какое горькое искусство
Разрушать, что сердцем
возвела.

* * *

Таких я еще не встречала.
Смотрю... и не верю очам.
И думаю: это начало!
И долго глущу по ночам.
И сон, и дорога, и дело —
Все разом куда-то ушло,
Лишь прячу глаза неумело
И думаю — как пробрало.
Надоело, на целую муку,
Твоя золотая страда.
И нежно пожму твою руку,
Предчувствуя — это беда...

Родина

А. С.

1

Не продается родина и небо.
Не продаются теплые ростки.
И жмых, и закопелый
ломтик хлеба
В дни бедствий на родной земле
близки!

Не продается сердце,
даже если
Оно дает тяжелый перебой...
О, как слова о родине чудесны,
Когда они подтверждены
судьбой.

2

Отчеркнуты слова, прибиты
фразы.
Приглушены седые писмена.
Мой дорогой...
За каждым смертным часом
Встают во тьме
ЖИВЫЕ ИМЕНА.

Мой дорогой...
как память
безутешна
И беспросветна смертная
тоска...
И жизнь у всех великих
небезгрешна —
И потому так свято нам близка.

3

Душе всей правды разом не
осилить,
Как боль суметь достойно
пронести?
Не словоблудить
по углам: «Россия!»,
А жизнь принять и глаз не
отвести.
И слышать там, где грохот
поневоле.
И помнить то, что не дано
забыть!
И в самой скудной, незавидной
доле
Уметь любить.

Декабрь 1989 г.

* * *

Над Днепром зарыбинились
годы,
Обнажив горделивую статью...
Чувство боли, тоски, несвободы
Не осмыслить мне, не передать.
«Милый...» — крикну.
О, как ты ответишь!
Занемает, заглохнет в груди.
Милый, милый... на этом
на свете.
Защити тебя бог, огради...

* * *

Почти разлучились, почти...
Я тихо спустился, запела.
Шла... думала, свет впереди...
Снег выпал, и я поседела.
...Стучали угрою года,
Неслись провода ожиданий...
Когда это было, когда?
Отчаянье, вздохи, свидания!
Все чудилось: ты — это я.
И мир был беспечен и прочен.
...Усталый рассвет бытия,
Где свет без тебя все короче.
Почти разлучились, почти...

* * *

Г. К.
Все грущу, все слабее, все чаще
Падаю... и не встать мне,
не встать!
Все мне кажется, будто я
в чаще,
В дикой чаще,
и не расхлестать
Этих веток,
сплетенных,
как намертво,
Этих трав, будто черных узлов...
Этих брошенных наскоро —
на ветер,
Как детенышей — искренних
слов!

* * *

Оглянись, как раньше,
чуть застенчиво.
Руки на колени урони...
Ты не думай, я не
переменчива,
Это просто пасмурные дни.
Это просто холод и напасти,
И чужих окошек разговор...
Думалось, ну что со мной
за счастье —
Вечная тревога, горечь, вздор...

НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

ВВ

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов,
Олег Терентьев

Год 1966-й

Судя по письмам, читатели уже устали от наших «лирических отступлений». Поэтому продолжим повествование. Итак:

«Когда Любимов пришел в театр, то у него, в отличие от многих режиссеров, уже была своя программа — он точно знал, что и когда будет ставить. Постановку брехтовского «Галилея» Любимов мыслил

осуществить с самого основания Таганки.

Галилея начинал репетировать Губенко, но как раз в это время он с головой ушел в кинематограф. И тогда на главную роль был назначен Высоцкий.

Ее мечтал исполнять Калягин, но поскольку Любимову очень понравилось, как это делает Высоцкий, то он уже не пред-

«Жизнь Галилея». Сцена из спектакля. 1966 год. В роли Галилео Галилея — Владимир Высоцкий.

ставлял себе другого исполнителя. Саша был чрезвычайно огорчен этим обстоятельством. Актер он замечательный. К нам в театр пришел сразу после окончания Щукинского училища, играл в «10 днях...», «Герое нашего времени», затем в «Послушайте!»... Но убедившись в конце концов, что ему так и не дадут попробовать сыграть Галилея, Калягин ушел из театра». (1)

«Калягин начал репетировать роль Галилея с ассистентом режиссера Алексеем Чапливским. Они отдельно занимались, а Любимов параллельно репетировал с Губенко (...). И в конце концов ни один из них так и не дошел до роли Галилея.

Ситуация в тот момент была аховая: сезон перевалил за середину, а Галилея не было. Губенко репетировать перестал, Высоцкий еще не начал (...). Одно время даже пробовал се-

бы в этой роли художник Юрий Васильев.

Затем назначили Высоцкого (...). Он репетировал небольшой срок, с весны 1966 года, но репетиции шли густо. Началась громкая работа. Предстояла ведь не просто замена рисунка роли (...). Сила Любимова (а она в данном случае зримо проявилась) в том, что он мимо всяческих уместований, порой мимо логики даже, шел к цели с большим напором. И разбудил-таки под сознание Высоцкого. У того включилась интуиция. Любимов заставлял Володю как бы пропускать через себя жизнь другого человека, думать его мыслями, чувствовать его чувствами. И черз какое-то время все это стало вдруг выплывать наружу, реализовываться.

Поскольку роль строилась музыкально (а музыку Высоцкий прекрасно чувствовал), то выстраивалась она неожиданно и незаметно — мимолетными музыкальными переходами, смелой тональностей. Роль же неподъемная! И они оба это понимали. Поэтому, видимо, они порой даже какими-то чисто провинциальными приемами — эффектными лишь внешне, неглубокими — добивались-таки необходимого воздействия. Все работало на идею, все ложилось в концепцию спектакля. Вот в этом и есть секрет Любимова и его актера... Володя играл без дублера, и хотя в программке писали двух исполнителей — Высоцкого и Губенко, — роль он вел только сам. (4)

[Здесь, на наш взгляд, необходимы некоторые пояснения. Об уходе Губенко в кинематограф: с конца 1965 года Николай Губенко действительно начал много сниматься, одновременно в нескольких фильмах. Последний раз он репетирует в «Галилее» 22 ноября 1965 года. И хотя до 20 декабря участвует в спектаклях, на репетициях не бывает. Впрочем, сами репетиции в это время тоже прекратились (возможно, из-за новых спектаклей: полным ходом идет подготовка пьес

«Самоубийца» и «Трое на качелях»), в последней — 27 ноября — Галилея репетирует Каллагин.

Почти весь январь Ю. П. Любимов отсутствует в театре. В середине месяца возобновляются репетиции «Галилея»: 15.01.66. С 11.00 до 13.00 в репетиционном зале — «Галилей» (ведет Раевский): 1-я картина. Все занятые (...891, с. 24 об.) *.

Высоцкий участвует в репетиции. А параллельно на сцене режиссер Теодор Вульфвич занимается с актерами в постановке спектакля «Трое на качелях» (в дальнейшем — «Только телеграммы»), одну из главных ролей в котором играет А. Калягин.

Валерий Раевский еще трижды в последующие дни (17, 18 и 21 января) привлекает Вы-

соцкого к репетициям «Галилея». Затем приезжает Любимов, и все внимание театра перекладывается на ближайшую премьеру. Но, вероятно, Любимов уже увидел Высоцкого в «Галилее» (вот откуда «...Любимову очень понравилось, как это делает Высоцкий...»), и когда в феврале возобновил работу над спектаклем, то назначил Высоцкого на главную роль: 10.02.66. С 11.00 до 14.00. Сцена. «Галилей» (ведет Любимов): 1-я картина. Все занятые вызываются [Высоцкий репетировал 3 часа. — Авт.] (...892, с. 15 об.).

А. Калягин тоже не прекращает работу над ролью Галилея, но в течение последующих 2 месяцев до премьеры репетирует всего 5—6 раз, в то время как Высоцкий — почти ежедневно. 12 мая в спектакле «10 дней...» появляется Н. Губенко, но в репетициях «Галилея» не участвует. Не значит ли он и на премьерной афише, в то время как фамилия Каллагина там присутствует. Кстати, са-

* Здесь и далее указываются лишь номера дел и страниц в них, так как смысли только на фонд № 2485 (опись 2) ЦГАЛИ.

«...В спектаклях ты справишься с невероятными задачами...»
В. Высоцкий, стойка на голове.
1966 год. (Фото из архива
О. Косаржевской)

на премьера, предварительная назначенная на 11 мая (что теперь фигурирует во всех источниках как 1-й официальный спектакль), была отменена и состоялась лишь через неделю: 17.05.66. С 18.35 до 21.50 «Галилей» № 1. Основной состав [спектакль № 2 — 20.05.66 уже называется «Жизнь Галилея». — Авт.]. (...897, с. 38).

«Высоцкий, не будучи спортсменом, тем не менее всегда находился в отличной спортивной форме. Это (...) было необходимо при той напряженности, с которой он работал всю жизнь (...). В работе над спектаклем «Жизнь Галилея» (...) он столкнулся с необходимостью заняться атлетической гимнастикой». (8)

«Когда я был помоложе (...), занимался боксом (...), акробатикой и другими (...) видами спорта. А потом я стал заниматься, уже когда стал актером (...), спортом для сцены, потому что там приходится делать всякие акробатические номера у нас в театре». (5)

«Ты справляешься с невероятными задачами. В «Жизни Галилея» ты читаешь длинный монолог, стоя на голове». (9)

«Я вначале играл комедийные роли (...) и вдруг я сыграл Галилея (...). Я думаю, что это получилось не вдруг, а, так сказать, вероятно, режиссер долго присматривался — могу я или нет...»

Через пять минут никого уже не смущает, что, например, Галилея я играю без грима, хотя ему в начале пьесы сорок шесть лет, а в конце — семьдесят, а мне, когда я начинал репетировать роль Галилея, было двадцать шесть или двадцать семь лет [на самом деле — двадцать девять. — Авт.]. Я играл со своим лицом, только в costume. Такой у меня (...), вроде баллона, вроде плаща такая накидка коричневая, очень тяжелая — как в то время был материал; грубый свитер очень. И несмотря на то, что в конце он — дряхлый старик, я очень смело беру яркую характеристику (...), играю старика, человека с потухшим[и] глаз[ами] совершенно, которого ничего не интересует, который (...) немно-

жко в маразме (...). И совершенно не нужно гримироваться в связи с этим...

Спектакль этот сделан очень, мне кажется, своеобразно... У нас [в нем] два финала (...): как бы на суд зрителя два человека (...). Первый финал — вот Галилей, который уже не интересуется абсолютно тем, что произошло. Ему совершенно неважно, как (...) упала наука в связи с его отречением. А второй финал — это Галилей, который понимает, что он сделал громадную ошибку, [отрекшись] от своего учения, что это отобрало науку назад (...). И несмотря на то, что до этого [он] был старик дряхлый (...), я [говорю] последний монолог от имени человека зрелого, но абсолютно здорового, который в полном здравии и рассудке понимает, что он натворил. Ну и еще любопытная деталь. Брехт этот монолог дописал. Дело в том, что пьеса была написана раньше, а когда в 45-м году была сброшена бомба на Хиросиму, Брехт дописал целую страницу этого монолога об ответственности ученого (...) за свою работу, за то, как будет использовано его изобретение...

Вот это была моя очень серьезная и любимая роль». (6)

[16 мая 1966 года состоялось обсуждение спектакля «Жизнь Галилея» в Управлении культуры исполкома Моссовета. Мы публикуем протокол этого заседания в сокращении, приводя лишь непосредственно касающиеся Высоцкого фрагменты. Не будем также расшифровывать фамилии и должности театроведов и чиновников. Это один из редких случаев совпадения их мнений.

(...1471, с. 1) ...*Михайлова*: «Я видела спектакль дважды. Выдающееся произведение по кругу идей... (с. 2 об.) ...Страстность, заложенная в спектакле, — партийная (...), форма зонгов в данном спектакле — разумная находка этого коллектива. Актерское осмысление зонгов (монахи) доступно любому зрителю: бездумное традиционное существование, точно вытекающее из действия спектакля (...). Худ[ожественная] форма найден[а] логично и принципиально, [у] Любимова — железная режиссерская рука (...). Сцена между Гали-

леем и Сагredo антикарихавальна, (с. 3) все это биистат[ельно] представлено режиссерской рукой — свет и т. д. Отлично поработал Стенберг [Энар Стенберг — художник спектакля. — Авт.], великолепно подобрана музыка [Шостакович], но не только это: в этом спектакле (по сравнению с «10 днями...»), с его огромными актерскими работами, дали возможность раскрыться актерам. Высоцкий (открытие его возможностей!) в целом ряде ос[овных] моментов спектакля играет великолепно. Он еще находится в профессиональном беспамьятстве, и придет еще сильнее... (с. 3 об.) ...Прочеты минимальны: единств[енное] существ[енное] замечание — трактовка образа Галилея Высоцким. У Брехта — выраж от Галилея до проблемы атома, а у Высоцкого этого выража нет...»

(с. 5—6) ...*Кропотова*: «...Галилей, очень достойное решение — умение мыслить на сцене и перекидывать мысль в зал. И тема одержимости в науке. Но в этом образе сняты черты: возраст, диалектические сложности образа. Романтизирован Галилей, сила нравственного сопротивления должна быть (продажа трубы)... Биистательно сделан последний монолог Галилея, вот по этому пути необходимо продолжать эту работу...»

(с. 6 об.) *Представитель Министерства культуры СССР*: «...По этому спектаклю — было единодушие. Большая работа, спектакль реабилитирует театр после «Телеграмм»... (с. 7) ...[Но] театр отошел от заложенных Брехтом направ [ений]...»

(с. 7 об.) *Барулина*: «...Тема оправдания поступка Галилея неверна. Актер играет влюбленно в свой характер, и, когда он спорит (с. 8) м[ехани]ком, мы все равно думаем, что прав он...»

(с. 10—10 об.) ...*Смирнова*: «...Высоцкий несет мысль, он немного одинаков, даже темперамент одинаков, единообразен. Надо поискать. Неверен упрек Галилею — в сцене с Людовико (с повторением реплик)...»

(с. 12 об.) ...*Родионов* (начальник Управления культуры исполкома Моссовета — это, нам

думается, необходимо учитывать. — Авт.]: «...Работа увенчалась успехом. (с. 13) Замечания — на благо спектакля. Не везде ровная актерская работа, не везде расставлены точно акценты. Молодость труппы не долж[на] быть помехой, главное — зритель, которому нет дела до молодости коллектива.

Какое раздумье. Галилей, его трактовка — для Высоцкого большое движение вперед. Задача его велика, и в основном он справляется. Что же мы показываем в этом образе: он одержим наукой, сильным духом в этом направлении, тактик (...). Необоснованно, что он трус. Логичного развития поступков его нет. Почему он сдастся?.. (с. 13 об.). Рост артиста в этом спектакле... (с. 14) ...О Высоцком-Галилее: нужно отбросить тенденции од[но]зн[ачные] в адрес артиста...» (с. 16) ...В заключение: «Спектакль приветствовать и показать зрителю. Исправления уточнить. Поздравить театр, и по воспитанию артистов продолжать работу».

Спектакль получил благожелательную оценку в прессе (Аникст А. Трагедия гения. — «Московский комсомолец», 17.09.66; Агамирзян Р. Если студия становится театром. — «Ленинградская правда», 30.04.67; Анина Т. Жизнь Галилея. — «Вечерний Ленинград», 10.05.67; Лордкипанидзе Н. Испытание разумом. — «Неделя», 1966, № 22; Строева М. Жизнь или смерть Галилея. — «Театр», 1966, № 9). Были, конечно, и попытки любым способом все-таки лгнуть театр (статья Ю. Зубкова «Поиски на Таганке». — «Советская культура», 10.12.66; на нее, кстати, достойно ответил В. Толстых статьей «Критика «необоснованных положений» в той же газете 16.02.67) и Высоцкого. Например, так:

«...Брехт, Любимов, Высоцкий и весь коллектив театра — они заставили нас думать, а это и есть интеллектуальное, современное искусство. Но когда думаешь, то думаешь и о недостатках. А они, по нашему мнению, вот в чем (...). Для чего-то на голове стоит Галилей-Высоцкий в первой же сцене? Думается, пора бы уже кинуть все

эти и подобные «ошарашивания» зрителей (...). Может быть, уже время встать с головы на ноги, с головы шальных крайностей на ноги прекрасной устойчивости. И еще: много надо поработать главному в этом спектакле актеру. Сейчас температура иногда заслоняет мысль, первый план остается единственным, богатство души высказывается в одних лишь словах» (В и ш н е в с к а я И. Жизнь Галилея. — «Вечерняя Москва», 13.06.66).

Но в целом «Галилей» был принят и озаменовал собой новый этап становления и развития как самого Театра на Таганке, так и его артистов.

Чтобы провести черту в рассказе о спектакле, отметим еще одну деталь: версия о том, что Высоцкий работал в «Галилее» без дублера (по крайней мере в первой сцене спектаклей), неверна. Александр Калягин все-таки сыграл эту роль. Дважды. 15.06.66. С 11.10 до 13.30 [Почему-то сильно сокращено время спектакля? — Авт.]. «Жизнь Галилея» № 9 (...). Галилей — Калягин (...). «...Спектакль шел хорошо, в хорошем ритме (...), хорошо несет мысль Калягин...» (...880, с. 15).

Вторично это произошло уже в следующем сезоне: 30 сентября (спектакль № 15). Кроме того, в конце 60-х годов роль Галилея исполнял также Борис Хмельницкий, но это уже гораздо позже описываемых событий.

Кроме спектакля «Самоубийца», который так и не состоялся, в это же время театр работает и над другими постановками: 24.05.66. С 11.00 до 13.30 репетиционная комната. «Маяковский» (ведет Любимов). Участвуют: Славина, Хмельницкий, Золотухин, Щербаков, Васильев, Елифанцев, Смахов, Калягин... Высоцкий... Шацкая (...895, с. 41 об.).

4.06.66. С 11.00 до 13.30 репетиционная комната. «Судебное разбирательство» (ведет Фоменко). Вызываются: Смахов, Хмельницкий, Высоцкий... Золотухин... Калягин... Славина [речь идет о спектакле по пьесе Питера Вайса «Дознание». — Авт.]. (...896, с. 7—7 об.).

Чем еще был знаменателен сезон 1965/66 года на Таганке?

Пожалуй, стоит отметить две гастрольные поездки: первая — совсем короткая — в Тулу 23—24 апреля, где был трижды показан спектакль «Добрый человек из Сезуана». Высоцкий участвует во всех трех, продавая пока играть роль Мужа. О вторых гастролях мы можем судить по грузинской прессе.

«Вчера представители театральной общественности города встречали Театр на Таганке (...). Сегодня театр начинал гастроли (...) спектаклем «10 дней, которые потрясли мир» (С приездом, Театр на Таганке. — «Вечерний Тбилиси», 24.06.66);

«На встречу, которая состоялась в редакции нашей газеты, пришли Ю. П. Любимов, артисты З. Славина, В. Золотухин, В. Смахов и В. Высоцкий (...). Владимир Высоцкий — не только талантливый актер, но и композитор, и поэт. Песни его хорошо знакомы москвичам. Тбилисцы слышали его музыку в спектаклях «10 дней...» и «Антимир». На этот раз В. Высоцкий исполнил несколько своих песен, каждая из них — небольшая новелла, несущая большую смысловую и эмоциональную нагрузку (...). Сегодня спектаклем «10 дней...» театр завершает гастроли и выезжает в Сухуми, где продолжит свои выступления до 17 июля» (До новых встреч. — «Заря Востока» [газета, Тбилиси], 7.07.66);

«...8 июля Театр на Таганке начинал гастроли...» (Ждем встреч со зрителем. — «Советская Абхазия» [газета, г. Сухуми], 6.07.66).

Театр сумел завоевать симпатии грузинской публики, но гораздо важнее то, что именно во время этих гастролей Высоцкий получил приглашение на Одесскую киностудию. — Авт.]

«Постепенно его роли в кино становились чуть больше по метражу, но (...) фамилия Высоцкого по-прежнему шла в общем списке исполнителей (...). Кино предлагало ему невыразительные роли, а к официальным выступлениям, к записям на граммофонные диски его не допускали. И вот тогда в его жизни появилась Одесская студия.

Два молодых режиссера, выступники ВГИКа, С. Говорухин

и Б. Дуров, готовились к съемкам своего первого полнометражного фильма. Кинодраматурги С. Тарасов и Н. Рашев предложили историю об альпинистах — людях, которые, по обязательскому предствлению, без явной необходимости рискуют жизнью, играют с опасностями. Сценарий назывался вызывающе, суперпоэтически — «Мы идиоты». Позже название было заменено более сдержанным, но столь же, хотя и по-разному, прямым вариантом — «Мы одержимые». В конце концов фильм вышел под названием, направленным на поэтические ассоциации, — «Вертикаль» [Одесская к/с, 1966 год. Режиссер С. Говорухин, роль: радист Володя. Фильм вышел на экран в июне 1967 года. — Авт.]...» (3)

«Фильм «Вертикаль» имеет свою предисторию. Снимать его поначалу должны были Николай Рашев и Эрнст Мартиросян — выпускники Высших режиссерских курсов. Но получилось так, что, чрезвычайно увлеченные творчеством Параджанова, они из нормального реалистического сценария такое написали в режиссерском сценарии, что директор Одесской студии дважды попросту закрывал картину. Потом вызвали меня. Я прилетел и сидел с режиссерами фильма: каждый из нас писал свою «версию», которые мы затем свели наконец в нормальный — пристойный с моей точки зрения — режиссерский сценарий. Я уехал, а ровно через неделю они явились на студию с совершенно другим сценарием. Мне позволил директор киностудии и сказал, что он снял режиссеров с картины. «Но, — говорит, — у меня имеется предложение: есть ребята, которые заканчивают ВГИК. Один из них — Слава Говорухин — человек, причастный к альпинизму, занимался этим делом. Я считаю, что никакая потеря не будет, может быть, даже наоборот...» И я, намутившись уже с этим сценарием, махнул на все рукой и сказал: «Как хотите!» — уже не веря ни во что». (10)

«Сюжет «Одержимых» не столько заглядывал в глубины характеров, сколько лирически обозначал их. Песни в будущем

фильме были изначально необходимы (...). В поисках претендентов на роль альпиниста, исполняющего свои песни, режиссеры услышали низкий, гудящий, как пламя, голос. Поэт-певец по своим песням представлялся им многое в жизни повидавшим, прошедшим тяжелую войну и иные не легкие испытания (...), но появившийся на пробах в Одессе подтянутый, обаятельный двадцатипятилетний московский актер [прямо какая-то заколдованная цифра! А ведь «шел парнишке в ту пору» 30-й год] вскоре завоевал симпатии съемочной группы». (3)

Про фильм «Вертикаль» написано уже немало. Сам Высоцкий охотно рассказывал об этом в своих выступлениях. Фрагменты из них опубликованы в книге «Четыре четверти пути». Там же представлены достаточно подробные воспоминания С. С. Говорухина и Л. Ф. Елисеева. Имеются многие другие свидетельства очевидцев и участников описываемых событий: интервью с Л. А. Лужиной, С. С. Тарасовым, Г. И. Воропаевым, Г. С. Каниновым и пр.

И все же ничьи воспоминания не могут со всей полнотой и достоверностью передать все нюансы характера Высоцкого, оттенки его юмора, его реальное восприятие тех событий. Лишь постепенно отмирающее ныне искусство эпистолярного жанра позволяет воссоздать ту атмосферу, в которой складывались его известные теперь во всем мире «горные» песни.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты писем Высоцкого, любезно предоставленные для публикации Людмилой Владимировной Абрамовой (сохранены авторская орфография и пунктуация).

Каб.-Балк. АССР,
гост. «Иткол»

Москва, Абрамовой Л. В.

*Отправлено из пос. Тырныауз,
К-В АССР 12 августа 1966 г.*

«...Наступил такой момент, когда испытываю я необузданное желание с тобой поговорить, хотя бы в письме. А (...) отказывать себе в желаниях нельзя, чего я и не делаю. Сейчас я тебе всё, как на духу, начиная с нашего с тобой расставания...

Автобус тронулся, я начал выяснять — сколько ехать до аэропорта, один сказал 45, другой 55, а третий — час. Завоёновался, но приехал вовремя, обился водой, а потом через час ступил на одесскую землю. Вдохнул спокойно; ни тебе грузин, ни абхазцев, никого, даже машины с киностудии. Я, как человек необидчивый и богатый, сел в такси, приехал на киностудию. Там обо мне и знать не знают, кто, говорят, такой? Откуда? Зачем? Потом разобрались, извинились, сделали фото, послушали песни, заказали песни, рассказали про сценарий и повели в гостиницу. Номеров нет, в ресторане говорят: русских не кормим. Лег спать голодным в номере у режиссёров. Режиссёры молодые, из ВГИКА, неопытные режиссёры, но приятные ребята. Фамилии режиссёров: Дуров и Говорухин. Фильм про альпинистов, плохой сценарий, но много песен, сейчас стараюсь что-то выучить, пока не получается, набираю пары. В конце письма напишу тебе песенную заготовку. Ты, лапа, умница, ты посоветуешь, ты научишь, ты подскажешь. Артистов нас 6 человек, есть среди них Фадеев и Лужина, остальные — я, а других ты не знаешь.

А на следующий день (это ещё пока в Одессе) дали мне почитать ещё один сценарий, режиссёр — женщина, Кира Муратова, хороший режиссёр, хороший сценарий, хорошая роль, главная и опять в бороде (фотография оттуда), сделали кинопробу, дали за неё денег. Посмотрели; хорошо я сыграл, хорошо выглядела, хорошо говорили (ударение следует делать на слове хорошо). Но это, вряд ли выйдет, по срокам, а жаль. Можно было отказаться от альпиниста, но жаль песен и места съёмкам. Здесь, лапа, прекрасно... Но об этом потом.

Сели мы в самолет. Прилетели в Краснодар, а оттуда в Мин-Воды на такси, а ещё оттуда, в горы, на Кавказ, в ущелье Боксан [Ваксанское ущелье в Приэльбурсье] под Эльбурс (я пропустил ночь мытарств в аэропорту, в Краснодаре, пропустил мат в сторону злой и гнусной дирекции нашей, пропустил свою работу в качестве администратора, как я доставал

номера в аэропортовской гостинице, а потом такси до Мин-Вод — это 500 километров. Бог с ним, со всем. Сейчас я сижу в гостинице «Иткол», модерн в горах, куча неонацистов и нерусских людей других национальностей, местные аборигены — кабардино-балкарцы (кстати, в Кабардино-Богарии [так в оригинале] действительно есть лошади и ишаки, не знаю, как в Кабардино-Румынии, а здесь есть)...

Сижу я, пишу, а отовсюду музыка, внизу в холле местные массовики наяривают на аккордеоне и рояле какую-то жуть (кажется арабское танго), а из соседнего номера подвыпившие туристы поют какие-то свои песни, Окуджаву и Высоцкого, который здесь очень в моде, его даже крутят по радио. Это меня пугает, потому что, если докатилось до глухоты, значит дело пошло на спад. Правда, здесь много москвичей и ленинградцев...

...Вчера (...), после настоятельных просьб (...), я устроила (...) вечер своей самодеятельной песни. Были какие-то студенты, ещё кто-то, ещё кто-то и даже один жюльверновский персонаж с бородкой капитана Немо (...). Особенно понравилось про космических негодяев.

Здесь очень красиво, нас кормят по талончикам пресно и однообразно, но мы проходим акклиматизацию, лазим по скалам. Если бы ты, лапа, увидела, по какой я сегодня прошёл отвесной и гладкой стене, ты бы, наверное, про меня хорошо подумала. Это всё очень интересно, особенно, если удаётся пролезть. Рядом горы, в снегу, погода меняется непрерывно, рядом шумит река (в ней недавно 3-е утонули, хотели испугаться, а там скорость бешеная и камни летят громадные, так они, сердешные и сгинули). У нас несколько инструкторов, удивительных людей. Они бывали на сложных восхождениях, один из них даже падал, летел метров 120 со скала. Все они люди очень любопытные и непохожие, на всех нас, которые внизу. Здесь кругом могилы погибших альпинистов, но рассказы о гибели суровы и спокойны, вероятно от того, что рассказчики сами бывали в таких же положениях, с ними

Людмила Абрамова с сыном Никитой. Август 1966 г.
(Фото Е. Щербиновской)

Здесь очень красиво, нас кормят по талончикам пресно и однообразно, но мы проходим акклиматизацию, лазим по скалам. Если бы ты, лапа, увидела, по какой я сегодня прошёл отвесной и гладкой стене, ты бы, наверное, про меня хорошо подумала. Это всё очень интересно, особенно, если удаётся пролезть. Рядом горы, в снегу, погода меняется непрерывно, рядом шумит река (в ней недавно 3-е утонули, хотели испугаться, а там скорость бешеная и камни летят громадные, так они, сердешные и сгинули). У нас несколько инструкторов, удивительных людей. Они бывали на сложных восхождениях, один из них даже падал, летел метров 120 со скала. Все они люди очень любопытные и непохожие, на всех нас, которые внизу. Здесь кругом могилы погибших альпинистов, но рассказы о гибели суровы и спокойны, вероятно от того, что рассказчики сами бывали в таких же положениях, с ними

Фрагмент письма В. Высоцкого.

могло быть тоже. Ведь на людей воевавших рассказы о героизме производят гораздо меньшее впечатление, чем на остальных.

Я раньше думал, как, наверное почти все, кто здесь не бывал: умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт. Теперь для меня это гауптш каламбур, не больше. Пойдет он,

в гору, умный и по самому трудному маршруту пойдёт. И большинство альпинистов — люди умные, в основном интеллигенция.

А мыслей в связи с этим новым, чего я совсем не знал и даже не подозревал, очень много. Вероятно поэтому и песни не выходят. Я, наверное (...), не могу писать о том, что знаю, слишком уж много навалилось, нужно или не знать или знать

так, чтобы это стало обыденным, само собой разумеющимся. А это трудно. Я и английскую речь имитирую оттого, что не знаю языка, а французскую, например, не могу. Вот! Это меня удручает. Впрочем, всё равно, попробую, может что и получится, а не получится — займём у альпинистов, у них куча дурацких, но лирических песен, переработаю и спою. Ещё одна интересная штука: здесь много немцев, которые воевали здесь в дивизии: «Эдельвейс». Не могут, таянет сюда, ездят каждый год, делают восхождения на Эльбрус с нашими инструкторами, с которыми может быть, воевали. Интересно? Съёмки начнётся с меня дня через 3. Пока ещё не оборудован лагерь. На съёмочную площадку будем подниматься на вертолётёте а завтра идём на ледник с ночёвкой, привыкать! Всё! Больше про себя не буду. Приеду, расскажу много.

...Ты мне обязательно напиши. Хотя здесь и интересно, но я по тебе скучаю очень, а по детिशкам — аж прямо жуть. Как они там что ты делаешь, как твои съёмки? Мне, может быть удастся выбраться в середине августа дня на 2, а может нет. Постараюсь! Здесь, в смысле отдыха, неплохо. Так что приятное с полезным. А приятное впереди — если всё будет нормально и мне выхлопочут ставку, получу я много средств для приобретения автомобиля «Москвич» или «Фиат», а если ставку не дадут, то для приобретения «Запорожца» или мотоцикла. Здесь, лапа, будут платить 30% высокогорных. Стало быть мы, как на переднем крае или в Сибири.

Скоро напишу ещё. А вот комедийная песня, вернее, заготовка:

Для чего, скажите, нужно
лазить в горы вам?
А ты к вершине шла,
ты рвалася в бой.
Ведь Эльбрус и с самолёта
видно здорово!
Улыбнулась ты и взяла с собой.
И с тех пор ты стала близкая
и ласковая
Альпинистка моя, скалолазка
моя
В первый раз меня из трещины
вытаскивая
Ты бранила меня скалолазка
моя

А потом за эти проклятые
трещины
Когда ужин твой,
я нахваливал *
Получил я две короткие
затрещины
Но не обиделся приговаривал:
До чего ты стала близкая
и ласковая
Альпинистка моя скалолазка
моя и т. д.

Это я буду петь Лужиной, к которой буду приставать, (по фильму, конечно) А так я тебя очень люблю и дурных мыслей не имею. Целую тебя, жаду ответа, целую детей и опиши про всё. Володя»

Каб.-Балк. АССР, «Иткол»
Москва, Абрамовой Л. В.
[Отправлено из пос. Тырмауз,
К-В АССР 24 августа 1966 г.]

«...Здесь ни у кого ничего пока нет, потому что только что приехала директор, а кормят здесь бесплатно за счет сутошиса. Договор я пока не подписал, жаду ставку. И т. д. и т. п. Ну, это неинтересно. Деньги я передал, ты их, наверное, получила. Если мало, — прости, больше нет, но скоро наверное всё встанет на место...»

...А здесь, сроки сроками, а я сам собой. Основные сцены можно снять для за 3—4, а потом нужно будет очень немного летать. Это, я привик! Конечно, безделье (...), но нет хуже добра. Глядишь, впервые за несколько лет отдохну.

...Сегодня, наконец, выяснилось, что завтра, кажется, может быть, будет освоение и, даже, наврядли, конечно, но, кто его знает, чем чёрт не шутит, — съёмка. Всвязи с этим начали лихорадочно решать, во что меня одеть. В который раз уже наклали бороду, повосхищались, как она мне идёт, надели какие-то штаны эластичные и, пока ничего не решили — там видно будет. Там, — это наверху, на леднике Шхельда. Здесь, вообще очень звучные и трудные названия, например: «Дангу-Зорун» [Донгуз-Орун — перевал, где в годы войны было остановлено наступление фашистов], что значит «Свиное рыло», «Эльбус», что зна-

чит грядь девушки, Ушба, что ничего не значит и, наконец Каш-катаж, — что значит, чёрт те что [Кашка-Таш — ледник, на котором съёмочная группа занималась отработкой ледовой техники восхождения]. Кто знает больше таких названий — тот молодец. Мы будем снимать на, так называемом, «Приюте немцев», который после борьбы с космополитизмом, (тогда он называлась «Приют грузинов») снова вернул своё первоначальное Ничего там не изменилось, как был ледник, так и есть ледник. Так вот мы будем там. «Приют», — это вовсе не оттого, что там, действительно приют, какие бывают для сирот и престарелых, а просто однажды при восхождении на очередную вершину там ночевали немцы, а потом грузины, а потом все и даже евреи, потому что среди альпинистов есть и таковые.

Есть ещё приют 11, это на середине Эльбруса. Кстати он очень красивый. Его отовсюду видно. Но туда можно залезть даже с закрытыми глазами. Недавно туда залезли сразу 1200 человек, в честь какой-то годовщины Кабардино-Балкарии. Правда там высоко 5600 м и холодно и ещё там какие-то газы, от которых падают, но там ровно — снег и лёд и пологод. Местный начальник, директор ушеля Боксан Залиханов Хусейн Чоккаевич обещал, что туда поедут мотоциклисты, а потом и велосипедисты.

Всё, что я тебе написал очень веселит альпинистов. Но где будем мы — там несмешно. Очень красиво, но небезопасно — камнепады, трещины во льду и другие бжики. Правда, мне ничего не грозит. Я играю радиста и сижу на одном месте и пою песни. Летал туда на вертолётёте. На нём очень здорово всё видно, горы, кажутся мирными буторками и очень интересно то, что совсем исчезает масштаб. Кажется — рядом — метров 5, что можно зацепить лопастью, а это полкилометра...

...Приехали американцы 35 штук. Все, что сюда попадает, окабардинивается, мы их называем кабардино-американцы. Сегодня пришли из похода кабардино-поляки они сильно пшекают. А правда хорошая национальность — «кабардино-китайцы или «кабардино-нег-

* Варианты строки, зачеркнутые в тексте письма:

а) После ужина, после варена
б) Я похлебку ел и нахваливал

ры»? Их правда, здесь нет. Гор для них никак.

Сейчас я прерываюсь. Пойду дышать.

А сейчас мы на 3 дня летим на ледник. Я что-то, наверное, заболел, горло и всего ломает...

...Я горный житель, я кабардино-еврейский-русский человек. Мне народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев торжественно поклялся, что через совет министров добьётся для меня звания заслуженного деятеля Кабардино-Балкарии. Другой балкарец, великий восходитель, хозяин Боксанского ущелья, тигр скал, — Хуссейн Залиханов, которого по слухам знает сама королева Великобритании (она-то и обзвала его тигром скал), так вот он присоединился к обещаниям кавказского стихотворца и сказал, будто я могу считать, что я уже деятель. Потому что, я, якобы, написал про горы, а они, горы, в Кабардино-Балкарии, значит всё решено. Это, конечно, разговоры, но было бы смешно...

...Мы уже несколько дней ничего не снимаем, хотя меня отщёлкали уже прилично и, главное, сняли 2 песни. Погода там, наверху, не очень, холодно и грозы, идёт снег. Альпинизм — это прекрасный способ пережить лето. Но нам дали пуховые костюмы и в них тепло. Я не буду писать подробно про горы, про 1-, 2- и 3-ледниковые периоды и т. д. Всё по приезде. Надеюсь вырваться в конце месяца. Но не знаю. Я терпеть режиссёров, что бы быстрее, что бы меньше ездить потом. Но... не знаю, что из этого получится. Всё в руках метеослужбы. Здесь всё время бьются насмерть альпинисты и всякий с этим прибавляется тем для разговоров, и поводов для грусти.

На леднике дикая тоска, нет света, живём на морене, в камнях, всё время грохот, то гроза, то камни, то лавины. Уже не страшно, а, напротив, даже красиво.

Теперь проза. Я до сих пор не получил ни копейки денег, ни за роль, ни за песни. Дирекция шлёт трагические телеграммы. Пока бесполезно. Сегодня я заявил, что больше работать не буду, пока не будет ставки и денег. Послал этот текст дословно в Одессу. Дер-

жится пока. Потому что-нибудь придумаем. И я скоро приеду. Теперь уже скоро (...). Целуй, лапа, детисшек, я их очень люблю. Всем, кому хочешь привет.

Почему, интересно из Минска не шлют постановочных? А? Безденежье, лапа, это плохо, но, это временно. Скоро всё будет в порядке.

«Финал мы снимали в Одессе, на вокзале, уже в конце года. И когда на экране Володин проход — звучит его песня.

До этого было по-другому. Там звучали какие-то реплики — прощальный разговор героев фильма. Альпинисты — они вообще люди странные, часто дружны только в горах. А когда спускаются вниз — все разрезаются по разным городам, расходятся по своим домам и в «мирной» жизни практически не пересекаются. Но прощаются они так, будто завтра вновь встретятся (...), и звучат какие-то незначительные реплики. Словом, когда этот финал посмотрели — нет, не получается концовки! И тогда Володя написал песню «Прощание с горами», которая и решила весь финал. Препрежные реплики убрали и на песне закончили картину. Все получилось как нельзя лучше». (11)

«Вероятно, ни для кого из создателей фильма «Вертикаль» не будет обидной мысль о том, что зрительским успехом этого фильма обязан прежде всего Высоцкому и новым его песням, прозвучавшим с самой массовой — экранной трибуны, и появлению его перед миллионами зрителей, многие из которых впервые увидели своего любимого певца. А потом наконец появилась и долгожданная первая пластинка — песни из кинофильма «Вертикаль». Все это было началом новой страницы в творческой биографии Высоцкого (...), и следующая после «Вертикали» роль, образ на этот раз психологически неоднозначный, характер противоречивый — это тоже была Одесская киностудия». (3)

«Среди сценариев, ставящихся и готовящихся к постановке на Одесской студии, произведение А. Жуховицкого и режиссера К. Муратовой выделяется личностным авторским от-

ношением к теме, глубоким психоанализом. Сценарий назван (думается, не совсем удачно) «Короткие встречи» [Одесская к/с, 1967 год. Режиссер К. Муратов, роль: геолог Максим. Фильм вышел на экран в январе 1968 года. — Авт.]...

Три основных исполнителя уже найдены режиссером. Роль Валентина Ивановича поручена актрисе Московского театра имени Ленинского комсомола А. Дмитриевой. На роль Максима утверждён С. Любшин. В роли Нади дебютирует студентка театрального училища имени Щукина Н. Русланова». (12)

«Утверждение Владимира Семеновича на главную роль в «Коротких встречах» было, в общем-то, случайностью. Эту роль должен был играть С. Любшин, а ту, которую потом играла сама Кира, — А. Дмитриева. Но, как часто бывает, случилось непредвиденное. Уже в конце подготовительного периода Дмитриева заболела, а Любшин стал сниматься в сериале «Щит и меч». Не помню, пробовался ли среди других на роль Высоцкого, но точно помню, что режиссер Саша Боголюбов его предлагал. Кира колебалась. У нее было другое видение этого образа. Но и я, и Боголюбов, и другие ее друзья стали «давать» Кире: «Вместо Дмитриевой снимайся сама, а вместо Любшина возьми Высоцкого. Пусть он менее тонкий актер, но зато гораздо больше похож на настоящего геолога...» Не знаю, убедили ли мы ее или просто жизнь припела к стенке, но она в конце концов с некоторым ужасом пошла на этот вариант.

Я в то время уже работал в Киеве, но два раза в неделю приезжал в Одессу помогать Кире, так как, находясь в кадре, она не могла видеть себя со стороны. В тех эпизодах, где она снималась с Высоцким, мне приходилось репетировать с ним.

Владимир Семенович был очень приятным человеком. Этот эффект усиливался еще и тем, что первое впечатление о нем часто бывало обманчивым: наглый жлоб! Но минут через двадцать отношение становилось диаметрально противоположным. У него была огромная доброжелательность к людям.

«Короткие встречи».
В. Высоцкий и К. Муратова.

Если при нем кто-то кого-то хулил, он спрашивал: «А ты хорошо его знаешь?» — «Да нет, но мне кажется...» — «Тогда и заткнись!» Он прежде всего думал о человеке хорошо, а уж потом, если были веские причины, разочаровывался. Но все равно очень редко о ком-то говорил плохо. Он недруга просто вычеркивал из памяти.

Работать с ним было как-то неестественно легко. Он все схватывал с полуслова. Это если был согласен. А если не был согласен, то тут же предлагал свой вариант. Когда ему возражали, говорил: «Ну ты же сначала посмотри!» И часто режиссер, посмотрев, тут же соглашался. Он не играл бытовые взаимоотношения, ему не нужны были всякие там актерские приспособления: «крючочки», «зацепки», «слушание партнера» и т. д. Он, если так можно выразиться, играл «атмосферу взаимоотношений», вернее, не играл, а создавал. И был по большому счету прав, ибо в реальной жизни мы слушаем друг друга, «цепляемся» друг за друга гораздо меньше, чем на экра-

не. Он пелал на все это и оставался самим собой. А поскольку Владимир Семенович был Личностью, его было интересно рассматривать (...): выразительно раскован, часто непредсказуем, каждый дубль — новый вариант. Начиная в кадре петь и вдруг обрывал песню, переходил на что-то другое. Очень чуткий оператор Геннадий Карюк иногда просто не мог сориентироваться и выпускал его из кадра. Они с Кировой были прекрасной актерской парой: играли в одном и том же натурально-ярком ключе, много импровизировали. Я часто не имел представления, где сказать «стоп». Если бы даже это была моя картина, я бы и то сомневался. А тут чужая: кто его знает, что имеет в виду хозяйка фильма.

Мне посчастливилось несколько раз жить в одном номере с Высоцким. Это были номера в старой гостинице — общежитии Одесской киностудии, которая (по ассоциации с трудовою колонией Макаренко) называлась «Кураж» (...). Честно говоря, мы практически не разговаривали с ним о фильме, мы читали друг другу стихи. Я тогда писал почти исключительно

по-украински, и поэтому, читая, тут же ему переводил. Он никогда меня не критиковал, но по выражению его лица, по вниманию или невниманию, было легко определить, что ему нравится, а что не очень. Меня же в его стихах несколько шокировали «выпадения» из размера, частенько случавшиеся чисто интонационные «втискивания». Тогда он брал гитару и все это пел. Спрашивал: «Ну?» Я совершенно искренне отвечал: «Здорово!» Он смеялся: «Тут есть секрет, а какой — и сам не понимаю!» И действительно, был какой-то секрет. То, что казалось весьма совершенным в его песенном исполнении, многое теряло при чтении вслух и еще больше теряло, когда ты сам читал эти стихи глазами. И все же это были не вполне песни, а именно стихи. И явно талантливые стихи. А к своим мелодиям Володя в то время относился странно: они были близки его сердцу (и моему тоже), но он их, пожалуй, стеснялся, и, работая над фильмом, никогда активно не настаивал, чтобы звучали именно они, чтобы не привлекались профессиональные композиторы...

При мне он никогда не сочинял, не работал. А если я заставляла его за этим занятием, то все равно ничего понять не мог: он что-то записывал, очень тихо себе «подвывая», и изредка проводил пальцем по струне гитары. Либо я тут же уходила, чтобы ему не мешать, либо он прекращал работу». (2)

«Меня пригласили сниматься в фильм «Короткие встречи», играть Геолога (...). Он тоже по полдню не бывает дома, этот парень. У него дома неприятности, жена (...). Ну, в общем, они (...) поссорились. А он встречает девушку где-то там, во время своих геологических скитаний, и вот такая вот сложная ситуация... И чем-то это мне напомнило нашу актерскую судьбу. Ну не потому, что у нас где-то девушки там, в наших скитаниях, а просто вот по настроению... Я ее с удовольствием играл, и еще писал туда свои песни...» (13)

«В «Короткие встречи» Высоцкий принес не только свою гитару, но и сопутствующий ему самому образ поэта-певца — драматичного, яростно-веселого, злого, поющего о том, о чем думали миллионы его сограждан. Вместе с тем в этом фильме Высоцкий, пожалуй, достиг новой меры естественности и достоверности. «Короткие встречи» утверждали право Высоцкого не только на песни (...), но и на реалистически серьезные роли...»

Молодежный (...) зритель принял Максима как своего — как человека, выражающего неудовлетворенность целого поколения...»

Критика, с демонстративным пренебрежением писавшая о герое Высоцкого, не хуже молодежи в зрительном зале понимала тревожную правду и фильма, и его главного героя — чем другим можно сейчас объяснить, что «Короткие встречи» прокат выпустила на экраны «ограниченным тиражом», то есть так, чтобы формально фильм считался выпущенным, а фактически его не смог увидеть почти никто». (3)

«К сожалению, картина не очень хорошо прошла по экрану... Киру Муратову я очень уважаю и люблю. Она прекрас-

ный режиссер (...), очень талантливый человек. Я очень хорошо к ней отношусь (...) и с удовольствием бы еще снимался, потому что я считаю, что это одна из моих лучших работ». (14)

[Мы увлеклись освещением участия Высоцкого в киносъемках. А что же происходит в это время на Таганке? Кроме двух спектаклей, постановка которых началась еще в предыдущем сезоне, театр приступил к репетициям еще двух. И в обоих занят Высоцкий. Впрочем, предоставим слово документам: 11.09.66. Утренняя репетиция: с 11.00 верхний буфет — «Маяковский» (ведет Любимов). Столы, стулья. Участвуют все занятые; с 11.00 верхние грим-уборные — «Судебное разбирательство» (ведет Фоменко). Столы, стулья. Все занятые (...887, с. 5).

Вот, кстати, наглядное объяснение причины, по которым Высоцкий не сыграл некоторых ролей на Таганке, хотя и принимал участие в репетициях. Ведь при одновременной подготовке нескольких спектаклей в театре (в данном случае — четырех) и плюс еще съемках в кино (здесь — в двух картинах) единственный способ везде успеть — разорваться. Хотя в конкретном случае с «Судебным разбирательством» были и другие причины. Об этом подробно рассказал П. Н. Фоменко, но, к сожалению, пока не получено его согласия на публикацию данного интервью: 27.10.66. С 18.30 — музыкальная комната: столы, стулья. «Пугачев» (...). Губенко... Хмельницкий... Васильев, Высоцкий, Золотухин... [Это дата первой репетиции Высоцкого в спектакле «Пугачев». — Авт.] (...888, с. 24). 26.11.66. С 11.00 — музыкальная комната. Б. Можжев «Живой»... [репетиция]. Славина, Высоцкий, Золотухин, Елифанцев, Смахов, Петров. [А это — первое появление Высоцкого в спектакле «Кузькина жизнь» (было и такое название). — Авт.] (889, с. 23).

«Мы сейчас ставим еще пьесу Питера Вайса «Судебное разбирательство». Пьеса об Освенциме, вернее, о процессе, который проходил [над] палачами

Освенцима в [46-м] году. Это пьеса очень интересная. Она написана ритмизованной прозой. Автор ее (...) присутствовал на этом процессе все видел сам, своими глазами». (7)

(Из протокола производственного совещания по спектаклю «Дознание». 17.12.66) [Имеются пометки от 16.02.67 о выполнении замечаний по спектаклю. — Авт.]: «...Высоцкий: «Работа должна быть филлигранной, тогда эта форма [форма спектакля] будет понятна (...). Разнообразие должно быть изнутри. Музыка хороша, но перебивки музыкальных кусков — непонятны [пояска на полях: музыка переделана]. Хотелось бы лаконичность[и] музыкальных переходов (...). Финал 1-го акта сильнее, чем финал 2-го [пояска: переставили наоборот]...» (...1504, с. 4).

29.12.66. С 18.00 до 21.00 «Дознание» № 1... (...901, с. 49).

Этим сообщением о последней премьере мы и закончим рассказ о творческом пути Высоцкого в 1966 году. — Авт.]

Материалы, использованные в публикации:

1. Тучин В. Из интервью с Э. П. Левиной, бывшим завлитом Театра на Таганке. Москва, 1988, 24 июня.
2. Из воспоминаний Александра Игоревича Муратова, режиссера к/с имени Довженко, написанных специально для данной повести. Киев, 1988, 11 февраля.
3. Островский Г. Одесса, море, кино: путеводаитель. — Одесса, изд-во «Маяк», 1989. — 184 с.
4. Акимов В. Из интервью с режиссером телевидения А. А. Буслаевым. Москва, 1988, 4 апреля.
5. Высоцкий В. Запись на Болгарском телевидении. София, 1975, сентябрь.
6. Высоцкий В. Запись на Таллинском телевидении. 1972.
7. Высоцкий В. Выступление в Центральном научно-исследовательском институте связи. Москва, 1966, ноябрь *.
8. Высоцкий А. Секрет успеха. — Четыре четверти пути. М., «Физкультура и спорт», 1988. — 288 с.

* В «Ст. М.» № 7 за 1989 год (пункт 15) тоже нужно исправить дату. Следовательно, песня «Парус», которая во всех источниках датируется 1967 годом, впервые прозвучавшая у нас на концерте (из имеющихся у нас фонограмм), написана в 1966 году. — Авт.

9. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. — М., «Прогресс», 1989. — 176 с.

10. Тучин В. Из интервью с кинорежиссером и кинодраматургом Сергеем Сергеевичем Тарасовым. Москва, 1987, 5 апреля.

11. Акимов Б. Из интервью с народной артисткой РСФСР Ларисой Анатольевной Лужиной. Москва, 1989, 15 августа.

12. Колесникова Н. Со всем не женская тема (из статьи «Перед новым фильмом»). — «Культура и жизнь» [газета, Киев], 1966, 6 октября (перевод с украинского А. Н. Фурмана, г. Хмельницкий).

13. Высоцкий В. Выступление в Центральном Доме культуры, г. Усть-Каменогорск, 1970, 14 сентября.

14. Высоцкий В. Выступление в Государственном научно-исследовательском институте радио [ныне НПО «Радио» (ул. Казакова, 16)], 1971, 30 ноября.

От авторов

Становится все труднее соблюдать договоренность о публикации в рамках повести лишь тех произведений Высоцкого, которые еще не печатались в советских источниках. Из песен, исполненных им впервые в 1966 году, таких почти не осталось. Две, известные нам авторские фонограммы песни, предлагаемой читателям в этом номере, вариантов не содержат.

* * *

У домашних и хищных зверей
Есть человеческий вкус и запах,
А каждый день ходить на задних лапах —
Это грустная участь людей.

Сегодня зрители, сегодня
Зрители
Не желают больше видеть
Зрители
укротителей.
А если хочется поукротить,
Работай в цирке — там
благодать.

У немногих приличных людей
Есть человеческий вкус и запах,
А каждый день ходить на задних лапах —
Это грустная участь зверей.

Сегодня жители, сегодня
Жители
Не желают больше видеть
Жители
укротителей.
А если хочется поукротить,
Работай в цирке — там
благодать.

1966

Публикация О. Терентьева
и Б. Акимова

Славомир Мрожек

Встреча

Дорога была пуста. Характеризуя ее этим словом, я хотел сказать, что не было на ней ни человека, ни зверя, ни даже какого предмета. По этой дороге шел я — человек. И как я ни всматривался, так никого не заметил.

Так было некоторое время, пока вдруг не показался кто-то, кто шел прямо на меня. Немного выше ростом, значительно шире в плечах, и в шляпе, в то время как я шляпы никогда не ношу.

Мне думалось, что все произойдет как всегда. Я задержу на миг дыхание, чтобы окружающий незнакомец и взвихренный им воздух не проник ко мне в легкие, и мы разойдемся.

Но он загордил мне дорогу:

— Попрошу задержаться. Завтра ровно в семь вы придете ко мне убрать квартиру.

Я был так удивлен, что лишь спросил:

— Я?

— Конечно, вы.

— Что все это значит?! — наконец нашел я верный тон ответов на приставания. — Что вы себе позволяете?

— Да вы не кипятитесь. Пожалуйста: водопровод есть, тряпки — тоже есть.

— Вы и вправду решили...

— Внешне работа выглядит тяжелой, я ничего не говорю, но ведь есть пылесос.

— Какой еще пылесос?!

— Прекрасный пылесос, а работать с ним — одно удовольствие. Впрочем, выбивать пыль можно и внизу, на дворе.

— А этаж какой? Небось седьмой.

— Да что вы! Пятый, к тому же есть лифт. Вот видите, какие замечательные условия.

— А почему это вдруг я должен убрать вашу квартиру?!

— Потому что грязная и ее давно пора освежить. Вы получите фартук. Впрочем, попрошу не делать замечаний.

— Что, собственно, все это значит?

— Но ведь не станете же вы убирать без фартука. А причем, как вам будет угодно.

— Нет, нет, фартук обязательно нужен. Но... как вы смеете!

— В чулане около ванной вы найдете веники, свет в прихожей придется зажечь: лампочка в чулане перегорела.

— Нет, вы только послушайте! Хорошо бы еще куски войлока... да, вы, собственно, за кого меня принимаете, а?

— Войлочных кусков нету, зато есть войлочные тапочки, они тоже в чулане. Только, пожалуйста, позаконнее раскопайте пасту для пола. А то столько всего уходит, не напащесь.

— А вы что же думали, что можно отделиться чем попало? Если делать как следует, то нужно столько, сколько нужно, и никак не меньше, а если вы думаете, что...

— Давайте не будем дискутировать. Пасту наносить тонким слоем и ждать, пока просохнет. Полотер одолжить у соседей.

— Это как же: у вас своего полотера нет? До сих пор нельзя было приобрести?

— Не ваше дело. Соседям звонить только до восьми, потом они все уходят. Скажете, что от меня. В кухне на шкафу лежит кусок сыра, можете немного взять, только не все. Слив — продукт, герань — полить, линолеум — свернуть, посторонних не пускать.

— А горячая вода есть? Холодной мыть не буду. У меня ревматизм.

— Не болтайте чепухи. Воду подогреете в газовой колонке.

— Я боюсь. Газом можно отравиться.

— Ерунда. Грязные скатерти сложите в одном месте. Шкафы — отодвинуть, матрацы — выбить, занавески — снять, ручки — порошком, на стены не брызгать, окна потом вытереть до блеска, сам проверю, радио — выключить и не слушать — отвлекает. Ну вот вроде

бы и все. До свидания.

И пошел, не оглядываясь, спортивной походкой. Я глядел на него до тех пор, пока он не исчез из виду. Во мне клокотало уязвленное самолюбие, кричало оскорбленное личное достоинство.

И вдруг мне сделалось по себе и я почувствовал себя беспомощным, беззащитным... он мне ведь адреса не оставил.

Лев

Цезарь дал знак. Поднялась решетка, и из черного подземелья послышался нарастающий гул. Христиане сбились в кучу посреди арены. Толпа поднялась с мест, чтобы лучше видеть. Хриплюе урчание, перекатывающееся как лавина камней по горному склону, восторженный шепот и крики ужаса. Первая львица, мягко перебирая лапами, стремительно выбежала из туннеля. Игры начались.

Гай Бонданий, вооруженный длинным шестом сторож, проверил, все ли звери приняли участие в страшной утехе. Гай уж было вздохнул с облегчением, как заметил, что у самых ворот лев спокойно ел морковку и не спешил к выходу на арену. Гай разразился проклятиями, потому что в его обязанности входило также следить, чтобы ни один из хищников не слонялся по цирку без пользы. Поэтому он приблизился ко льву на расстояние, предусмотренное правилами по технике безопасности, и уколол зверя в зад, надеясь его раздражить. Но, к его удивлению, лев лишь повернул голову и махнул хвостом. Тогда Гай уколол его второй раз, сильнее.

— Отстань,— сказал лев.

Гай почесал в затылке. Лев недвусмысленно дал понять, что не поддастся никакой агитации. Плохим человеком Гай не был, но очень боялся, что надзиратель заметит упущения в его работе и бросит к обреченным. С другой стороны, он не хотел портить отношения и ругаться со львом. Тогда он попробовал действовать уговорами.

— Ты мог бы это сделать лично для меня?

— Ищи дурака,— ответил лев, грызя морковку.

Бонданий понизил голос.

— Я ведь тебя не заставляю, чтобы ты сразу кого-нибудь съел: ты только немного по-

ходи и порычи, так, для алиби.

Лев махнул хвостом.

— Я же тебе сказал: дураков нет. Меня там увидят и запомнят, а потом доказывай, что ты никого не съел.

Сторож вздохнул. Спросил с сожалением:

— А собственно, почему ты не хочешь?

Лев внимательно посмотрел на сторожа.

— Вот ты сказал «алиби». А ты никогда не задумывался, почему все эти патриции сами не бегают по арене и не пожирают христиан, а пускают на это дело нас, львов?

— Нет, не думал. Впрочем, они в основном люди пожилые: астма, одышка...

— Пожилые...— буркнул лев,— ничего ты не понимаешь в политике: просто им самим нужно алиби.

— Перед кем бы это?

— Перед пробивающимися в жизнь ростками нового. В истории всегда надо ориентироваться на ростки нового. Тебе никогда не приходило в голову, что христиане могут прийти к власти?

— Кто? Христиане?

— Вот именно. Нужно только уметь читать между строк. Сдается мне, что Константин Великий рано или поздно договорится с ними. И что тогда? Пересмотреть дел, реабилитации. Тогда тем, кто сейчас сидит

в ложах, легко будет сказать, что это, мол, не мы, это львы.

— Да, действительно, я об этом как-то не подумал.

— Вот видишь. Но это все ерунда, главное для меня — это собственная шкура. А так случись что, все видели, что я ел морковку. Хотя, между нами говоря, морковка — порядочная дрянь.

— Однако твои друзья едят христиан за милую душу,— злобно заметил Гай. Льва передернуло:

— Друзья... Примитив. Близорукое конъюнктуришки. Идут на все без разбора: никакого понятия о тактике. Темнота колониальная.

— Слушай,— заикнулся Гай.

— Ну?

— Знаешь, если бы христиане...

— Что — христиане?

— Ну, словом, пришли бы к власти...

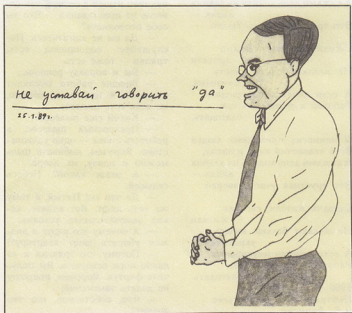
— И что?

— Ты мог бы тогда засвидетельствовать, что я тебя ни к чему не принуждал?

— «Salus reipublicae summa lex tibi est»* — назидательно сказал лев и снова принялся за свою морковку.

Перевод с польского Юрия Чайникова

* «Благо государства — высший закон для каждого» (лат.).

Габриэль Гарсиа Маркес

Новый роман Габриэля Гарсиа Маркеса начал свое триумфальное шествие по миру. Писатель обращается к мифу о Симоне Боливаре.

Отрывок, который мы предлагаем вашему вниманию, — кульминация романа «Генерал в своем лабиринте»: здесь Боливар, изгнанный и больной, направляется по реке Магдалена к карибским берегам, перебирая всплывающие в памяти былые сражения и встречи, грехи и победы своего героического прошлого.

«В душе я «боливариист», — гордо утверждает Маркес. — Основная идея Боливара заключалась в создании самой большой республики в мире, от Рио Браво до Патагонии. И ежедневно мы ощущаем, как История подталкивает нас в этом направлении».

Предлагаем читателю приступить в увлекательное путешествие по лабиринту генерала Боливара, каким увидел его колумбийский писатель с мировым именем, нобелевский лауреат Габриэль Гарсиа Маркес.

Генерал в своем лабиринте

Отрывок из романа

Самой страшной в этом путешествии была вынужденная неподвижность. Однажды днем генерал, измученный заключением в стиснутом пространстве полотняной палатки, приказал причалить плот, чтобы сделать несколько шагов по твердой земле. На окаменевшей грязи виднелись следы, напоминавшие когти крупной птицы наподобие страуса, весом по крайней мере с быка, однако гребцам это не казалось странным, ибо они рассказывали, что в этих пустынных местах живут люди с человеческим телом, но с петушиными гребешками и когтями. Он посмеялся над легендой, как смеялся над всем, что имело хоть какой-то мистический оттенок, но очередной переход продлился дольше, чем предполагалось, и, наконец, они вынуждены были разбить лагерь здесь, несмотря на протесты капитана и его подчиненных, считавших это место опасным и нездоровым. Ночь он провел без сна, мучаясь от духоты и назойливого комарья, которое, казалось, пронзало насквозь полог душной палатки, и прислушиваясь к тревожащему рыку пумы, которая всю ночь прореджала их настороже.

Часа в два потянуло поболтать с солдатами, стоявшими в карауле у палаток. И лишь на рассвете, созерцая бесконечные болота, золотящиеся под первыми лучами солнца, он подавил в себе абсурдную веру в невероятное, которая всю ночь не давала ему заснуть... «Ладно, — сказал он, — нам придется уйти, не повидавшись с друзьями на куриных лапах».

Уже отчаливали, когда на плот вспрыгнул бродячий пес, ободраный, в чесотке, с раненой ла-

пой. Обе собаки генерала набросились на него, но бродяжка защищался с мужеством отчаяния и не поддался, даже когда его умыли его собственной кровью и разодрали горло. Генерал приказал оттащить его в сторону, и им занялся Хосе Паласиос, он обычно всегда возился с бродячими собаками.

В тот же день они подобрали немца, которого бросили на одном из песчаных островов за то, что он жестоко избил палкой одного из своих гребцов. Попав на плот, он поспешил назваться астрономом и ботаником, хотя из разговора становилось понятным, что он не знает ни того, ни другого. Но зато он своими глазами видел людей с куриными лапами и был настроен во что бы то ни стало выловить одного такого, чтобы возить его в клетке по Европе, так же, как возили американскую женщину-наука, которая век назад переполошила народ в портах Андалусии.

«Берите меня, — сказал ему генерал, — я гарантирую, что вы больше заработаете, если посадите в клетку меня как величайшую нелепость в истории».

Поначалу немец показался ему забавным шутком, но он изменил свое мнение после того, как тот принялся рассказывать скабрзные анекдоты про постыдную склонность к педерастии американскую женщину-наука. «Надо было снова бросить его на острове», — сказал он Хосе Паласиосу. Под вечер они наткнулись на почтовую лодку, и генералу пришлось употребить все свое искусство убеждения, чтобы уговорить почталюна вскрыть мешки с официальной корреспонденцией и отдать ему его письма. Наконец он попросил оказать ему любовь и довести немца до порта Наре, и почтмейстер согласился, несмотря на то, что лодка была перегружена. Вечером, когда Фернандо читал ему письма, генерал обронил ворчливо: «Этот сукин сын не стоит даже гумбольдтовской шляпы».

Он часто думал о бароне еще до того, как они подобрали немца, потому что не мог уяснить себе, как тому удалось выжить среди этой необузданной природы. Они познакомились в Париже, когда Гумбольдт возвращался из путешествия по экваториальным странам, и его интеллект, его мудрость поразили генерала так же, как его блестящая красота, подобной которой он никогда не встречал даже у женщин. Однако его не убедила уверенность Гумбольдта в том, что испанские колонии в Америке не созрели для независимости. «Единственное, чего там недостает — это личности», — говорил ему Гумбольдт.

Генерал поведал об этом Хосе Паласиосу много лет спустя, в Куско, может быть, впервые увидев себя отстраненным от мира, в то время как история давала доказательство того, что подобной личностью мог быть он сам. Он больше никому не говорил об этом, но всегда, говоря о бароне, пользовался случаем отдать должное его прозорливости: «Гумбольдт открыл мне глаза».

Он в четвертый раз путешествовал вниз по реке Магдалена и не мог избавиться от ощущения, что шаг за шагом повторяет свою жизнь. Впервые он пошел сюда в 1813-м полковником разбитой армии. Он прибыл тогда в Картахену де лас Индиас из своего изгнания на Кюрасао в поисках средств для продолжения войны...

В это последнее путешествие мечта его как бы сконцентрировалась в одной-единственной фразе, которую он непрестанно повторял: «Наши враги будут пожирать все плоды победы до тех пор, пока мы не приведем к общему знаменателю всю власть в Америке».

Среди многих воспоминаний, общих с Хосе Паласиосом, одним из самых волеуносящих было воспоминание о первом путешествии, когда они сражались за освобождение реки. Командуя отрядом из двухсот человек, вооруженных один лучше другого, они не оставили в долине Магдалены ни одного монархиста-испанца. Насколько положение дел изменилось, тот же Хосе Паласиос осознал на четвертый день путешествия, когда на берегах реки им стали попадаться группы женщин, ожидающих прибытия плота. «Это вдовы», — сказал он. Генерал выглянул и увидел их, одетых в черное, съжившихся на берегу как нахохлившиеся птицы под палящим солнцем, надеющихся хотя бы на приветствие из милости. Генерал Диего Ибарра, брат Андреса, любил повторять, что генерал никогда не имел детей, но был отцом и матерью для всех вдов страны. Они следовали за ним повсюду, и он поддерживал в них жизнь словами, которые они не могли забыть и которые были настоящими воззваниями об утешении. И все же мысли его были больше заняты самим собой, чем ими, когда он видел толпы женщин в трауре в селениях у реки. «Теперь мы сами тоже вдовы», — сказал он. — Мы сироты, калеки, также независимости».

До Момрокса они не останавливались ни в одном селении, кроме Пуэрто Реаль, на побережье реки Магдалена. Там они встретились с венесуэльским генералом Хосе Лауренсио Сильвой, который сопровождал повстанцев из Нуэва Гранды до границ их страны и теперь снова присоединился к отряду.

Генерал оставался на плоту до вечера, а затем сошел на берег, чтобы отоспаться в разбитом на берегу лагере. Там же он принимал толпы вдов,

калек, беженцев всех мастей, стремившихся увидеть его. Он помнил их в лицо почти всех, с потрясающей безошибочностью. Те, кто жил на берегу, мучительно страдали от нищеты, остальные отравились в страдания в поисках новых войн, дающих возможность пропитания, или стали разбойниками с большой дороги, так же, как бесчисленное множество демобилизованных солдат освободительной армии. «Теперь, когда у нас есть независимость, генерал, скажите, что нам с ней делать». В эйфории триумфа он прунчал их обращаться к нему вот так, с правдой на устах. Но отныне правда сменила владельца. «Независимость нужна была только для того, чтобы выиграть войну», — повторял он. Один из них выразил одной фразой общие мысли: «Великие жертвы будут позже для того, чтобы создать из этих земель одну-единственную отчизну».

«Жертвы — это единственное, что мы приносим, генерал», — говорили солдаты.

А он не уступал. «Их было недостаточно, — повторял он. — Единство бесценно».

Той ночью, когда он прохаживался по бараку, где ему навесили гамак для ночлега, он увидел женщину, обернувшуюся посмотреть, как он проходит мимо, и удивился, что она не обратила внимания на его наготу. Он услышал даже слова песенки, которую она шептала: «Скажи, ведь никогда не поздно погибнуть от любви». Часовой стоял на посту под навесом.

«Здесь есть какая-нибудь женщина?» — спросил его генерал.

Солдат не колебался.

«Достоинной Вашего превосходительства — ни одной», — ответил он.

«А недостаточной моего превосходительства?»

«Тоже ни одной, — сказала часовой, — по крайней мере на расстоянии миами».

Генерал был настолько убежден, что видел ее, что искал ее по всему лагерю допоздна. Он настоял, чтобы обыскали даже его багаж, и на следующий день отложил отъезд больше чем на час, пока наконец его окончательно не вывели из равновесия все то же сообщение: не было ни одной женщины. Больше он об этом не говорил. Но во время путешествия каждый раз, вспоминая об этом, снова приказывал искать. Хосе Паласиос пережил генерала на много лет и имел достаточно времени, чтобы перебрать свою жизнь рядом с ним до самых незначительных деталей. Ничего не осталось в тени. Единственное, что он не смог прояснить никогда, было видение той ночи в Пуэрто Реаль, было ли оно сном, кошмаром или явлением?

Никто не вспоминал больше о бродячей собаке, которую они подобрали в селении и которая болталась у них под ногами, приходя в себя от пережитых ужасов, пока однажды повару не пришло в голову, что у пса нет имени. Его вымыли, надушили детской присыпкой, но даже так не удалось скрыть его запущенный вид и четотку. Генерал дышал воздухом на корме, когда Хосе Паласиос притаялся ему упирающегося пса.

«Как мы его назовем?» — спросил он.

Генерал не раздумывал.

— «Боливар».

Перевод Елены Коваленко

Модели Галины Курочкиной

ФОТО АЛЕКСАНДРА СЛЮСАРЕВА

Гармония и синтез

Все новое — неожиданно. Именно такое чувство вызывают модели Галины Курочкиной. Невозможно каким-то единым словом, термином обозначить

направление ее работы. Это синтез. Причем очень гармоничный, который привлекает и, что совсем уж необычно, когда речь идет о костюме, заставляет задуматься. Да, именно задуматься и внимательно

всмотреться в те образы, которые создаются художницей средством вроде бы столь банальным — через платье. И, право, это надо суметь сделать. О моде Галина

Представляем вам на этом развороте модели Галины Курочкиной из коллекции «Символы и знаки».

«Революция продолжается»

«Золотые купола России»

«К звездам»

не думает вообще. То, что она воплощает с помощью ткани, скорее театр, череда костюмов-образов, со сложным внутренним миром, с ярко выраженным историческим началом, и в то же время четко прослеживаются веяния нынешнего дня.

Обращаясь к старинному русскому костюму и

искусству послереволюционного периода 20—30-х годов, соединяя все это, автор добивается того, что костюм становится носителем образа современного человека, связанного с прошлым, со своими корнями. В ее платьях так и звучат национальные традиции, используется активный декоративный плоскостной прием со свободно размещенным орнаментом.

Но в то же время модели абсолютно современны, в них, помимо всего прочего, заложена позиция художника-гражданина. В

коллекции Курочкиной костюмы-образы достигают социальной значимости. Ее платье-плакаты выходят за узко очерченные рамки утилитарности и быта. Переходят в ранг «высокого» искусства, становясь костюмом содержательным, информативным, проблемным, изобразительным и выразительным.

Видимо, именно это и заставляет нас задуматься, вспомнить о наших истоках, а также ярче осознать день сегодняшний.

Ирина Репина

Подготовила к печати
Татьяна Ведякина

Мини-юбки и «omerta»

Нет, рассерженный аятолла не призвал предать ее смерти.

Не было ни сожжения книги, ни символической казни, ни погромов фанатичной толпы тех магазинов, где выставлен ее роман, ставший бестселлером.

И тем не менее роман юной сицилианки Лары Карделлы «Volevo i Pantaloni» («Я хотела носить брюки») вызвал такой взрыв негодования в ее родном городке Ликата, что в газетах ее стали называть «Салманом Рушди в мини-юбке».

Написанная ею история молодой девушки из сицилийской деревушки, где переплетаются кровосмешение, побои и неоправдавшиеся мечты, могла бы произойти во многих маленьких бедных городках.

Карделла выбрала Сицилию, ибо хорошо знала ее. Этот средиземноморский остров с его прочными традициями и глубоко укоренившимся смыслом семейной преданности и чести — уже сам по себе история, в которой уродливые тайны тщательно скрываются.

Но беда в том, что место, где живет Лара, Ликата, приморский городок в Сицилии, слишком узнаваемо описан в романе.

Мэр Ликаты на открытой дискуссии, проводимой национальным телевидением, заявил: судя по книге, очевидно, что Лара Карделла в беде, и ей просто нужна помощь.

Подрастаки, «увидев» себя на страницах книги, ожесточились против юной писательницы. Пошли угрожающие письма и телефонные звонки.

«Безусловно, они не собираются забрасывать меня камнями, но у меня такое ощущение, что многие считают меня монстром, предателем», — сказала она на следующий день после телевизионной передачи.

Но есть и такие люди, кто бросился на защиту Лары. Она даже стала неофициальным представителем от женщин Ликаты. Уже в другой паралле-

ли — с делом Рушди — противоречия помогли поднять книгу на вершину списков итальянских бестселлеров. Она переиздана в четвертый раз, и продано более 70 000 экземпляров. Продюсеры предлагают Карделле экранизировать книгу.

Девушка отвергает данное ей определение — «Рушди в мини-юбке» передергиванием плеч и, если так можно назвать, философским смехом. Ей всего-навсего 19 лет. Но через минуту улыбка исчезает с ее лица, сменяясь глубоким вздохом. Лара начинает открыто объяснять:

«Все нападки и споры совершенно изумили меня. Я смертельно устала. Никогда больше не буду печататься. Я так решила. Я буду только писать. Но с этих пор я буду писать только для себя».

Неслыо, где кончается Ликата Карделлы и начинается вымысел. Она настаивает на том, что история Анны, героини романа, не автобиографична, хотя и не отрицает, что многие подробности взяты из жизни.

Мир Анны уныл: в нем главенствует жестокий и вечно бранящийся отец, безучастная ко всему мать и распутный дядя. Еще в детском возрасте Анна понимает все неудобства быть женщиной и, видя свободу своих братьев, наивно решает, что, надев брюки, она избежит своей судьбы.

Она знает, что, вырастая, девушки теряют детскую свободу, которая позволяет им развлекаться вне дома со своими друзьями. Переступив порог девичества, они должны идти по улицам с опущенным «в стыде» взглядом, одетыми скромно и обычно в чьем-нибудь сопровождении.

Поначалу полагая, что монахини носят брюки под рясой, Анна мечтает сбежать в монастырь. Потом она мечтает стать мальчиком, чтобы завести в тупик природу. И, наконец, она собирается уподобиться своей школьной подруге, энергичной Анжелине, которой одновременно завидуют и которую

презирают за ее узкие юбки, высоко упругую грудь, обилие косметики и склонность к флирту. Для горожан Анжелина — распущенная женщина. Для Анны она настолько свободна, что может нарушать правила.

Стремление Анны к свободе длится недолго. Застыгнувшая во время первого невинного поцелуя с мальчиком, она выброшена из дома, ибо ее мать не может вынести позор. Анна находит успокоение в замужестве, а частично выполняя свое предствление о том, что «женщина — это жена, женщина — это мать, но никогда не личность».

Как можно описать сегодняшнюю Ликату?

Безработица, бич южной Италии, свирепствует. Нет библиотек и всего лишь два кинотеатра, один из которых предназначен для демонстрации порнографических фильмов. И это в городке, где 43 000 жителей...

«Большинство подростков здесь не подозревает о том, что существует множество проблем, и без их решения ничего не изменится. Быть современными — значит для юношей носить в ушах серьги, для девушек — мини-юбки. Их самооценка не идет дальше их внешности», — говорит Карделла.

Что же отличает Лару Карделлу от других?

Она говорит, что ее родители в отличие от родителей Анны были любящими и всегда позволяли пренебрегать правилами. «Я была рождена бунтаркой. Но это бунтарство не приводит меня к мысли покинуть дом».

«Я верю в семью, супружество, любовь, дружбу — анахронические ценности, если вам угодно. Я люблю свою Ликату. И хочу прожить здесь всю свою оставшуюся жизнь. Но мне всегда удавалось смотреть на нее как бы немного со стороны, как человеку, приехавшему из другого города. Таким образом я могу заметить все недостатки».

Просто певец Маккартни

В тюрьме везе плохо. На Западе, между прочим, тоже. Особенно скверно, если ты мультимиллионер, живая легенда, да к тому же «лучшие щечки» ро-

ка и человек, дерзнувший соперничать в популярности с самим Иисусом Христом. В 1980 году 220 граммов марихуаны, обнаруженные в токийском аэропор-

ту у Пола Маккартни, обошлись бывшему «битлу» в 8 дней тюрьмы. Примерно по одному дню за каждые 28 граммов. Немного по международным стандартам. Но до сих пор воспоминания той недели преследуют Пола, как кошмар: «Там был ад. Я страшно боялся, что меня просто убьют».

Впрочем, в том же году, 8 декабря, убийца всадил четыре пули в Джона Леннона, и трагедия одного «битла» поглотила невольные годы другого. В том же роковом году окончательно распалась и новая команда Маккартни «Уингз». Но Пол все равно ос-

тался на музыкальном подиуме. Двадцать лет он поет один, гораздо дольше, чем в компании Леннона, Ринго и Харрисона. И хотя, по мнению Пола, в ансамбле «битлы» были нечто большим, чем простая сумма их индивидуальностей, вслед за покойным Джоном он мог бы сказать: «Я не верю в «Битлз», я верю в себя».

Странный человек Пол. Он поет по-прежнему «Can't Buy Me Love», «Eleanor Rigby», «Hello, Goodbye». В 1986 году, когда на концерте на Уэмбли он затянул «Let it Be», реакции многотысячной толпы позавидовала бы любая самая «крутая» группа, играющая металла. Но это уже песни Маккартни, а не «Битлз». Подсчитано, что 1186 певцов исполняли в разное время «Yesterday», и один из них Пол. Он даже сделал недавно новый вариант своей «Come Back in USSR». Сделал в честь нашей перестройки и немножечко в честь нового Маккартни, который не хочет быть просто парнем, играющим некогда в великой команде и придумавшим для нее костюмы и особую философию. «Мысленно я представляю мальчишек, роющихся в магазинчике в пластинках. Они ищут мои песни в подборке «Уингз», но неожиданно выясняют для себя, что я играл и в другой группе. «Битлз» — объявляет один. «Чего-чего?» — переспрашивает его приятель. А завтра, быть может, на моих концертах «фаны» не будут даже помнить, что я выступал и с «Уингз».

А что будет послезавтра? В 1967 году Маккартни исполнил «Когда мне будет 64». Может быть, действительно и через какие-нибудь семнадцать лет Пол сможет спеть эту песню со сцены, и зал встанет.

Так что же его удерживает у микрофона, не дает спокойно жить на проценты от немеркнущей славы в обществе очаровательной Линды и троих детей? Кто-то считает, что деньги, мол, каждая минута оседает в кармане седеющего маэстро почти двадцатью долларами. Но у Маккартни и так второе состояние на Британских островах. А это значит, что при всей условности оценок налогового ведомства ему никогда бы не пришлось играть, бросив перед собой шляпу. Да и критики судят о сорокасемилетнем Поле не по его

легендарным «Michel» или «Hey Jude», а по его нынешним композициям, которые не всегда беззупречны.

И все-таки талант действительно как деньги, если есть, так есть. С 1970 года Маккартни выпустил еще семнадцать своих собственных альбомов. На дорожках этих дисков трудно найти подлинный рок-шедевр, но все композиции добротны и своеобразны. «Another Day», «Ebony and Ivory», «Say, Say, Say» — вещи, безусловно, качественные.

Последний по времени выход диск Маккартни «Flowers in the Dirt» еще раз доказал, что бывшему «битлу» рано вешать гитару на гвоздь. И вновь Маккартни, где сам, а где со своим соавтором Элвисом Костелло, поведал нам о несчастной любви («You want Her Toot»), верности («We got Married»). И конечно, Пол, убежденный вегетарианец, укравшийся от издержек промышленной цивилизации на ферме в английской глубинке, не мог забыть о проблемах экологии. «The day is Done» — это реквием по Чико Мендесу, защитнику Амазонии.

Пластинка раскупается хорошо, вопреки снобизму критиков, пытающихся найти в работах Маккартни следы пагиата. Впрочем, зрелого Пола такие наскоки уже не смущают: «Я слишком поздно понял, что публика обожает мучеников и неудачников. Ей льстит сознание того, что у «звезд» также есть недостатки. Вот Джон, он свои промахи никогда не скрывал...»

В конце прошлого года «мозг» ливерпульской четверки после многолетнего перерыва совершил большое заграничное турне. Первое после убийства Джона Леннона. И все те же песни, все тот же артист, спокойный, интеллигентный, с уже подзабытыми в рок-мире манерами. Человек из энциклопедий и справочников, символ целой эпохи и... «Я понял, как важно для меня быть просто человеком». Просто певец Пол Маккартни. Он еще споет в свои 64.

Иностранный архив «Ст. М.»

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Предлагаем вам несколько адресов студентов и школьников из Шри-Ланки. Переписываться надо на английском языке.

D. S. G. Amuwala,
20 years old boy
61/104, Graceland watta
Horana
Sri Lanka

Priyanga Karunaratne,
18 years old girl
«Lakmal»
Bandaranayake Mawatha
Matugama
Sri Lanka

L. N. Gutthila Saranga
Sirisena,
14 years old girl
«Arunodaya»
Dodanduwa
Sri Lanka

H. M. Anura Ekanayake,
20 years old boy
No. 207
Ehalagala
Sigiriya
Sri Lanka

Saman Wijesekara,
20 years old boy
490/5
Havelock Road
Colombo 06
Sri Lanka

A. Gaminisathischandra,
24 years old boy
Pookulama
Madampe. (N W P)
Sri Lanka

Diyamanthi Fernando,
19 years old girl
46 Muduna
Walawella
Matale
Sri Lanka

Gayani Gunawardena,
16 years old girl
No: 17 Venerakanda Rd
Baddegana
Kotte
Sri Lanka

Дейл Карнеги

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Продолжение. Начало в № 2—7, 10, 12 за 1989 год и в № 2 за 1990 год.

Часть III. Двенадцать способов склонять людей к своей точке зрения

Глава 1. Споря, вы не можете выиграть

Я был приглашен на банкет, устроенный в честь сэра Росса Смита — австралийского летчика-аса, воевавшего в Палестине, который вскоре после объявления мира изумил весь земной шар, облетев добрую его половину за тридцать дней. Во время обеда господин, сидевший рядом со мной, рассказал забавную историю, суть которой основывается на цитате: «Существует божество, которое придает форму нашим намерениям, обтесывая их сообразно нашим желаниям». Рассказчик упомянул, что цитата взята из Библии. Он ошибался. Я знал это. Я знал это совершенно твердо. В этом не могло быть никакого сомнения. И вот, чтобы дать почувствовать свою значительность и продемонстрировать свое превосходство, я взял на себя роль непростого и нежелательного цензора и поправил его. Он стал упорствовать. Что? Шекспир? Этого не может быть! Абсурд! Это цитата из Библии. И он знает это.

Рассказчик сидел справа от меня, а слева сидел мой старый друг, м-р Фрэнк Гэммонд. В свое время он посвятил несколько лет изучению Шекспира. Мы предложили ему разрешить наш спор. М-р Гэммонд высунул нос, затем наступил мне под стол на ногу и сказал: «Дейл, ты ошибаешься. Джентльмен совершенно прав. Это — из Библии».

Когда мы возвращались с ним в этот вечер домой, я сказал

ему: «Фрэнк, ты же знаешь, что эта цитата из Шекспира». — «Разумеется», — ответил он, — Гамлет, акт 5-й, сцена 2-я. Но мы были с тобой в гостях по торжественному поводу, мой дорогой Дейл. Зачем доказывать человеку, что он не прав? Внушишь ли ты ему расположение подобным образом? Почему не дать ему возможность спасти свое лицо? Ведь он не спрашивал твоего мнения. Он не хотел знать его. Зачем же с ним спорить? Послушайся моего совета: «Всегда избегай острых углов».

Человека, который сказал эти слова, теперь уже нет в живых, но урок, который он мне дал, продолжает приносить плоды.

Этот урок был мне крайне необходим, потому что я был задымленным спорщиком. В юности спорил со своим братом буквально обо всем, что только существует под Млечным Путем. Когда я поступил в колледж, то стал изучать логику и способы аргументации и принимать участие в состязаниях, кто кого переспорит. Говорят, что, кто родился в Миссури, словам не верит. Так я родился там, и мне нужны были очевидные доказательства, чтобы поверить во что-либо. Позднее в Нью-Йорке я изучал теорию полемик, и однажды, к стыду моему должен признаться, намеревался даже написать книгу по этому вопросу.

С тех пор был слушателем и сам принимал участие в тысячах споров и имел возможность оценить их результаты. На этом основании пришел к заключению, что существует только один способ в подлунном мире добиться наилучшего результата в споре — это избежать спора...

М-р О'Хэйр в настоящее время — одна из звезд среди агентов по продаже товаров фирмы «Уайт мотор компании» в Нью-Йорке. Как он этого достиг? Вот его история в собственном изложении.

«Если я вхожу в кабинет по-

купателя и он мне говорит: «Что? Грузовики Уайта? Да это же баракло. Я не возьму ни одного, давайте мне их хоть даром. Я собираюсь купить грузовики у Хузейта», — то я теперь в подобных случаях говорю: «Спору нет, грузовики Хузейта — действительно отличные грузовики. Покупая у Хузейта, вы никогда не ошибетесь. У него прекрасная фирма и люди работают на совесть».

Тут мой покупатель умолкает. Для спора у него нет повода. Когда он говорит, что Хузейт лучше и я соглашаюсь с ним, он вынужден замолчать. Не может же он весь день бубнить одно и то же, если я с ним и так уж согласился. Тогда мы оставляем Хузейта в покое, и я начинаю рассказывать про хорошие стороны грузовиков Уайта.

Было время, когда от щелчка, подобного этому, я немедленно становился красным, как апельсин, и начинала на чем свет стоит носиться грузовики Хузейта. И чем больше я их критиковал, тем упорнее мой возможный покупатель их защищал, и тем убедительней для него становились преимущества продукции конкурента над той, которую предлагал я. Сейчас, оглядываясь назад, удивляюсь, как вообще мог что-нибудь продать. Я потерял годы жизни в ссорах. Теперь-то я держу язык на привязи. Это гораздо выгодней».

Как любил говорить старый мудрый Бенджамин Франклин: «Если вы спорите, гордитесь и опровергаете, вы можете порой одержать победу, но это будет бесполозная победа, потому что вы никогда не завоеуете доброй воли вашего оппонента».

Итак, взвесьте хорошенько, что для вас предпочтительней: чисто внешняя, академическая победа или добрая воля человека. Достигнуть разом того и другого можно очень редко...

Уильям Мак-Эду, министр финансов в кабинете Вудро Вильсона, говорила, что опыт многостлетней политической деятельности научил его тому, что «не-

вежественного человека в споре победить невозможно.

«Невежественного человека»? Вы слишком сужаете вопрос, м-р Мак-Эду. Мой опыт учит, что невозможно никакого человека — независимо от его интеллектуального уровня — заставить изменить свой взгляд на вещи в результате словесного поединка...

И недоразумение никогда не уничтожить с помощью спора, а только с помощью такта.

Линкольн однажды сделал выговор молодому офицеру за то, что тот разрешал себе слишком пылко спорить с сослуживцами.

«Человек, твердо решивший намишленно образом использовать свои возможности, — сказал Линкольн, — не в состоянии расходовать время на личные споры. Еще менее он в состоянии допустить последствия, включающие в себя порчу характеров и утрату самоконтроля. В тех вопросах, где вы видите, что ваши шансы равны, уступайте больше; и, наоборот, там, где ясно сознаете свое превосходство, уступайте меньше. Лучше уступить дорогу собаке, чем, вступив с ней в спор за право первым пройти, оказаться укушенным ею. Даже убив ее, вы не исцелите этим полученную рану».

Поэтому правило первое гласит:

Единственный способ добиться наилучшего результата в споре — это уклониться от спора.

Глава 2. Верный способ наживать врагов и как этого избежать

Когда Теодор Рузвельт был в Белом доме, он заявил однажды, если бы смог оказаться правым в 75 спорных случаях из ста, то считал бы это величайшим достижением, на какое может рассчитывать.

Если это было пределом мечтаний одного из самых выдающихся людей двадцатого века, на что можем рассчитывать мы с вами?

Когда вы уверены, что окажетесь правы хотя бы в 55 случаях из ста, можете смело отправляться на Уоал-стрит «едайте» миллионы долларов в день, покупать яхту и жениться на балерине. Если же вы не уверены, что окажетесь правы в

55 случаях из ста, то кто вам дал право говорить другим, что они не правы?

Сказать человеку, что он не прав, можно и взглядом, и тоном, и жестом, причем так же красноречиво, как и словом. Но, сказав ему об этом, можете ли вы рассчитывать, что он согласится с вами? Никогда! Ибо вы нанесли удар его чувству собственного достоинства, его гордости и уму. Это может только пробудить в нем желание нанести ответный удар, но никогда не склонит его изменить свою точку зрения. Вы можете обрушить на него всю мощь логики Платона или Иммануила Канта, но вы не измените его мнения, ибо вы ранили его чувства.

Никогда не начинайте с заявления: «Сейчас тебе докажу это». Это — худшее из начал, это все равно, что сказать: «Я умнее тебя. Сейчас тебе втолкую все, как оно есть, и тебе сразу станет ясно, что ты не прав».

Это — вызов. Это возбуждает у слушателя чувство протеста и желание вступить в борьбу с вами еще до того, как вы сказали первое слово.

Даже при самых благоприятных обстоятельствах очень трудно побудить людей к перемене взглядов. Так зачем же это еще более усложнять? Для чего самому себе создавать дополнительные трудности?

Если вы намереваетесь что-то кому-то доказать, не допускайте, чтобы он догадался о ваших намерениях. Делайте это тонко и искусно, чтобы вообще никто этого не почувствовал.

«Людей следует учить так, как будто вы их не учите, и то, чего они не знают, преподносить им так, как будто они просто это забыли».

Лорд Честерфилд писал своему сыну: «Если можешь, будь мудрее других, но не говори им об этом».

В настоящее время почти не верю в то, во что верил двадцать лет назад, за исключением разве таблицы умножения. Но и в ней начинаю сомневаться, когда читаю об Эйнштейне. Еще через двадцать лет, возможно, уже не буду верить в то, о чем говорю в этой книге. Вообще же не имею теперь такой уверенности в чем-либо, как раньше. Сократ не раз повторял своим последователям в Афи-

нах: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

Мне не приходится надеяться на то, что я могу быть умнее Сократа; и я перестал говорить людям, что они не правы. И нахожу, что это гораздо выгодней для меня...

Если вы желаете получить несколько превосходнейших советов относительно того, как надо вести себя с людьми, как управлять собою и как совершенствовать собственную личность, читайте «Автобиографию Бенджамена Франклина» — одно из классических произведений американской литературы и одну из очаровательнейших историй человеческой жизни, которая когда-либо была написана.

В этой биографии Франклин рассказывает, как он победил свою глубоко укоренившуюся привычку спорить и превратился в одного из самых способных, утичвых и дипломатичных людей в американской истории.

Однажды, когда Бен Франклин был еще неловким юнцом, один пожилой квакер из их общины отвел его в сторону и хорошо выпорол его пучком весьма горьких для его самолюбия истина вроде нижеследующих:

Бен, ты — невозможен. Выказываемые тобой мнения звучат оскорбительно для каждого, кто с тобой не согласен. Ты стал столь недержан в проявлении своих мнений, что их никто уже и слышать не хочет. Даже твои друзья находят, что они лучше проводят время, когда тебя нет среди них. Ты так много знаешь, что уже не найдется человека, который мог бы тебе что-нибудь сказать. В самом деле нет человека, который бы стремился к тому, что ведет только к неловкому положению и причиняет неприятности. Таким образом, ты не подаешь надежды расширить когда-нибудь круг своих знакомых, а он и сейчас весьма узок.

К числу наиболее замечательных фактов, из известных мне, в жизни Бенджамена Франклина относится его реакция на этот резкий выговор. Он был достаточно велик и достаточно мудр, чтобы воспринять его правильно. Он понял, что недостатки, за которые его отчитали, обрекали на ошибки и конфликты в общественной жизни. Тогда он по-военному сделал «направо

кругом» и начал немедленно менять свою оскорбительно-нетерпимую манеру обращения с людьми.

«Я взял себе за правило, — говорил Франклин, — вообще воздерживаться от прямых возражений на высказанное кем-либо другим мнение и от каких-либо категорических утверждений со своей стороны. Я запретил себе употребление таких слов, содержащих в себе категорические нотки, как «конечно», «несомненно» и т. п., и заменил их в своем лексиконе выражениями: «представляю себе», «предполагаю», «полагаю, что это должно быть так или эдак», или: «в настоящее время мне это представляется таким образом». Когда кто-нибудь утверждал нечто, безусловно, ошибочное, с моей точки зрения, я отказывал себе в удовольствии решительно возразить ему и немедленно показывать всю абсурдность его предположений и начинал говорить о том, что в некоторых случаях или при определенных обстоятельствах его мнение могло бы оказаться правильным, но в данном случае оно представляется или кажется мне несколько несоответствующим и т. д. и т. п. Вскоре убедился в пользе этой перемены в манерах; разговоры, в которых я принимал участие, стали протекать значительно спокойней. Скромная манера, в которой стал предлагать свои мнения, способствовала тому, что их стали принимать без возражений. Ошибившись, не оказываясь теперь в столь прискорбном положении, как раньше, и, будучи правым, гораздо легче брал верх над ошибочным мнением других тем, что приписывал самому себе их ошибки.

Подобная манера, которую поначалу усваивал не без некоторого насилия над своей естественной склонностью, со временем стала столь необременительна и столь привычна для меня, что, наверное, за все последнее пятидесятилетие никто не слышал, чтобы из моих уст вышло какое-либо заявление в непререкаемой форме.

И именно этой привычке (после того, как она стала неотъемлемой частью моего характера) главным образом обязан тем, что мое мнение так рано приобрело вес среди моих

друзей — сограждан при обсуждении новых или изменении старых общественных установлений и столь значительным оказалось мое влияние в общественном совете, когда стал его членом. Я так полагаю, ибо был весьма шкверным оратором, начисто лишенным красноречия, подверженным частым колебаниям в выборе слов, с трудом говорящим на правильном языке, и тем не менее в большинстве случаев мне удавалось отстоять свои позиции».

Как действует метод Франклина в мире бизнеса?..

Р. В. Кроули — коммивояжер Нью-Йоркской лесопромышленной фирмы Гарднера и Тэйлора — не отрицал, что в течение ряда лет он жестоко спорил с контролерами качества лесоматериалов. Он одерживал в спорах блистательные победы, но это не приводило ни к чему доброму. «Эти контролеры, — говорил Кроули, — как бейсбольные судьи. Раз принял решение, они никогда его не меняют».

Кроули увидел, что его фирма теряет тысячи долларов благодаря его победам в спорах. Став слушателем моих курсов, он решил изменить свою тактику и навсегда покончить со спорами. Каковы же были результаты этого решения? Вот перед вами история этого опыта, как он рассказал ее своим приятелям-соученикам:

Однажды утром у меня в кабинете зазвонил телефон. Чрезвычайно взволнованный голос на другом конце провода сообщил мне, что доставленный на их склад лес совершенно неудовлетворителен по качеству. Их фирма остановила разгрузку и требует, чтобы мы немедленно распорядились увезти обратно с их территории ранее выгруженный лес. После того, как вагон с лесом был разгружен на четверть, их контролеры заявили, что качество 55 процентов доставленного леса ниже кондиции. В связи с этим они отказались его принимать.

Я немедленно отправился на их складской двор, обдумывая по дороге, как наилучшим образом выправить ситуацию. Обычно в таких обстоятельствах, опираясь на свои знания и опыт инспектора по качеству лесоматериалов, я должен был постараться убедить их инспектора по качеству в том, что он

верно интерпретирует правила сортировки лесоматериалов и что лес вполне соответствует установленной кондиции. Однако на этот раз решил попробовать применить усвоенные на курсах принципы.

Когда я прибыл на место, то застал там агента по снабжению и инспектора по качеству, пребывавших в самом воинственном расположении духа. В воздухе пахло порохом. Мы прошли к стоявшему под разгрузкой вагону, и я попросил продолжить выгрузку и выбраковать леса, чтобы мог посмотреть, каким образом это производится.

Понаблюдав за работой контролера некоторое время, я понял, что он сортирует чересчур строго, неправильно применяя правила. Эта партия леса состояла из белой сосны, в то время как инспектор, как это мне было известно, досконально изучил правила сортировки тяжелых пород леса, но совершенно не имел опыта в сортировке белой сосны. Я же, наоборот, на белой сосне, что называется, собаку съел, тем не менее не высказал ни малейших возражений против его метода сортировки. Продолжая наблюдать, время от времени спрашивая его, почему он забраковал ту или иную доску, стараясь ничем не дать почувствовать, что беру под сомнение правильность его сортировки. Напротив, я всячески старался подчеркнуть, что единственной целью моих вопросов является желание уяснить, что именно нужно его фирме, чтобы учесть это впоследствии.

Задавая эти вопросы самым дружеским тоном, стремясь создать атмосферу сотрудничества и неуклонно соглашаясь в каждом отдельном случае с выбраковкой досок, то есть с их правом отказаться от материалов, не годящихся в дело, для которого они и предназначены, я по-прежнему добился того, что он несколько потеплел и холодные отношения между нами начали оттаивать и смягчаться. В связи с одним осторожным замечанием, брошенным мной, у него возникла мысль, что, быть может, некоторые из выбракованных им досок на самом деле относятся именно к тому сорту, который они купили, а требования, предъявляемые им, касаются более дорогих сортов леса. Я

держался предельно тактично, ничем не давая ему повода думать, что намерен использовать это обстоятельство для того, чтобы оспорить его заключение.

Постепенно он совершенно изменил свою позицию и в конце концов признался мне, что у него нет опыта в сортировке белой сосны. Он стал спрашивать меня о моем мнении относительно каждой выгружаемой из вагона доски. Я объяснил, почему тот или иной образец следует относить к данному сорту, однако продолжал настаивать, что мы решительно не желаем навязывать им материал, который они считают негодным для их производства. Наконец он понял, что вся куча забракованных им досок забракована напрасно и что их ошибка состоит в том, что они недостаточно точно определили, какой именно сортности им нужен лес.

Конечным результатом было то, что он после моего ухода вновь перепроверил весь вагон леса и принял всю партию. Таким образом, счет на поставленный лес был полностью оплачен.

Только в одном этом случае капля такта и выдержанности в разговоре с человеком, который был не прав, спасла для моей компании чистых полтора доллара.

Между прочим, я не поведал ничего нового в этой главе.

Девятнадцать веков назад Иисус сказал: «Мирись с соперником твоим скорее».

Иными словами, не спорьте со своим клиентом, или со своим начальником, или со своим конкурентом. Не говорите ему, что он не прав, не доводите дело до ссоры, лучше употребите немного дипломатии.

Еще за 2200 лет до рождения Христа фараон Древнего Египта Ахтой дал своему сыну один исполненный житейской мудрости совет, который сохраняет свою ценность и сегодня. Четыре тысячи лет тому назад, однажды на склоне дня, старый царь изрек между двумя глотками доброго вина: «Будь дипломатичен, сынок. Это поможет тебе добиваться своего».

Итак, если вы хотите склонить людей к своей точке зрения, правило второе гласит:

Проявляйте уважение к мнению другого. Никогда не говорите человеку, что он не прав.

Продолжение следует

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Юность Мэтра

(Загадки Сальвадора Дали)

«Буноэль! Прекрасный вечер! И ты представить себе не можешь, как радостно у меня на душе, несмотря на все литературные страдания». Это не просто записка, а «автограф» великого Мэтра, вышедший, как и десятки других бережно сох-

раняемых сейчас писем, из комнаты-кели юного Сальвадора Дали в студенческом общежитии в Мадриде на улице Пинар, 17.

Не надо быть графологом, чтобы суметь увидеть между ишчерканными, испещренными

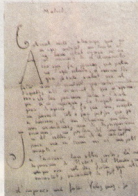
многочисленными поправками строчками черты характера будущего гения сюрреализма. В то время Дали писал в основном по-каталонски, но это не меняло дела. «Не обращая внимания на мои орфографические ошибки», — успокаивал девятнадцатилетний Сальвадор своего отца, почтенного нотариуса, со скрипом отпустившего сына на учебу в Академию художеств Сан Фернандо.

«Если картина слишком тщательно проработана, то явно не моя», — признается уже на склоне лет знаменитый мастер специалистам, сидевшимся разделить многочисленные поделки от подлинного Дали. И студент, и Мэтр всегда были выше «мелочей» как в письмах, так и в творчестве, в отношениях с людьми.

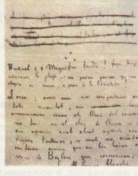
Впрочем, отсутствие даже минимальной педантичности не мешало Дали, к радости современных исследователей, указывать в своих посланиях — «писано в комнате № 3 студенческого общежития». Не исключено, что именно анализ малоизвестного пока архива Дали 1922—1926 годов, то есть периода его обучения в Академии художеств, позволит четче обозначить контуры возникшего под крышей общежития великого «мадридского треугольника» — Сальвадор Дали — Гарсия Лорка — Луис Буноэль, кипевшего гениальными догадками и страстями, раздиравшегося любовью, ненавистью, взаимной ревностью.

«Когда мне было шесть лет, я мечтал стать поваром, в семь лет — Наполеоном, а затем мое тщеславие возросло безмерно», — напишет в сороковых годах Дали в предисловии к своей «Тайной жизни». Скачок же в самооценке произошел, без сомнения, на улице Пинар, где двое старших и блестящих товарищей (Буноэлю было 23 года, Лорке — 25) оспаривали друг у друга влияние на юного Сальвадора. Во всяком случае, болезненно застенчивый молодой человек, каким Дали прибыл в Мадрид в 1922 году, всего через четыре года бросит в лицо преподавателям Академии Сан Фернандо: «Вы недостаточно компетентны, чтобы оценивать мои работы!»

Порывистый, шумный Буноэль прибавил юного провин-

EN EL CUARTO APTOS 3 DE LA RESIDENCIA D'ESTUDIANTS. COPILIAS PILES DEL GRUP D'AVANGUARDIA.

циала к радостям ночной жизни Мадрида. Вплоть до 1925 года, пока будущий крупнейший режиссер не отбыл на поиски удачи в Париж, Дали больше тяготел к Луису Буноэлю. Отношения же с Федерико Гарсия Лоркой были более лиричны. Один из очевидцев бурных со-

бытий, коими была полна жизнь мадридского общежития, вспоминает, что Федерико искренне восхищался талантом своего друга-художника, в то время как поэзия Лорки мало трогала Дали. Быть может, Сальвадор был тогда слишком поглощен собственными литературными опытами. Однако именно Гарсия Лорка увещал стены своей комнатки на улице Пинар рисунками, которые углем набросал Дали. В «Оде Сальвадору Дали», которую Федерико Гарсия Лорка написал под впечатлением совместно проведенных каникул, он посвятил художнику такие строки:

О Сальвадор Дали, человек с бархатным голосом, Объясни мне себя и свои полотна!

Мэтр же воспринимал Поэта, особенно после их разрыва в 1927 году, с каким-то трагическим надломом. В восприятии друга юности поздний Дали как бы раздваивался. «Каждый раз, когда меня посещает гениальная идея или мне удается сделать божественный мазок, я слышу за спиной глуховатый восхищенный голос Лорки», — упоминает Дали в своем «Дневнике одного гения».

Последний раз Дали и Гарсия Лорка встретились в ноябре 1935-го — за год до гибели поэта. Подробности этой противоречивой дружбы двух гениев, составляющих гордость Испании, похоронены, вероятно, вместе с Мэтром.

Не менее противоречивы были отношения Дали с другим «соседом по общежитию» на улице Пинар — Луисом Буноэлем. «Ищите женщину» — это сказано о них. В 1929 году в разгар совместной с Буноэлем работы над короткометражным фильмом «Андалусский пес» Дали знакомится с Галиной Дьяконовой, тогда еще женой французского поэта Поля Элюара, ставшей впоследствии его музой, легендарной Gala — композиционным центром многих его полотен.

Буноэль смертельно возненавидел Галину. Утверждают, что однажды он попытался даже ее задушить. В споре любви и дружбы, естественно, победила любовь. Впрочем, окончательную точку поставил сам Мэтр, когда, будучи уже всемирно известным, снизошел в свой

книге «Тайная жизнь» до обвинения Буноэля, тогда, во время второй мировой войны, скромного служащего музея современного искусства в Нью-Йорке, в беспорядочности. Правда, когда в 50-х годах звезда Луиса наконец взойшла, Мэтр ничтоже сумняшеся предложил ему вспомнить молодость и вновь поработать вместе. Вторую попытку примирения Дали предпринял уже после смерти Гали, в январе 1983 года, полагая, очевидно, что исчезло последнее естественное препятствие к восстановлению прежних близких отношений. Но даже Божественному Дали не удалось дважды войти в реку Молодости.

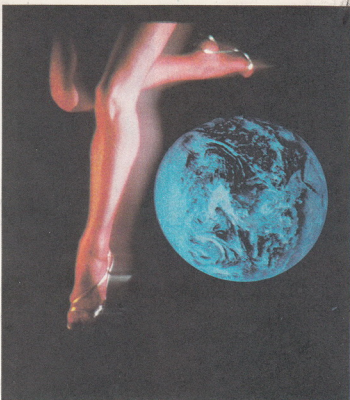
Чувства Мэтра к Гарсиа Лорке и Буноэлю — это сюжет для небольшой картины в стиле сюрреализма. Для Дали его юношеские покровители олицетворяли нечто, от чего он хотел, но до конца не мог отказаться. Но занавес над этой тайной пока опущен. Архивы времен безмятежной их жизни в студенческом общежитии не до конца проанализированы. Впрочем, кто знает. «Лорка, друг мой, мы такие искренние. Вчера нас взволновали ирисы...»

И последняя информация к размышлению. В 1938 году Стефан Цвейг познакомил Дали с Зигмундом Фрейдом. После этой встречи ученый записал в своем дневнике: «До последнего времени я считал всех сюрреалистов, которые откровенно выбрали меня в собственные вожди, психически ненормальными. Молодой испанец (Дали) с глазами фанатика, обладающий высочайшим техническим мастерством, заставил меня пересмотреть эту точку зрения... Это искусство поднимает серьезные психологические проблемы».

Михаил Александров

Юность Мэтра (календарь):

- 1910 — первая картина-пейзаж.
- 1922 (сентябрь) — поступление в Академию художеств.
- 1925 (ноябрь) — первая персональная выставка в Барселоне.
- 1926 (апрель) — первая поездка в Париж, знакомство с Пикассо.
- 1927 — поступление на военную службу.

АЗБУКА ДЛЯ ДВОИХ

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

Продолжение. Начало в № 7, 9, 10 за 1989 год и в № 1—2 за 1990 год.

Наряду с одеждой не менее важное значение имеет умение «преподнести себя», подчеркнуть достоинства собственного тела. Исстари известно, как возбуждает мужчину вид красивых женских ног, в особенности ее походка и расположение ног во время ходьбы. Мы знаем, что плавный шаг женщины, когда она поднимает то одну, то другую ногу, опираясь на пальцы, а не на пятку, вырабатывает легкую походку — неотъемлемый элемент женского шарма. Женщина, обладающая стройными ногами и умеющая пра-

вильно ходить, привлекает к себе десятки заинтересованных мужских взглядов.

Хочу также добавить несколько слов о том, как следует сидеть, чтобы ноги выглядели наиболее эффектно. Можно сидеть, прижав колени к колену и расположив ступни чуть-чуть наискось, рядом с собой, или же положить ногу на ногу — акцентируя внимание на красоте колен и ступней. Вместе с тем недопустимо сидеть с расставленными коленями. Линия женской ноги и ступни в этой позиции производит неприятное,

неестественное впечатление, даже если перед нами очень красивые ножки. Мужчина, привыкший сидеть в такой позе, выглядит грузным и неуклюжим, поскольку она подчеркивает брюшко (если оно уже намечалось или только намечается) и, кроме того, представляет на всеобщее обозрение не слишком интересную часть его брюка.

Роль косметического грима и причёски заключается в затушевывании недостатков и подчеркивании достоинств. Женщина должна уметь оценить недостатки и достоинства своего лица. Превращает лицо в размазванную картинку, как это делают многие женщины, рабски следуя предписаниям моды, — это значит гнаться за несуществующей красотой. Накладывать краску надлежит только на те его части, которые увеличивают сексуальный эффект женского лица. Большинство женщин считает, что на три четверти их красота зависит от той или иной косметической процедуры, забывая, что существуют еще мимика, смех, плач, красноречивость взгляда и другие факторы, которые намного сильнее, чем косметика, подчеркивают или, наоборот, уродуют женскую красоту.

Как надо улыбаться?.. Улыбка должна присутствовать на лице как можно чаще, но смеяться от души может себе позволить только женщина с хорошими зубами и красиво очерченными губами. К счастью для тех, кто не обладает такими достоинствами, имеется еще целая гамма полуулыбок и иных «улыбчивых» состояний, в которых принимают участие лишь глаза, ямочки на щеках или забавно сморщенный нос. Не надо бояться морщин, появляющихся во время смеха! Даже закрепившись с возрастом складки на щеках или «гусиные лапки» морщинок возле уголков глаз придают очарование взгляду стареющей женщины. Самовоздержание от смеха и улыбок опасно тем, что постепенно начинают обвисать мышцы щек и подбородка, образуя так называемую «обезьянью рожицу», ограниченную продольными складками, бегущими от крыльев носа к подбородку, и опущенными вниз углами рта.

Именно такие «обезьяньи рожицы» придают печальное и одновременно «старое» выражение совсем еще юным лицам. Так давайте смеяться и улыбаться по возможности чаще, потому что смех — это действительное оружие женщины, с помощью которого она может очаровать, обезоружить и задобрить самого «твердокаменного» мужчину. В смехе, который может быть обольстительным, кокетливым, радостным, загадочным, грустным или мимолетным, таится неограниченные возможности. Нетрудно заметить, что в каждой компании веселые хохотуны всегда окружены группой заинтересованных мужчин, а грустные женщины — скучают в одиночестве.

Однако... не будем забывать, что слезы — это тоже очень опасное для мужчин оружие в руках неглупой женщины, и об этом стоит сказать особо. Существует довольно распространенное мнение, что плач придает дополнительное очарование большезлым блондинкам с детским выражением лица, если слезы, стекая по щекам, вызывают легкое порозовение кончика носа. Можно, конечно, завоевать мужчин и плачем, но не очень этим злоупотреблять. К этому окончательно аргументу целесообразно прибегать лишь в самые критические минуты. Мужчина при виде женских слез цепенет, тушеется и, как правило, уступает женщине, что, собственно, и «требовалось доказать». Но это эффективное оружие при частом употреблении раздражает партнера, вызывая в нем негативную реакцию.

У брюнеток во время плача наступает покраснение век и лицо покрывается красными пятнами. В силу этих причин я не советую им «проливать слезы», поскольку их внешность в такие минуты теряет для мужчин всякую привлекательность: многие из них стремятся попросту «улизнуть», считая это наиболее удобным выходом из неприятной ситуации. Вместо слез остается еще одно испытанное оружие — наполненное обидой и грустью молчание. Целые дни молчания! Уверю вас, что этой «пыткой» не выдерживает долго ни один мужчина.

Возможно, что кто-то не сог-

ласится за вышесказанным, громкогласно заявляя, что все мои рецепты, почерпнутые из старых календарей наших бабушек, безнадежно устарели. Только вот бабушки, как это ни удивительно, знали о технике обольщения мужчин намного больше, чем современные женщины. Не располагая нынешними возможностями, они должны были завоевывать и удерживать возле себя мужчин, отчаявая до совершенства искусство женской дипломатии. Они владели накопленным многими поколениями женщин опытом и секретами искусства любви, щедро делясь ими со своими взрослыми дочерьми. Многие из практики супружеской жизни, позимствованное из тайников народных обычаев и обрядовых традиций разных народов, мы находим сегодня на страницах отдельных литературных произведений, дошедших до нас из глубины веков. Способ обучения молодых девушек азам любовной грамоты, который активно применяли наши бабушки, вряд ли утратил сегодня актуальность, и в последующих главах я не раз буду обращаться к сокровищнице знаний старших поколений в этой области.

Говоря о роли смеха и плача во взаимоотношениях партнеров, мы как-то упустили из виду, что смеяться и плакать могут не только женщины, но и мужчины. Встречаются мужчины — к счастью, их не очень много, — которым смех противопоказан, так как он им «не к лицу». Другими словами, стоит только такому человеку — приятной и даже красивой наружности — рассмеяться, как его шансы на успех у той или иной женщины моментально падают. Ему мы можем лишь посоветовать смеяться по возможности реже. Подавляющее большинство смеющихся мужчин, за редким исключением, выглядят красивее и моложе своего возраста. А какое впечатление производит плачущий мужчина? Он жалок и никаких чувств, кроме презрения, не вызывает.

Важным элементом физической красоты являются волосы. Женщинам, у которых волосы не слишком красивые и густые, не следует пренебрегать париками и различными головными

уборами, так как они скрашивают недостатки прически. Не только модная укладка подчеркивает красоту волос. Самым большим их достоинством является чистота, блеск, шелковистость и распахнутость при гладкой прическе и свободно ниспадающие локоны — при выходящих волосах. Следует помнить, что тщательно залакированная высокая прическа хороша для вечернего выхода на бал или в театр, но совершенно непригодна для использования в сексуальных целях. Вы поймете, о чем я говорю, если присмотритесь к киноактрисам, занятым в любовных сценах: они умеют вдруг так повернуть голову, что волосы свободно ниспадают на плечи, то открывая, то закрывая лицо, причем копна волос, из-за которой на героя устремлен их томный взгляд, придает им почему-то загадочную и волнующую привлекательность. Все эти жесты и опробованный механизм их воздействия уже давно входят в арсенал разнообразных уловок и средств, применяемых женщиной в любовных играх с партнером.

К сожалению, должна констатировать, что, несмотря на огромное удобство и легкость ухода за волосами при короткой стрижке, большинство мужчин по-прежнему предпочитает видеть женщин с длинными волосами. Причина, возможно, кроется во многовековых традициях и взглядах, но тем не менее факт остается фактом, и его необходимо учитывать при выборе формы прически. Достоинство и красоту ваших волос можно использовать на все сто процентов при одном обязательном условии — они должны быть чистыми, мягкими и благоухающими. И с этой точки зрения использование перекиси водорода для того, чтобы волосы посветлели, не всегда полезно, в особенности если вы при этом делаете химическую завивку. Сочетание этих двух процедур очень портит и сушит волосы, так как они теряют естественный блеск и шелковистость, делаются жесткими. Не надо забывать, что натуральный цвет волос гармонирует с цветом глаз и кожи. Прежде чем менять окраску волос, надо серьезно взвесить все «за» и «против», поскольку неудачное решение

может повредить красоте лица.

Людьми, которые действительно озабочены проблемами сексуального воспитания, надо помнить, что фильмы о любви не только показывают наготу, но и учат культуре поцелуя и любовной ласки, флирта и взаимного общения в процессе разнообразных любовных игр, умению придать обнаженному телу сексуальную привлекательность, оцениваемую по самым высоким эстетическим стандартам. Это, несомненно, более разумный путь, чем познание подростками «любовной грамматики» в так называемых «дворовых университетах».

«Подумаешь, велика важность раздеться», — скажете вы. Но вот как раздеться и сохранить при этом способность двигаться в самом прекрасном своем одеянии — в собственной «шкурке». Изучая собственное тело, мы должны критически и объективно оценить все его достоинства, обратив повышенное внимание на их сексуальную привлекательность, а также на недостатки, которые надо попытаться замаскировать, используя все имеющиеся в распоряжении женщины способы и средства (элегантные бюстгалтеры, колготки и т. д.).

Вспомню, сколько волнений и огорчений доставил многим моим молодым пациенткам маленький бюст. Многим было невдомек, что это не недостаток, а достоинство фигуры; у женщин с крупным бюстом бывает в этом плане намного больше хлопот. Чтобы придать обнаженному телу сексуальную привлекательность, можно, например, украсить руку несколькими браслетами, передающими и позванивающими при ношении, как это обычно принято у женщин Востока. Трудно советовать, как надо вести себя в той или иной ситуации, да это и не входит в мою задачу. Я хотела просто подчеркнуть значение наготы в искусстве пленения и сохранения любви мужчиной, потому что не только девицы легкого поведения, но и любимые жены обязаны владеть всеми секретами обольщения, поскольку намного труднее нравиться годы, чем покорить душу и сердце мужчины на час.

Вместе с тем должна заметить, что спонтанность в любви — ее самая величайшая цен-

ность. Именно поэтому хочу предостеречь от безмерного увлечения почерпнутыми из книг истинами и рекомендациями, точное выполнение которых якобы обеспечивает победы на любовном фронте. Это огромное заблуждение, которое нередко приводит к плачевным результатам. Я стараюсь привлечь внимание лишь к отдельным нюансам поведения партнеров, поскольку в целом их успехи будут зависеть от безозбочности инстинкта и богатства воображения. Самое главное — это свой стиль и своя «мелодия» в любви. Приучив мужчину к ее звучанию, мы, женщины, делаем его неуязвимым против стрел амура, выпущенных нашими соперницами, потому что закрепившиеся в течение многих лет условные сексуальные рефлексы гарантируют устойчивость любовных отношений.

Не следует, конечно, впадать в крайность, превеличаявая значение опыта и никогда не изменяя привычному стереотипу поведения. В любви, как и на сцене, декорации должны постоянно меняться — я имею в виду наряды и «окружающую среду»: ванную, интерьер спальни, постельное белье, берег моря, лес и т. п. С учетом вышесказанного, я по-прежнему утверждаю, что даже фигурный листок действует более возбуждающе на партнера, чем абсолютная нагота.

Мой рассказ о воздействии сексуальных импульсов был бы неполным, если бы я не сказала о такой распространённой форме демонстрации обнаженного тела, как порнографическое издание. Позволю себе процитировать определение порнографии, которое, как мне кажется, наиболее точно выражает суть проблемы. Его дал один французский писатель: «Эротизм — это тело, а порнография — мясо». Я бы уточнила, что порнография — это половые органы и их функционирование в отрыве от человека, то есть полностью дегуманизированный секс.

И здесь мы подходим к сути вопроса: к дефициту культуры, выражающемуся в неспособности провести разграничительную линию между нормальным здоровым эротизмом и порнографией. История искусства однозначно свидетельствует о том,

что нагота человеческого тела самого зарождения цивилизации служила источником вдохновения художников, творщих для своих современников, небезразличных к красоте окружающего мира. К сожалению, можно констатировать, что порнография — дегенеративная форма эротического творчества, будучи легко доступной (в особенности на Западе), заметно вытесняет подлинные образцы искусства в этой области. Впрочем, вряд ли кто будет оспаривать истину, что запретный плод сладок только до тех пор, пока недоступен. В государствах, где продажа порнографических изданий не запрещена, никто, кроме иностранцев, их не приобретает. Не могут похвалиться напыльвом покупателей и специальные «секс-магазины».

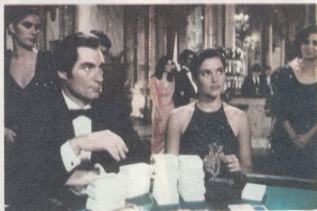
Мы не всегда располагаем временем и энергией, чтобы пойти в театр, на танцы или художественную выставку, посмотреть новый кинофильм. Вместе с тем художественные и фотоальбомы можно иметь в личных библиотеках. Просмотр этих изданий (в том числе вдвоем) является великолепным визуальным раздражителем, оживляющим уставшее от впечатлений рабочего дня воображение. Одновременно обогащается и активизируется наша сексуальная жизнь.

Перевод с польского
Льва Волгина

Продолжение следует

Болит? — Помоги себе сам

Окончание материала профессора Мак-Иова Ризо «У вас заболела голова» (см. № 1) по техническим причинам перенесено в № 4. Уведомляя об этом наших читателей, заверяем, что невольный пропуск подачи материалов из серии «Человек и его возможности» будет компенсирован в последующих номерах.

Имеются различные классические рецепты борьбы с хандрой. Помните: «Откупорь шампанского бутылку и перечти «Женитьбу Фигаро». Журнал «Тайм» недавно предложил жертвам скуки и депрессии «совершить прогулку и посмотреть фильм о Джеймсе Бонде». Однако для Ричарда Мэйбаума такой совет бесполезен. Автору всех двенадцати сценариев фильмов об Агента 007 смертельно надоело как сам Бонд,

так и все его традиционные аксессуары: смокинги и «Вальтер РРК». Восьмидесятилетний писатель, выдававший на-гора с 1962 года почти каждые два года новый сценарий, не прочь отправить на покой и персонажа, рожденного Флемингом, и заняться пьесами для театра. Однако свято место пусто не бывает. Говорят, что в новой серии Бонд займется проблемами СПИДа. Неужели и в этом окажутся замешаны русские?

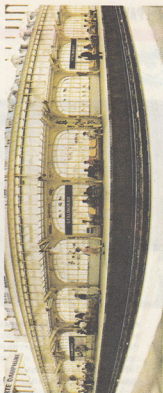

С легкой руки Рональда Рейгана политические партии многих стран видят ныне в популярных киноартистах неисчерпаемый резерв своих кандидатов в органы власти различного уровня. Не избежал такой участи и бывший полицейский Микеле Плачидо, ставший особенно популярным после исполнения роли неотразимого комиссара Каттани в известном сериале «Спрут». По иронии судьбы он баллотировался в Европарламент по списку Либерально-республиканского союза не где-нибудь, а на Сицилии. Впрочем, сам фильм имел и другие политические последствия. В частности, демохристиане протесовали против появления в сериале коррумпированного мафией сенатора от христианских демократов.

ПУТЕШЕСТВИЯ

Paris

ФОТО БОРИСА МИХАЙЛОВА

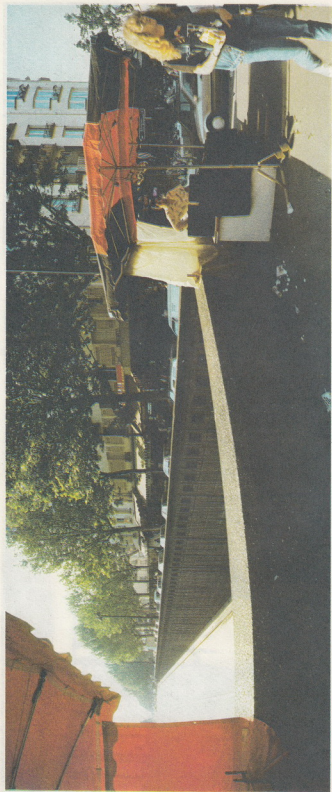
Март... Фраза — «Мне в Париж по делу» — по-прежнему, несмотря на все законы о выезде, выговаривается с большим трудом. Но по весне все равно несомненно тинет тула. Видно, действительно село в генах: «Спи, мой мальчик, спи, мой чиж, мать уехала в Париж».

Прав Андре Моруа: Сена для Парижа то же, что Петая авеню для Нью-Йорка, и даже больше. Она, как заблудшая мать, терпеливо выхаживает крошечный зародыш Парижа — островок Ситэ, затем, раздвинув город на две части, отлегла знаменитый левый берег в полном и, похоже, вечное распоряжение студентов. Еще

Филипп Красивый, заметив, что ученики мужья группируются слева (охлаждение интеллигенция!), повелев обнести крепостной стеной эту часть города.

И до сих пор озорные школяры с вызовом поглядывают на «буржуазный» правый берег, торопясь веселыми деньками подновить дерзкие лозунги на цоколе мрачной Сорбонны, ярким спреем на сером фоне. Это тоже пришла весна в Париже. И мы стоим на исе — призывную, яркую, заграничную, то глазами Дюна, то Сенсевича, а то и через объектив нашего фотокамера...

Инга Вайшля

* * *

Не бывает чудес на свете?
Тогда придите в гости к лесу.
Тогда придите в гости к полю.
Загляните в глаза букашке,
Которая ползет по вашей руке,
Даже не подозревая,
Что вы — не стебель ромашки,
Не падайте в траву как в койку.
А вдруг вы причините кому-то
боль.

Банальное

Первый снег разделил все
На зиму и осень.
Первый снег подарил
Целый ворох снежинок-надежд.
Подставляю ладони под эти
Мгновенья.
И тепло моих рук
Превращает их
В капельки слез.

Антонина Цвид

* * *

Вот это дождь!
Он нас погубит.
Не видно огонька за ним.
А мы с тобою — губы в губы —
под белым явором одним.
Пускай гроза.

Пусть грома кара.
Сама я — молнии под стать.
Сожгу тебя.

Сожгу — раскаюсь.
А выживешь...
Сожгу опять!

*Перевод с украинского
Л. Смирнова*

Раиса Романова

* * *

Тонко ветер свистит за окном.
Что за страсть ему! Что за
наука?!

Здесь бродили с тобой мы
вдвоем.
Да навеял: подкралась разлука...

Горько-горько свистит он опять.
Листья холодом вечности
блещут...

Мне тебя никогда не обнять:
Этот свист до кончины завещан.

Чтобы в шелесте ближних берез
Шепот ветренный твой узнавала,
Чтоб, уже не имеючи слез,
Так, без плача, в тоске
изнывала.

Чтоб, когда задувает октябрь,
Видеть лишь, как, спирали
свивая,
Отплавявшие листья летят,
К одиночеству путь устала.

* * *

Если жизнь только учит любить,
С каждой новой потерей
сильнее —
Как же быть нам тогда?
Как же быть? —
Ведь от нежности дух
цепенеет?!

Если жизнь еще будет идти —
И потерям дано умножаться.
Как же нежность такую
снести?!
Как под грузом ее не
сломаться?!

Тамара Пономарева

* * *

В узел косы стянуты жгутами,
И на сердце замкнотом —

печаль.
Кто там бродит черными
кустами

Легкий и задумчивый, как тать?
С вызовом я гляну ему в очи,
Молчаливо рядышком пойду.
Что ты от замужней, парень,
хочешь,
Ходишь у свекровки на виду?
Ходишь, топчешь ягоду-малину,
Назначаешь встречи над
ручьем...

Плат мой черный на глаза
надвинут,
Чтоб не догадался ни о чем.
Чтобы сплетни вслед не
увязались,

Не порвали тоненькую нить,
Две души которой обвязались,
Чтоб одну в них тайну
сохранить.

* * *

На твоём берегу
Звезды стмытут в логу.
И жарки на снегу
Расцветают в пургу.
Только память моя
Этим дням вопреки
Снова манит меня
По урманам тайги.
Я храню пряжу лет,
Где есть я и есть ты:
Шлет мне берег твой совет
От охранной звезды.
Это горечь потерь
Говорит вновь с тобой,
А твой берег метель
Предо мной — городьбой.

Ах, какие луга
Замело в том краю!
Пусть на сердце тоска,
О тебе лишь пою.
Но за воем пурги
Не услышишь меня:
Ты звал на таких
Средь снегов и огня.
На твоём берегу
Я себя сберегу.
Тень твою сберегу
На своём берегу,
О снега давних дней
И родные глаза!
Над душою моей
Гром, пурга иль гроза?

Софья Петренко

* * *

В хрусталинках снега
крупчатого
Морозцем прихваченный плат.
Апрельский такой
переливчатый,
Такой перезвончатый наст!

Проталины — будто опалины.
Пожухлый и пегий покров.
В укрытых от ветра прогаиных
Трава, зарождене цветов.

Слиянье бегущего времени,
Сближене конца и начал.
Под снегом в глуби, в отдалении
Чуть слышно ручей зазвучал.

И вот ведь какое сбывается:
Сквозь толщу невагод и обид
Во мне родничок пробивается,
Негромко, а все же звенит.

Под редакцией Анатолия Карпова

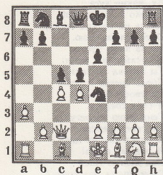
Не расставляя фигур

На крупных соревнованиях, кроме спортивных итогов, принято подводить итоги творческие. Так и на втором командном чемпионате мира в Люцерне, где сборная СССР подтвердила титул сильнейшей, были определены красивейшие пешки. Первой в этом списке стала партия

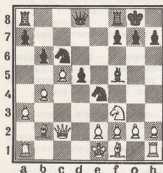
М. Гуревич (СССР) — Д. Францони (Швейцария)

Защита Нимцовича

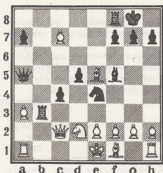
1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Кс3 Сb4 4. Фe2 d5 5. а3 Сс3+ 6. Ф:c3 Кe4 7. Фe2 c5.

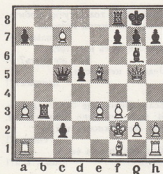
8. dc Кс6 9. cd ed 10. Кf3 Cf5 11. b4 0—0 12. Сb2 b6. Играя так, черные должны были предусмотреть ответный пешечный выпад, и, надо полагать, идя навстречу осложнениям, фигуру они не жалели.

13. b5 bc 14. bc Фа5+ 15. Кd2 Lab8 16. c7 Ab3 17. Ce5 c4.

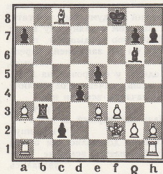

18. f3 K:d2 19. Ф:d2 c3 20. Фg5 c2+ 21. Kpf2 Фe5+ 22. e3 Cg6.

23. Са6 f6. Идя на отыгрыш фигуры, швейцарский мастер не заметил возможность комбинационного ответа белых. Впрочем, перевес белых в любом случае неоспорим.

24. Фf4 fe 25. Ф:f8+ Kр:f8 26. c8Ф+ Ф:c8 27. С:c8 d4.

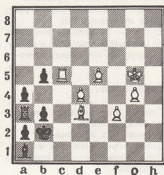

28. e4, перечеркивая даже призрачные надежды черных. Они сдались.

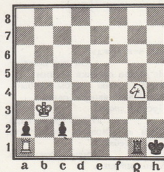
КОНКУРС

Приводим очередные задания нашего конкурса. Итак,

Тур третий

№ 9. Белые начинают и дают мат в 19 ходов.

№ 10. Белые начинают и делают ничью.

Приводим ответы на задания первого тура:

№ 1 (Лошинский, Владимир): 1. Лd5 c2 2. Лd7 Фа2 3. Лd4 Л:d4 (С:d4) 4. Фе3 (Ф:e4)×; 1...Кf3 2.Лd4 Фе1 3. Лd7 Л:d7 (С:d7) 4. Ке6 (Кd5)×.

№ 2 (Погосянц): 1. Кd4 Кр:g5 2. Ке6+ Крh6 3. Крg4 Крh7 4. Лf7+ Крg8 5. Лg7×; 4...Крh6 5. Kg5 и 6. Лh7×.

«Европейский дом»

Ответь на вопросы, отрежь полосу и пришли в редакцию

Первого января 1973 года еще три государства официально стали членами Европейского сообщества. Какая же страна вступила тогда в ЕЭС наряду с Данией и Ирландией?

1. Великобритания
2. Греция
3. Испания

Напоминаем! Все желающие принять участие в конкурсе могут это сделать, начиная с любого номера журнала. Шансы на победу у вас есть! (Условия конкурса — см. № 1.)

Легендарный Роланд погиб, прикрывая со своим отрядом отход войск Карла Великого. С кем же вступил в свой последний бой этот литературно-исторический герой?

1. Арабами
2. Басками
3. Византийцами

Орденом Почетного легиона награждались не только храбрые воины и видные сановники, но и города. Какой же из нижеперечисленных городов получил эту награду во время первой мировой войны?

1. Ливерпуль
2. Мадрид
3. Белград

Папа Павел III подверг высочайшей цензуре фрески Сикстинской капеллы. Что же было приказано замазать в работе Микеланджело?

1. Отдельные сюжеты
2. Некоторые фигуры
3. Части тел

Все лишнее вычеркнуть

Фамилия _____
Имя _____
Возраст _____
Адрес _____

Не опаздывайте с ответами. Последний срок — 15 апреля с.г.

Кальчио-90

«Два года назад я стала бабушкой, моя дочь — студентка 4-го курса, получает повышенную стипендию. Сына она отдала в ясли, но он, как и многие дети, болеет. Дочь на больничном сидеть не может: надо учиться, ее муж работает в уголовном розыске (о больничном нет и речи), а мне больничных не дают, утверждают, что бабушке не положено. Как же быть? Неужели дочери бросать учиться? С. А. Никитина, г. Чебоксары».

Согласно Положению о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию, утвержденному постановлением Президиума ВЦСПС от 12.11.84 № 13—6, пособие по уходу за заболевшим ребенком, не достигшим 7 лет, выдается на срок до 10 календарных дней родителям ребенка. Каких-либо исключений в отношении выдачи больничных листов бабушкам заболевших детей, если их родители или один из них — студенты, не допускается.

«Я студентка очного отделения Алма-Атинского театрально-художественного института, мать-одиночка. Хотелось бы знать, имею ли я какие-нибудь льготы при получении места в детском саду, какие документы для этого необходимы, а также имею ли я право на получение комнаты в общежитии института. Гульнара, г. Алма-Ата».

Общесоюзного нормативного акта, предоставляющего льготы при обеспечении детей студентов вузов яслями и детскими садами, нет. Рекомендуем по данному вопросу обратиться в Министерство народного образования Казахской ССР: 480091, г. Алма-Ата, ул. Мира, 112. Что же касается предоставления студентам, имеющим детей, отдельной комнаты в общежитии, то этот вопрос решается каждым вузом отдельно, в зависимости от возможности поселения студентов с детьми в

отдельных блоках, этажах, зданиях, с тем чтобы были соблюдены нормальные условия жизни всех других студентов.

«В этом году заканчиваю институт, муж — молодой специалист, мы оба прописаны во Владивостоке. В апреле должен родиться ребенок. Хотелось бы узнать, должен ли институт дать мне распределение и кто будет выплачивать мне ежемесячное пособие на ребенка до достижения им одного года? Е. Степанова, г. Владивостока».

Выпускника дневного отделения вуза — беременную или имеющую ребенка в возрасте до полутора лет — должны распределить на работу по месту постоянного жительства семьи (мужа, родителей). При отсутствии по месту постоянного жительства работы по специальности и отказе от работы в другой местности указанной выпускнице предоставляется право самостоятельного трудоустройства — «свободный диплом». При направлении на работу ежемесячное пособие до исполнения ребенку одного года будет выплачиваться по вашему месту работы. Если же вы получите «свободный диплом», то правом на получение ежемесячного пособия пользоваться не сможете.

Основание: Положение, утвержденное постановлением Президиума ВЦСПС от 12.11.84 № 13—6 и п.п. 18 и 23 Положения о распределении и использовании в народном хозяйстве выпускников высших и средних специальных учебных заведений, утвержденное Государственным СССР, Госпланом СССР, Госкомтрудом СССР, Минюстом СССР и Минфином СССР от 01.07.88.

Гуллит, Марадона, Ван-Бастен, Заваров! Какие имена! Осталось совсем немного времени до той минуты, когда это созвездие имен засверкает на футбольном небосклоне Италии. Вот уже истину: все дороги ведут в Рим, куда в скором времени съедутся двадцать четыре футбольные команды со всех концов света, чтобы в течение месяца дать ответ на один-единственный вопрос: «Кто станет чемпионом, кому достанется золотой Кубок мира?»

Очень жаль, уважаемый читатель, что нас с вами там не будет. Но не будем отчаиваться. К нашим услугам телевидение и возможность прозвонить себя в конкурсе.

Итак, футбольные оракулы, давайте загаляем в будущее, попытаемся дать ответы на вопросы, которые волнуют сотни миллионов людей. Вот наши вопросы.

1. Какие команды станут победителями групповых турниров?
2. Какое место в группе займет сборная СССР?
3. Назовите четыре лучшие команды чемпионата мира?
4. Кто встретится в финальном матче и с каким счетом закончится игра?
5. Кто будет признан лучшим игроком «Кальчио-90»?
6. Сможет ли кто-нибудь из советских футболистов войти в символический состав сборной мира?
7. Назовите самого меткого бомбардира чемпионата?
8. Какое место в итоге займет сборная СССР?

Победители конкурса «Кальчио-90» будут награждены футбольными мячами с автографами членов сборной СССР.

Еще шесть упражнений

Тренировка трицепса. Захватываем штангу посередине. Расстояние между кистями примерно 25 сантиметров, и поднимаем груз над головой. Фиксируем его на вытянутых руках, а затем опускаем за голову. Поднимаем снова над головой. При этом верхняя часть рук должна быть неподвижной.

Приседание. Приседания развивают тазобедренные мышцы, укрепляют деятельность сердца и легких, способствуют улучшению кровообращения.

При выполнении упражнения необходимо иметь специальную раму, на которой можно надежно зафиксировать штангу до выполнения приседаний и в паузах.

При выполнении этого упражнения ступни плоско стоят на полу, или же под пятки делаем подкладку толщиной до 2,5 сантиметра.

Помещаем штангу за голову (на плечи). Корпус должен быть прямой. И глубоко приседаем.

Это упражнение выполнять

довольно тяжело, поэтому особое внимание надо обращать на правильное дыхание. При опускании — вдох, при подъеме — выдох.

Наиболее успешно упражнение можно выполнять перед зеркалом. В таком случае мы можем наблюдать за нашей фигурой, за горизонтальным положением штанги.

Внимание! Необходимо быть весьма осторожным при выполнении этого упражнения. Если мы наклоняемся вперед в момент приседания или искривляем спину, то можем получить очень серьезную травму позвоночника.

Сгиб ног. Это упражнение выполняется с использованием специального спортивного снаряжения. Никакое другое усилие не развивает так заднюю часть верхнего бедра, бицепсы ног.

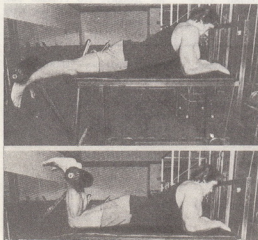
Ложимся на снаряд и зацепляем пятками рычаг. Закрепляем тело руками за край скамейки и потом вытягиваем ногами рычаг.

Необходимо следить за тем, чтобы тело оставалось в покое, а двигалась только нижняя часть ног.

Если у нас нет такого специального приспособления, то упражнение можно делать с ручными грузами, укрепив гантели к ногам или зажав груз между ногами. Конечно, в таком варианте упражнение будет менее эффективным.

Развитие икр ног. Упражнение для развития икр лучше выполнять в положении стоя. В таком случае возникает более равномерное распределение усилия. Для его выполнения необходим специальный снаряд (смотри фото).

Для выполнения упражнения необходимо встать половиной ступни на подставку высотой 10—15 сантиметров. Пятки опущены.

Затем подставить плечи под мягкий рычаг. Став на цыпочки, надо медленно опускаться до тех пор, пока наши пятки не опустятся максимально низко. При этом наши икры окажутся настолько растянуты, что даже будут болеть.

Наиболее частой ошибкой здесь является то, что мы берем слишком большой груз и выполняем упражнение при неправильной осанке.

Если груз слишком тяжелый, нам приходится сгибать колени. И мы выполняем упражнение уже в значительной степени с помощью мышц бедра.

Правильно: наши ноги должны быть абсолютно прямы, пятка опущена, и необходимо стать на цыпочки так высоко, как это

возможно. Во время выполнения упражнения корпус необходимо держать прямо. Поскольку развитие мышц икр является очень важным, но и тяжелым упражнением, то выполняем его пятью сериями по пятнадцать раз.

Посадка с согнутыми коленями. Живот — мотор корпуса. Его состояние имеет важное значение для работы всего организма, а также для эстетического восприятия вашей фигуры. Не случайно на соревнованиях члены жюри прежде всего смотрят, как развиты мышцы живота.

При выполнении этого упражнения необходимо стремиться к увеличению нагрузки. Она улучшает нашу осанку и

способствует улучшению обмена веществ.

Укрепление нижней части рук. Это упражнение развивает мышцы по сгибу запястья и укрепляет пальцы.

Наиболее охотно я выполняю его сидя и таким образом, что внешняя сторона руки лежит на скамье. Руки захватывают штангу на близком расстоянии. Очень важно, чтобы и локти находились близко друг к другу. Поэтому я помещаю их между коленями.

Двигая запястья, поднимаю груз. Затем медленно опускаю его.

Выполнять упражнение трудно. Делайте его столько раз, сколько это будет для вас естественным.

АНОНС

Сообщаем читателям, что в ответ на ваши многочисленные пожелания в № 6 мы собираемся опубликовать материал о китайской национальной гимнастике «ушу».

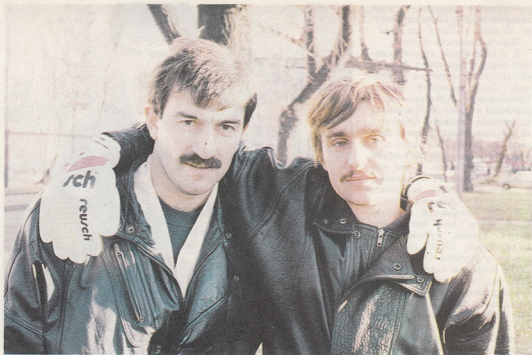
В последнее время этому самобытному виду спорта становится тесно в рамках Китая, и он стремится выйти

на мировую арену. Видимо, поэтому наши читатели так заинтересовались «ушу». Так что же такое «ушу»? Лечебная физкультура, национальная гимнастика, вид спортивной борьбы, искусство самообороны или просто красивое зрелище?

Ответы на эти вопросы вас ждут в № 6.

А еще — упрощенный комплекс гимнастики

«тайцзицюань» — наиболее распространенная разновидность «ушу». Это скорее дыхательная гимнастика, чем вид борьбы. Хотя упражнения «тайцзицюань» предполагают наличие противника, но он носит условный характер, и эту борьбу в Китае часто называют «борьбой с тенью».

СПОРТ. СПОРТ. СПОРТ

Удачи тебе, Стас!

Петр Плиев

В минувшем сезоне он после годичного перерыва вернулся в столичный «Спартак». Первое впечатление — вроде бы тот же. Тем не менее это был уже другой Черчесов. Черчесов, который понюхал порох большого футбола.

Заявку на место в основном составе он сделал еще в подготовительный период. Его дважды признавали лучшим игроком на двух международных турнирах в ФРГ. Там же к нему подошли представители западногерманской фирмы, предложили изготовить именные вратарские перчатки вот так вот за здорово живешь. Легкие, как из пенопласта, они словно заговоренные. Мячи к ним вроде сами липнут. В играх чемпионата Стас в них несколько раз даже брал одиннадцатиметровые. В кубке УЕФА с итальянской

«Аталантой», казалось, творил невозможное. Быют в упор с четырех-пяти метров, а он не пропускает.

Откровенно говоря, в конце первенства одноклубники, словно сговорившись, учинили проверку своему голкиперу. Команда играла ниже всякой критики. Можно, конечно, сослаться на различные причины объективного и субъективного характера, но разве от этого легче?

В трудные для «Спартака» дни мы побывали на подмосковной базе в Тарасовке. Оттуда наш репортаж. И еще, приз

журнала «Ст.М.» — ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА — по праву завоевал Станислав Черчесов. Не навязывая наше мнение тренерскому коллективу национальной сборной, тем не менее настоятельно советуем перед матчами в Италии пригладиться к этому симпатичному бронету в белых перчатках. Право, он того стоит.

Погожий осенний день. Мы на спортивной базе футбольной команды «Спартак». Здесь, кроме обслуживающего персонала, — ни души. В чем дело?

— Тс-с... — говорят нам две женщины при входе в жилой корпус. — Режим, все спят...

— Какая жалость, а мы договорились с Черчесовым...

Женщина в ворохе бумаг на столе находит нужную записку. Долгое время никак не может выговорить название журнала, и мы понимаем, что она вряд ли чем нам сможет помочь.

— Его разбудят без десяти четыре, — успокаивает она.

Ничего не остается делать, как ждать.

Минут через пятнадцать на третьем этаже распахивается балконная дверь. Это Стас. На нем вратарская рубашка и плавки. Машет рукой:

— Сейчас спущусь, — и еще недовольное бурчание неизвестно на кого: — Спим как дети.

Ждать пришлось недолго.

А я вспоминаю другой осенний вечер в Лужниках. Играли «Спартак» и киевское «Динамо». Лил холодный дождь. Спартаковцы проигрывали с разницей в один мяч. Поклонники киевлян ликовали. Стас стоял у кромки поля и молча наблюдал за игрой. Так вот и познакомились на мокрой беговой дорожке Лужников. С тех пор я как бы болею за «Спартак», а точнее, за Стаса и, значит, все-таки за «Спартак».

В тот дождливый октябрьский вечер, под нестерпимо ярким светом лужниковских прожекторов, Стас думал не совсем о футболе. Он размышлял о жизни и о том, сколько еще раз ему предстоит вот так под дождем и солнцем наблюдать за товарищами, которые каждый раз выходят на поле и не боятся, что тренер перед игрой на установке, определяя состав, пропустит их фамилии. Сбылась, наконец, и его мечта — он основной голкипер. Но, может быть, стоит возвратиться к началу пути Черчесова в большой футбол?

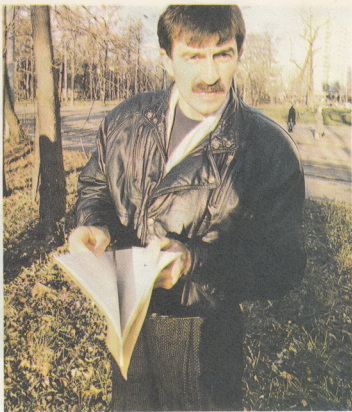
— Стас, когда шел в московский «Спартак», на что рассчитывал?

— Это было в 1984 году. Я играл за «Спартак» Орджоникидзе. Долго раздумывать не пришлось. Тогда орджоникидзевский «Спартак» вылетел из первой лиги во вторую. Обидно было. А вдвойне из-за того, что берешь, допустим, газету и читаешь: там Протасов забил гол, там Литовченко отличился, в таком турнире лучшим признали Яковенко. Чем я хуже их? — задавал себе вопрос. Им просто повезло, что они играют в командах высшей лиги. Поэтому сказал себе: Стас, у тебя есть шанс.

А что касается вопроса «на что рассчитывал?», я полагаю, что надо учиться. Вариться в собственном соку — занятие малоперспективное.

— Но годы шли. Ты уже далеко не юноша, но по-прежнему был дублером Дасаева. Ты его тень. Основной вратарь не дает ни малейшего повода для того, чтобы в ворота поставили тебя.

— Когда я переходил в московский «Спартак», то был уве-

рен на двести процентов, что буду в запасе. Да и наивно полагать, что мне, «только что спустившемуся с гор», предоставят тут же место в основе. У меня с Дасаевым никогда не возникали трения на этой почве. Конечно, я многому научился у Рината.

— Расскажи о своем переходе в «Локомотив». Не было ли это вызвано тем, что тебе надоело находиться в тени Дасаева?

— За год до этого меня пригласили в Тбилиси. Бесков был не против: но я думал. Решение принимал не рассудком, а интуитивно. Это как в воротах, когда бьют одиннадцатиметровый. Тебя спрашивают, как ты поймал, а ты не знаешь, что сказать. Поймал, а объяснить не можешь. Вот так и в жизни бывает. А когда пригласили в «Локомотив», думал буквально минуту, может, тридцать секунд. Если бы тогда не ушел из «Спартака», то я бы сейчас не играл. Это я тебе на двести процентов гарантирую.

— Стас, для многих ты рас-

крылся как-то неожиданно...

— Чтобы раскрыться, нужно постоянно играть. Но кто будет рисковать, если в команде есть основной вратарь, да к тому же еще это Дасаев. Команде нужны очки, место. А то, что я хороший парень, это никого не интересует.

— Как с тренером «Локомотива» Семиним складывались отношения?

— Нормально. Правда, когда пришел, были кое-какие сомнения. Он слышал, естественно, обо мне, ему известно, ловит или не ловит вратарь. Первые дни он ко мне присматривался, я — к нему. «Спартак» и «Локомотив» — две большие разницы. Сначала не мог понять, где я. «Локомотив» вернулся в высшую лигу после восьми лет пребывания в первой. А я пришел из команды, которая те же восемь лет была там, наверху. И пока присматривались друг к другу, иногда спорили. Нет, это были не конфликты. Ну, я, допустим, накануне игры плохо тренировался. Не в том плане, в котором можно по-

думать. Просто чувствовал вялостью. Он думал, что я не смогу играть. Я ему доказываю, что смогу, не переживай. Сегодня я тренируюсь плохо не из-за того, что не хочу, а потому, что голова уже занята другим. Я настраиваюсь на завтрашнюю игру. Но постепенно мы стали хорошо понимать друг друга. Сезон я отыграл в «Локомотиве» от звонка до звонка. Все тридцать календарных матчей.

— Как отнесся Семин к твоему возвращению в «Спартак»?

— Расставались не мирно. Но между нами, конечно, не было ссоры. Да уж, если по справедливости, какой тренер будет отпускать игрока, который ему самому нужен позарез. Если бы это было во второй лиге, он наверняка бы сам сказал: иди, друг мой, дерзай. А так — та же команда высшей лиги. Обидно ему было. Но я решил: буду в «Спартаке».

— Стас, бывали у тебя срывы в игре?

— А у кого их не было. Такие вещи не следует забывать. Вот как-то во время подготовительного периода с командой второй лиги из Саратова оплошал. Пять мячей пропустил. Естественно, переживал. Ведь во время предсезонной подготовки каждый старается произвести на тренеров наилучшее впечатление. Потом во время чемпионата страны года три назад с «Жальгирисом» из пяти мячей два или три были на моей совести. Но дело в том, что и Дасаев пропускал: и с СКА (Ростов), и с «Вердером» на Кубке чемпионов...

Тут важно, какие ты выводы сделал из всего этого для себя. Если тебя неудачи выбили из колеи и у тебя опустели руки — это плохо. После проигрыша «Жальгирису» мы выехали в другой город. Сорокатысячный стадион переполнен. Я чувствую себя так, будто все взгляды ко мне прикованы. Только позавчера пять штук «заглотил», а как сегодня? Объявляют состав. Черчесов — первый номер. Ну, все понятно: свист, улюлюканье. И вот мы после игры покидаем поле под аплодисменты. Счет 3:0 в нашу пользу, и я вдобавок еще пенальти взял. Понятно? Потом с «Черноморцем» 1:1 — уже лучше. Потом с «Динамо» Тбилиси 0:0 — ворота остались сухие.

А играли Гуцаев, Газзаев. Потом Кутаиси. 5:0 обыграли. С ЦСКА 3:1 — это вообще суперматч был. До сих пор бы играл, наверное. Но приехал Ринат, и я снова на скамейке. У меня к нему нет никаких претензий. Это жизнь. Если хочешь быть первым, нужно доказывать э игрой, преданностью футболу.

— Как настраиваешься на игру?

— В зависимости от соперника. Допустим, если с «Динамо» (Киев), то тут раздражитель не нужен. За день, за два до игры я такой же, как будто ничего не произошло. Но уже буквально накануне игры весь взвинченный в хорошем спортивном смысле.

Знаешь, есть стиральные машины со скоростями. Их можно ставить на 1, 2, 3, 4... Так вот, если в решающий момент ты не поставил себя на 4, то могут быть впоследствии сложности.

— Раньше были проблемы: поставят на игру или нет, а сейчас?

— Раньше однозначно: нет. А сейчас однозначно — да. Только для «нет» не нужно давать поводов. А ошибаются все. В позапрошлом году в «Локомотиве» я мог выручить в игре с «Зенитом». Мы проиграли 3:2. Два гола, по-честному, на моей совести. Если бы меня не поставили на следующую игру, то это могло бы надолобить из колеи. Все мы люди, и ошибаться может каждый. Мяч иногда ударяется о кожу или об игрока и изменяет направление, ну, вывают из разряда неберущихся.

— Что бывает самым неприятным для вратаря?

— Многое. Ну, вот, допустим, проход по краю, футболист хочет сделать нацеленную передачу, а у него мяч «сваливается» с ноги и попадает в ворота. Непредсказуемые случайности.

— Как воспринимаешь одиннадцатиметровый?

— Обычно в такой ситуации все бросаются к судье. А у меня одна мысль: пусть они спорят, а мне ловить надо. Не бывает так, чтобы судья назначил пенальти и через пять минут отменил свое решение. Такое может быть раз в миллион лет. Я должен сосредоточиться и сделать свое дело.

В этом году мне уже четырежды били пенальти, два из

них взял. Можно было и третий поймать, но я перепрыгнул мяч. Это в Тбилиси было. Кстати, меня уже там дважды признавали лучшим игроком.

— Стас, что касается вратарей в «Спартаке», то здесь складывается на редкость любопытная картина. Сейчас в твоей тени оказался известный вратарь, олимпийский чемпион Сеула, кстати, тоже спартаковский воспитанник Алексей Прудников. Как бы ты прокомментировал создавшуюся ситуацию?

— Леша до этого отыграл несколько сезонов в «Динамо» (Москва). Когда туда пригласили в «Торпедо» Харина, ему предложили перейти в «Спартак». Пригласили и меня. Прудников хороший вратарь, отличный парень. У нас все без обид. Кого приглашать и кого ставить в «основу» — это дело тренеров. Собственно говоря, тут и комментировать нечего. Кто сильнее, надежнее, того и ставят в ворота. Но это сегодня, а как там будет завтра, кто знает...

— Какие у тебя взаимоотношения с теми, кто старше тебя, младше?..

— Я рано почувствовал себя взрослым. Мне сейчас 26 лет, а в четырнадцать уже принял первое самостоятельное решение. Но есть люди, постарше, к которым я могу обратиться в трудную минуту. Когда был маленьким, отец всегда спрашивал: ты как думаешь? Я отвечал. Если что-то не так, он поправлял. Меня удивляет то, насколько поздно приходит взросление к ребятам, допустим, в Москве. Если ему 20, то думает он на 14 по нашим кавказским меркам. Это мои личные наблюдения.

— Не отрывает ли спортивная жизнь тебя от реальной, той, которой живут миллионы людей?

— То, что я хороший футболист, еще не значит, что для меня открыты все пути-дороги. Примеров таких много, когда тебя сначала носят на руках, а потом ты начинаешь надоедать всем, в том числе и себе. Это известная ситуация. Сейчас принято жалеть отставных спортсменов. Что касается меня, то я закончил университет в Орджоникидзе. Какая-никакая, а специальность у меня есть. Я могу быть тренером в

конец концов. Надо дело делать, а не бить на жалость и снисхождение.

— Стас, есть у тебя невеста?

— Это сложный вопрос. Если жениться, не знаю, смогу ли играть. Ведь придется думать не только о себе, футболе. Из «Спартака» только я и Шалимов пока не женаты.

— Кому легче: женатым или холостым?

— Везде есть свои плюсы. Но если, например, у тебя не идет игра, ты не в своей тарелке, а тут еще жена, дети... Короче, я с самого начала ставил себе цель — только футбол...

— Семейные тоже бывают разные. Кто тебе больше всех импонирует?

— Для меня идеальный семьянин Федя Черенков. У него отличная семья, дай бог им здоровья.

— Как относишься к профессиональному футболу?

— Нормально. У профессионала много обязанностей, но у него есть еще и права. А у нас только обязанности. Нужен контракт. Каждый должен отвечать за себя.

— «Спартак» сейчас хозрасчетный клуб...

— Да, у нас три спонсора: шарикоподшипниковый завод, «Мосэнерго» и РАФ. До хозрасчета Аэрофлот был. Но после того, как стало выясняться, что за рекламу надо платить, наши отношения как-то прервались.

— Сколько получает футболист основного состава высшей лиги, если не секрет?

— Зарплата у нас в «Спартаке» осталась та же — триста рублей. А премии побольше. В прошлом году мы подписали договор с клубом. Я вхожу в совет клуба. Мы сейчас — против уравниловки. А то как бывает: в дубле человек получает

двести восемьдесят рублей. У него нет стимула упираться, бороться за место в основном составе, если он не честолюбив.

— А если бы была возможность уйти по контракту, допустим, в Наполи. Оставил бы «Спартак»?

— Нет. Меня в «Спартаке» пять лет воспитывали. Сейчас я вроде бы начинаю играть. Нужно возвращать долги. А там решим. Но купая-продажа — это нормальное явление.

— Чем запомнился минувший сезон?

— Во-первых, тем, что мы стали чемпионами страны, а во-вторых, я впервые получил приглашение в национальную сборную.

— Расскази, как было дело?

— После календарного матча в Тбилиси руководство команды разрешило мне захватить домой. В Алагире я погостил два дня, а потом вернулся в Москву. Неожиданно позвонил один знакомый и спрашивает, собираюсь ли я на прощальный матч Блохина 28 июня. Вряд ли, отвечаю. Посмотреть можно и по телевизору. Потом решил позвонить Родионову, узнать, когда тренировки. А он мне: тебя, меня и Черенкова пригласили на прощальный матч Блохина в Киеве за национальную сборную против сборной мира. Я сначала не поверил. Думал, разыгрывает. За свою спортивную жизнь я уже разучился удивляться, но тут было приятно поражен.

...По просьбе фотокорреспондента Черчесов несколько раз улыбается: «К объективу сейчас я уже привыкший», — отшучивается он, но после пятого или шестого щелчка «никона» на его лице появляется нетерпеливое выражение. «Мужики, мне минут через пять нужно быть на поле. Вы уж извините,

пойду переодеться».

Из дверей один за другим появляются футболисты. Некоторые пожимают от холода.

— На своей половине играть в два касания, а на чужой сколько хочешь, — слышится голос с хрипотцой. Это Романос, похожий на дирижера, пытающегося наладить игру своего оркестра.

Звонко отдаются удары по тугому мячу в прозрачном осеннем воздухе. Воспользовавшись тем, что игра проходит на чужой половине поля, я спрашиваю Стаса так, чтобы никто не слышал:

— У тебя есть мечта?

Он долго не понимает, потом переспрашивает.

— Мечта? Конечно, есть. Достать такие волшебные перчатки, которые бы сами ловили мячи, — и на лице голкипера «Спартака» появилась озорная улыбка.

Удачи тебе, Стас!

Стас уполномочен заявить

Когда материал пошел в набор, до нас дошла кое-какая информация. Мы решили проверить, так ли это на самом деле, и позвонили Черчесову домой.

— Откуда такие слухи? — воскликнул Стас удивленно.

— А что, разве не так?

— Так-то оно так...

Как бы там ни было, Стас уполномочен заявить, что недавно в его родном городе Алагире состоялась свадьба, о которой знал каждый житель Алагирского ущелья. Стас, как принято писать в колонке светской хроники, сочетался браком. Впрочем, о невесте, о свадьбе мы еще расскажем, так как «Ст. М.» получил официальное приглашение. Я там был, мед, пиво пил, по усам текло, в рот не попало. И еще, милые девушки: вынуждены вас огорчить, рдеют ряды холостяков в московском «Спартаке».

А как же утверждения Черчесова насчет того, что невозможно одновременно иметь семью и играть в футбол... Не знаю, не знаю. Наверное, это лишний раз доказывает, что все в жизни течет, все изменяется.

*Ситатомин Ст. М. е ласиурини
кожапашини.*

Станислав Черчесов.

Ст. М.

ФОТО СЕРГЕЯ ПАНИНА

П
О
С
Т
Е
Р

СТМ

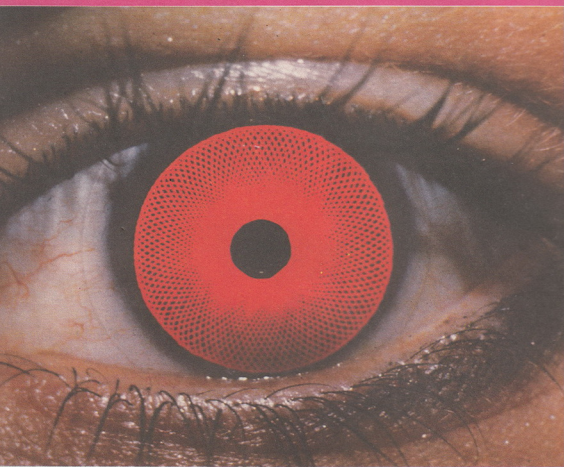
Станислав Черчесов

«Форум» ждет вас

УЧ-2

ФОТО ВЛАДИМИРА ПЧЕЛКИНА

Появление нового издания всегда надежда. Надежда на то, что оно станет самым актуальным, злободневным, увлекательным и, конечно, красивым. Тем более что газета «Форум» — приложение к «Ст. М.» — посвящена сугубо студенческим проблемам. При редакции с 1988 года действует студенческая студия, в которую, помимо студентов-журналистов, принимаются все желающие. Первый результат работы — ноябрьский номер газеты «Форум», посвященный Всесоюзному студенческому форуму.

Чтобы и дальше нас ждал успех в работе, обращаемся ко всем читателям журнала — пишите, предлагайте, сообщайте обо всем, что происходит в вашем вузе, группе, общежитии, личной жизни. Надеемся на самое широкое сотрудничество и прежде всего ждем активной помощи от факультетов журналистики. Возможно, кто-то из вас станет нашим постоянным корреспондентом. «Форум» — это не только одноименная газета, это общественное молодежное движение.

Ольга Чистенкова